АУИПИК

ОХРАНЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВОМ

04 | 23
ISSN 2312-8321
ИНФОРМАЦИОННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТЕМА НОМЕРА
КУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ

МОЗАИКИ НОВОДЕВИЧЬЕГО
ЛЮБИМАЯ УСАДЬБА МАРИИ ЗАХАРОВОЙ
СВОД ПАМЯТНИКОВ И ПОСТРОЕНИЕ КОММУНИЗМА

ОХРАНЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВОМ № 04'2023

2 *Константин Михайлов.* Странная новость

4 Льготный процент и новые программы

6 *Евгения Твардовская, Константин Михайлов.* Часовня в Новодевичьем: теперь без имитаций

16 Мария Захарова: «Сохранение культурного наследия – это защита самосознания и культурного суверенитета нации»

26 *Юлия Максимова.* Реставрация под крылом пеликана

28 Александр Хинштейн: «Едут на том, кто везет»

40 *Константин Михайлов.* Премьера «Достояния»

44 *Татьяна Черняева.* Выставка «ПРОреставрацию» как всероссийский и международный форум

46 *Константин Михайлов.* Своду памятников России – 25 лет

58 **ТЕМА НОМЕРА: КУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ**

60 *Ксения Титова.* Большое Золотое курортное кольцо

66 *Павел Иванов.* Зачем мы путешествуем?

68 *Ольга Тесленко.* На Балтику – за культурой и смыслами

74 *Юлия Куварзина.* Охота за впечатлениями

76 *Олег Фочкин.* Демидовским курсом

80 *Михаил Ильин.* Несколько штрихов к портрету неизвестной

82 *Андрей Адельфинский.* Два Баумана

88 *Андрей Клюев.* Посмотрите направо, посмотрите налево

92 Сергей Пупынин: «Ничего не бояться и делать свое дело»

100 *Константин Михайлов.* Рассказ о затерянном фотоальбоме

124 Акценты

126 Книжная полка

ЛИЦА НОМЕРА

Ольга ВЛАСЕНКО
Алексей ГРИЦ
Анастасия ДЕНЕШ
Мария ЗАХАРОВА
Павел ИВАНОВ
Михаил ИЛЬИН
Юлия КУВАРЗИНА
Сергей КУЛИКОВ
Ольга ЛЮБИМОВА
Юлия МАКСИМОВА
Сергей ПУПЫНИН
Наталия СИПОВСКАЯ
Александр ХИНШТЕЙН
Екатерина ЧЕВЕРОВА
Татьяна ЧЕРНЯЕВА
Дмитрий ШВИДКОВСКИЙ

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры» (ФГБУК АУИПИК)
125375, г. Москва, Дегтярный пер., д. 8, стр. 3. Тел./факс: 8 (499) 705-20-00

Издатель – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры

Сайт журнала:
https://auipik.ru/populyarizaciya/protected-state/

Свидетельство о регистрации СМИ выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Рег. № ПИ № ФС77-83271 от 12 мая 2022 г.
ISSN 2312-8321

РЕДАКЦИЯ
Главный редактор
Константин Михайлов
Заместитель главного редактора
Евгения Твардовская
Шеф-редактор **Олег Фочкин**
Арт-директор **Илья Шпагин**
Корректор **Надежда Колесникова**
Авторы макета: **Павел Краминов; Издательский дом PRCB Group; Илья Шпагин**

Фотография на обложке: Анна Короб.
Фотография на 2 странице обложки: Кирилл Зыков / Фотохост-агентство РИА Новости

В номере использованы фотографии Ильи Шпагина, Олега Фочкина, а также из открытых источников.
Редакция благодарит за содействие творческий коллектив ФГБУК АУИПИК; Государственный музей архитектуры имени А.В. Щусева; Государственный институт искусствознания

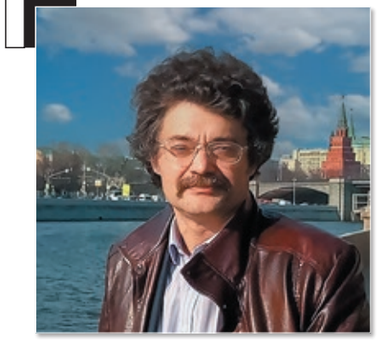
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ольга Андоньева, советник министра культуры РФ
Андрей Баталов, заместитель генерального директора Музеев Московского Кремля
Юрий Бородаев, генеральный директор ФГБУК АУИПИК
Андрей Волков, ректор НИУ МГСУ
Артем Демидов, председатель ВООПИК
Елена Копылова, ректор Института искусства реставрации
Михаил Лермонтов, президент ассоциации «Лермонтовское наследие»
Валентина Музычук, заместитель директора Института экономики РАН
Феликс Разумовский, историк, писатель, телеведущий
Роман Рыбало, директор Департамента государственной охраны культурного наследия Минкультуры РФ
Вячеслав Фатин, президент Союза реставраторов России
Дмитрий Швидковский, ректор МАрхИ
Николай Шумаков, президент Союза архитекторов России

Адрес редакции:
119019, Москва, Гагаринский пер., 4/2
Тел.: 8 (495) 695-07-06

© ФГБУК АУИПИК
Все права защищены. Полное или частичное воспроизведение статей, материалов и других результатов интеллектуальной деятельности, опубликованных в журнале «Охраняется государством», без согласия редакции запрещено.

Категория 12+
Распространяется бесплатно

СТРАННАЯ НОВОСТЬ



Константин Михайлов,
главный редактор «ОГ»

Перед тем как отправить этот номер в печать, я на всякий случай заглянул в тематическую ленту новостей, связанных с культурным наследием. Понятно, что у нас тут не ежедневное оперативное издание, но все-таки – вдруг случилось в мире охраны памятников что-нибудь грандиозное, чего нельзя в журнале не отметить?

Читаю ленту за 20 ноября 2023 года, скольжу глазами по заголовкам. Все как обычно, ничего сверхъестественного. «В Саратове взяли под госохрану двухэтажки в центре», «В Астрахани похитили старинную лестницу из памятника архитектуры», «Во Владимирской области утвердили предмет охраны собора XVII века», «Назначен новый начальник Башкультнаследия»...

Вдруг – стоп. «В городе Касимове сгорел объект культурного наследия федерального значения».

Ничего себе, думаю. Что ж такое – опять Касимов, опять пожар. Ведь года три назад там уже сгорел дом Баркова, прекрасный деревянный классический особняк, визитная карточка города. И вот – опять. Что же за напасть такая? Что на этот раз?

Кликаю на заголовок в ленте, открывается новость. Странная какая-то новость. Всего одна строка – 20 ноября в Касимове сгорел памятник архитектуры. Ни фотографий, ни подробностей, даже названия объекта нет.

Задаю те же слова в поисковике – высыпается ворох новостей трехлетней давности про пожар дома Баркова. Ровно день в день, кстати, – 20 ноября 2020 года. Свежего ничего.

Тут-то я пригляделся внимательнее к новости в ленте, к той, что из одной строки. Крохотным шрифтом дата в углу: 20 ноября 2020-го.

Выдохнул. Никакого нового пожара, никакой новой жертвы. Наверное, просто сбой в новостном агрегаторе: каким-то непостижимым образом он затащил обрывок старой новости в актуальную ленту.

Я уже хотел дальше читать историко-культурную летопись дня, но решил посмотреть, что сталось с тех пор с домом Баркова. Три года – все-таки не три дня, срок немаленький. За три года после наполеоновского пожара пол-Москвы восстановили, а она тогда была сплошь застроена примерно такими же памятниками архитектуры...

Вбил в поисковик: Касимов, дом Баркова. Результат тот же самый: новости осени 2020-го о пожаре – и ничего больше. О реставрации, о восстановлении, хотя бы о планах – ни слова. Хотя нет – нашлась-таки официальная новость 2021 года: дом Баркова и еще два касимовских памятника архитектуры восстановят в 2022–2026 годах, они вошли в некий проект комплексного развития территории исторического поселения. Но больше ничего, никакого продолжения.

Посмотрел актуальные фотографии. Все то же: пепелище, из него торчит печная труба, на уцелевшем белокаменном цоколе стоят в строю шесть колонн, как солдаты в почетном карауле.

Есть такая поговорка: мол, лучшая новость – отсутствие новостей. Но это не тот случай. Знаковый объект, незаурядный классический дом, под госохраной с 1960 года, самый центр города, набережная Оки, по которой ходят туристические теплоходы, – неужто не нужен никому?

Историю предпожарную я помнил: федеральная собственность, владело домом территориальное управление Росимущества, стоял он заброшенным, рязанская областная Инспекция по охране памятников засыпала собственника предписаниями, чтоб принимал меры по сохранению. Собственник мер не принимал, но наконец сдал памятник в аренду коммерческой фирме. Запустил, так сказать, в хозяйственный оборот. Арендатор, правда, тоже ничего не делал, а потом дом сгорел.

Под фотоснимками в поисковиках посетители оставляют комментарии. Решил почитать еще, что пишут про дом Баркова. Памятник архитектуры, пусть и в руинах, не в безвоздушном же пространстве существует. Как люди его видят, что думают?

«Некогда был великолепный особняк, увы, деревянный второй этаж полностью сгорел. Осталась только кирпичная часть здания и колонны. Очень атмосферно для фотосессий».

«Не понимаю, на что там смотреть: после пожара одни только колонны остались. Куча туристов шарятся под окнами дома, ну так себе картина».

«Печальное зрелище, надеюсь, отреставрируют лет через сто хотя бы».

«Жалко, что сгорел, и как-то не спешат восстанавливать!»

«К сожалению, от дома осталась только каменная основа после пожарища. Но с ребенком с удовольствием полазали по развалинам».

«После посещения Касимова впечатление безнадеги. Много заброшек. А этот дом сгорел, остались развалины».

Вот это и есть, как я думаю, самое страшное. Дело не в самих руинах посреди города. А в ощущении безнадеги, которое они распространяют вокруг. Почти двадцать лет назад, тоже поздней осенью, странствуя по той же Рязанской и соседней Липецкой областям, я заехал в небольшой город Чаплыгин, бывший Раненбург. И вот в самом центре, на площади, увидел затянутый сеткой старинный дом без крыши, с проваленными перекрытиями, с пустыми глазницами окон. А перед домом стоял монумент – памятник математику и механику, основателю русской аэродинамики академику и Герою Социалистического труда Сергею Чаплыгину. А на фасаде погибавшего дома красовалась мемориальная доска в честь того, что Чаплыгин в нем родился и жил.

И я подумал тогда: если дом человека, в честь которого назван город, в этом городе пребывает в таком состоянии – значит, этот город не помнит родства, не помнит себя, не имеет будущего. В наши дни, слава Богу, на доме Чаплыгина в городе его имени проведены работы по консервации – в рамках общефедеральной программы, развернутой с 2022 года Министерством культуры России. Разрушение мемориального объекта прекращено... и теперь в Чаплыгине, видимо, будут ждать, когда кто-нибудь выделит средства на его полное восстановление.

Восстановление памятников архитектуры – это на самом деле забота об образе Родины и изгнание ощущения безнадеги

Так же, видимо, в Касимове дожидаются, пока какое-нибудь федеральное ведомство займется их домом Баркова. Очень удобно: сначала местные власти смотрели, как он ветшает и стоит без пользы, потом в области пытались возложить ответственность за пожар на госорган охраны памятников, теперь можно годами ждать, пока Москва профинансирует, отреставрирует, придумает, как использовать...

А ведь промедление опасно. Еще немного, и в Касимове подрастет новое поколение, которое будет с раннего детства помнить дом Баркова пепелищем и заброшенной руиной. Которое будет слышать слова с высоких трибун о необходимости беречь национальное наследие и заботиться о традиционных ценностях, а видеть каждый день руину на месте этих ценностей. Облик памятников старины – это часть образа Родины, который отпечатывается в умах и сердцах, не говоря уже о туристических маршрутах.

Поэтому так важны и консервации, и реставрации, и любая забота о памятниках. Это на самом деле – забота об образе Родины и изгнание ощущения безнадеги.

ЛЬГОТНЫЙ ПРОЦЕНТ И НОВЫЕ ПРОГРАММЫ

Министр культуры РФ Ольга Любимова доложила Президенту России Владимиру Путину о работе по сохранению культурного наследия

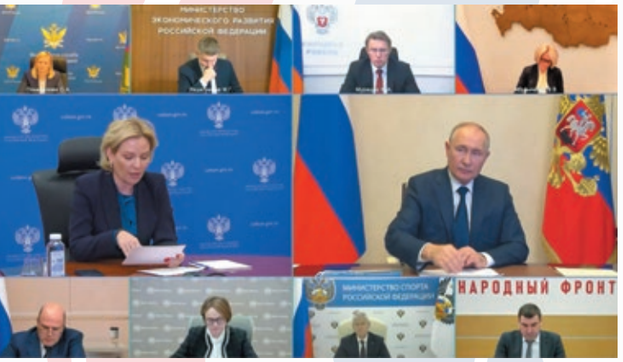
8 ноября 2023 года Президент России Владимир Путин провел (в режиме видеоконференции) совещание с членами Правительства РФ. В диалоге с федеральным министром культуры Ольгой Любимовой он обсудил новые инициативы ведомства в области сохранения культурного наследия. Президент поддержал предложения Минкультуры РФ и поручил «где-нибудь через полгодика» доложить о ходе и результатах их реализации.

Приводим выдержку из стенограммы совещания, опубликованной на официальном сайте Президента РФ.

В. Путин: Ольга Борисовна, у нас 154 тысячи памятников культурного наследия федерального и регионального значения, и 16 процентов из них находятся в неудовлетворительном состоянии. Этот процесс у нас явно затянулся, особенно с передачей в хозяйственный оборот. Знаю, что у Вас есть предложения свои. И вообще, как идет эта работа?

О. Любимова: (…) Действительно, сейчас в реестре объектов культурного наследия учтено почти 154 тысячи памятников, а совместно с новыми регионами организована работа по дополнению единого реестра. Ее завершение запланировано на конец 2025 года.

Ежегодно Минкультуры проводится работа по сохранению более 300 объектов культурного наследия. Мы уделяем особое внимание работе с историческими поселениями: в России их 46 федерального значения и 112 – регионального. В таких населенных пунктах действует принцип «сохранение для развития». Для этого учреждаются предметы охраны и разрабатывается концепция развития исторического поселения на десятилетия вперед.



Сейчас такие атрибуты утверждены и для Плеса, Арзамаса, Боровска, Тутаева, Гороховца, Енисейска, Крапивны, Кяхты в Республике Бурятия и Суздаля. А в планах у нас и Выборг, и Зарайск, и Белев, и Вологда, Ярославль, Томск и Каргополь.

Эту работу мы проводим в плотном взаимодействии с регионами, и она дает позитивный эффект, приводит к развитию местного бизнеса и ресторанов, кафе, гостиниц, а также к увеличению туристического потока. Так, в Арзамасе, Крапивне, Гороховце за последний год турпоток увеличился в два раза, а в маленьком Тутаеве теперь больше 250 тысяч человек в год.

Министерством культуры проводится большая работа по сохранению культурных и природных ландшафтов, связанных с историческими событиями или с жизнью выдающихся людей, устанавливаются достопримечательные места. И яркими примерами являются Поленово, Ясная Поляна в Тульской области, безусловно, Соловецкий архипелаг в Архангельской области, древний город Херсонес Таврический в Севастополе. В настоящее время в реестре зарегистрировано более двух тысяч достопримечательных мест.

Отдельно хочется обратить внимание на результаты работы по снижению административных барьеров в реставрационной деятельности. Все государственные услуги, связанные с сохранением объектов культурного наследия, переведены в электронный вид. Это сделано совместными усилиями и Минкультуры, и Минэкономразвития, и наших коллег из Минцифры. И как результат: сроки оказания услуг сокращены в два раза, а количество подаваемых документов – в три.

Благодаря Вам, Владимир Владимирович, решена также очень важная проблема людей, проживающих в многоквартирных жилых домах-памятниках. С 1 сентября вступил в силу закон, разрешающий проведение в таких домах работ в рамках капитального ремонта. Учитывая, что в стране насчитывается восемь тысяч жилых домов – объектов культурного наследия, для их жителей это очень долгожданная мера поддержки, а также, по предварительным нашим просчетам, это экономия в размере более 200 миллиардов рублей.

Владимир Владимирович, во исполнение Вашего указания министерство совместно с акционерным обществом «ДОМ.РФ» прорабатывает также возможность вовлечения в хозяйственный оборот объектов культурного наследия с низкой инвестиционной привлекательностью. Для участия в пилотном проекте уже определены первые пять регионов: Забайкальский край, Новгородская, Рязанская, Смоленская и Тверская области.

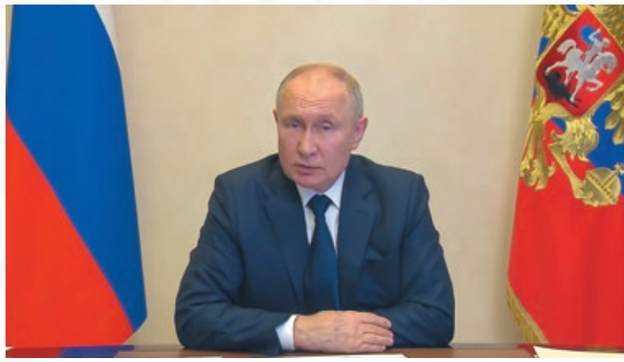
А также с 2020 года Минкультуры реализуются еще две новые программы. Первая – это программа «Консервация объектов культурного наследия», она позволяет сохранить памятники от дальнейшего разрушения и обеспечить возможность их реставрации в будущем, это 50 объектов ежегодно. И действует программа сохранения памятников деревянного зодчества, которая ежегодно обеспечивает реставрацию пяти объектов.

В. Путин: Хорошо. Надо поактивнее, конечно, здесь работать. Льготный процент, сколько там ставка на [восстановление] объекта? Четыре процента?

О. Любимова: Прорабатывается четыре процента, да, с возможностью компенсации банком, соответственно.

В. Путин: Нужно посмотреть, как это пойдет в регионах. Потому что в Москве-то понятно, эти вложения достаточно быстро окупаются. Как в регионах пойдет, надо посмотреть.

Ну и по ходу дела, по ходу реализации этого плана, этого проекта прошу где-нибудь через полгодика доложить, что там происходит, чтобы, если что, внести какие-то коррективы, и к концу года чтобы динамика была заметной и положительной.



ЧАСОВНЯ В НОВОДЕВИЧЬЕМ: ТЕПЕРЬ БЕЗ ИМИТАЦИЙ

Реставраторы МНРХУ восстановили уникальные мозаики эпохи модерна

Евгения Твардовская,
Константин Михайлов
Фотографии Ильи Шпагина

Любого входящего в Новодевичий монастырь встречает по пути к Смоленскому собору стройная часовня со шлемовидной главой. Небольшое, но очень выразительное здание дает звучную ноту в общей торжественной симфонии монастырского архитектурного оркестра. Единственное в Новодевичьем сооружение эпохи модерна начала XX столетия тактично вписано в архитектурный ансамбль XVI–XVII веков, но представляет собою яркое произведение русского искусства предреволюционного времени, преисполненного творческих поисков и смелого новаторства – но именно в русле национальной традиции.

Очень долгое время, несколько десятилетий, посетители Новодевичьего монастыря любовались фасадами этой часовни – усыпальницы знаменитых фабрикантов Прохоровых, но были лишены возможности заглянуть внутрь. Оттого и сегодня мало кто знает, что в интерьере часовни сохранились великолепные, очень тонкой и вдохновенной работы, мозаичные композиции начала XX века. В 2023 году специалисты МНРХУ закончили их реставрацию, проходившую в рамках больших восстановительных работ в Новодевичьем монастыре, организованных Министерством культуры России и АУИПИК по поручениям Президента РФ В.В. Путина к 500-летию обители.

Часовня-усыпальница Прохоровых в Новодевичьем монастыре спроектирована и построена в 1911–1915 гг. архитектором Владимиром Покровским, одним из ведущих мастеров стиля «неорусского модерна», автором таких знаменитых его произведений, как Феодоровский собор в Царском Селе, банк Рукавишникова в Нижнем Новгороде, Ссудная казна в Москве, храм-памятник на месте «битвы народов» 1814 года под Лейпцигом.

Заказчиком часовни было семейство известных в Москве фабрикантов Прохоровых, владельцев Товарищества «Прохоровская Трехгорная мануфактура». Часовня предназначалась для захоронения основателя династии и мануфактуры И.Я. Прохорова и членов его семьи. Несмотря на то, что строительство и отделка часовни продолжались до 1915 года, уже в августе 1911 года в нее были перенесены ранее захороненные близ Смоленского собора останки И.Я. Прохорова, а также его брата, жены, дочери и внучки. Позднее, в 1912 и 1917 годах, в усыпальнице

Резной декор фасадов часовни восходит к древнему владимиро-суздальскому зодчеству

были захоронены еще несколько представителей рода. Захоронения Прохоровых и сегодня покоятся в крипте под полом часовни.

Современный исследователь Алексей Слёзкин так характеризует часовню в Новодевичьем: «Образ ее необычайно выразителен и, несмотря на скромные размеры, она не теряется в ансамбле монастыря. Основа этого образа – две волны килевидных фронтонных кокошников и вытянутая шлемовидная глава с перехватом. По столь характерной форме главы и по наложению друг на друга одинаковых килевидных форм – излюбленным приемам Покровского – рука мастера сразу безошибочно узнается...

Позолоченные оконные решетки столь массивны, что сами окна за ними практически не просматриваются. Несомненно, такие нюансы выдают желание архитектора создать сказочное сооружение с райскими символами. Об этом говорит и рисунок каменной ограды перед входом, в котором переплетаются виноградная лоза, цветы, птицы».

Резные элементы на фасадах и ограде, восходящие к древнему владимиро-суздальскому зодчеству, как указывает А. Слёзкин, были выполнены в петербургской мастерской Я.И. Филотея, ажурные металлические решетки – фирмой И.П. Хлебникова.

А интерьеры часовни были украшены мозаиками, изготовленными в московской мастерской В.А. Фролова, с которой В. Покровский постоянно сотрудничал. Вновь дадим слова искусствоведу Слёзкину: «В мозаиках видна попытка переосмысления византийской традиции: в ней написаны лики и выдержано колористическое решение, в котором доминируют интенсивный синий и золотой цвета, напоминающие некоторые ранневизантийские мозаики Равенны. В куполе – Спас Вседержитель, на стенах – святые Анна, Иоанн Предтеча, Алексий Митрополит, тезоименитые первым захороненным в часовне. Изображения шестикрылых серафимов близки к романтической “васнецовской” стилистике».

В советские времена, после закрытия монастыря, часовня служила то жильем, то складским помещением. Интерьер ее был разгорожен на ярусы, а об уникальных мозаиках никто не заботился, вследствие чего они частично осыпались. Реставраторы пришли в усыпальницу только в 1980-е годы, но – по недостатку то ли времени, то ли средств, то ли умения,

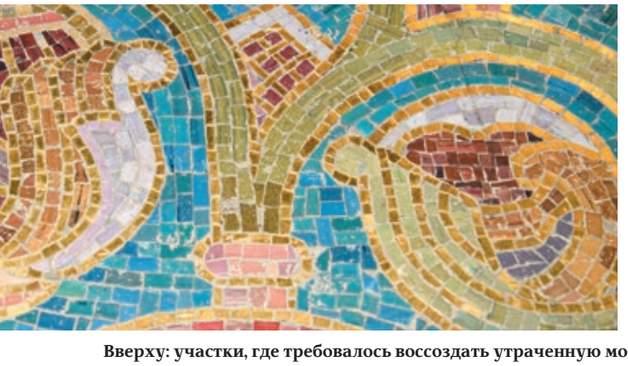
В колористическом решении интерьера доминируют золотой и интенсивный синий цвета

а может быть, и всего этого сразу – восстановили интерьер не полностью, пытаясь имитировать недостающие фрагменты мозаик средствами живописи.

Полноценная научная реставрация мозаик часовни Прохоровых стала возможной только в наши дни. Они были расчищены, промыты, укреплены, в местах утрат – воссозданы. О том, как проходила реставрация, «ОГ» рассказали занимавшиеся ею специалисты МНРХУ.

Ольга Власенко,
реставратор высшей категории художественных изделий и предметов керамики:

– При восстановлении мозаик усыпальницы Прохоровых изначально предполагалось применить метод т. н. «холодной реставрации», который широко используется при реставрации фасадных и интерьерных изразцов для воссоздания утраченных элементов черепков и глазури. В основе его лежит использование кремнийорганических материалов, твердеющих на воздухе. Однако было принято решение применить этот метод только частично. Таким образом, кремнийорганические материалы были применены только для консервации, т. е. для укрепления и инъектирования отслоившихся фрагментов мозаики, а также

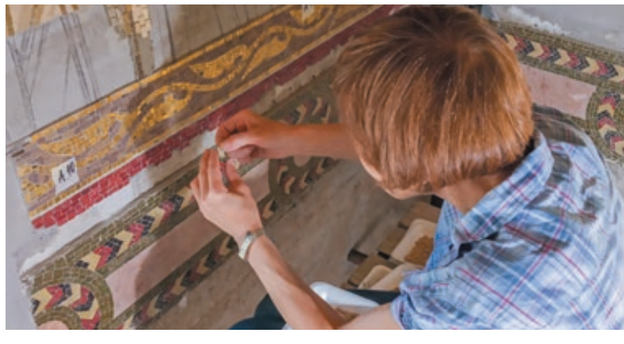


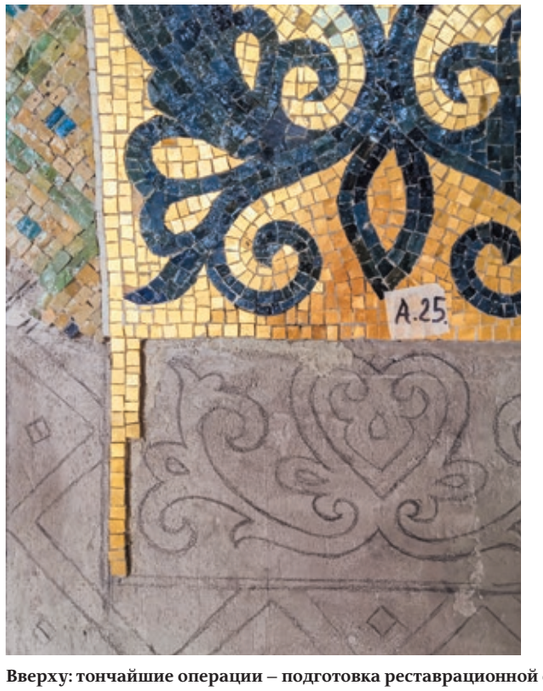
Вверху: участки, где требовалось воссоздать утраченную мозаику. Внизу: мозаики до реставрации. Видны участки, где утраты смальты «восполнены» средствами живописи при работах 1980-х гг.

при восполнении ее утраченных фрагментов, на тех участках, где укладка новой смальты была бы затруднительной.

Екатерина Чеверова,
реставратор мозаики и керамики:

– Часовня выполнена в неорусском стиле. Мозаики усыпальницы Прохоровых – объект эпохи модерна в хорошей сохранности, несмотря на то, что здание в XX веке подвергалось разрушениям. Верхняя часть мозаик была преимущественно в хорошем состоянии, но нуждалась в расчистке от бытовых загрязнений, в диагностике состояния смальты и цементного раствора. При проведении визуального осмотра мозаики стало ясно, что основные повреждения находятся в зонах золотой смальты, расположенной на оконных откосах верхнего и среднего ярусов, где золотая мозаика частично отсутствовала, а также имеются точечные повреждения цветной смальты. В области синего фона среднего яруса наблюдалась плохая адгезия смальты с цементным раствором, а раствора – с поверхностью стены, поэтому после расчистки аутентичная смальта была вновь переклеена, возвращена на свое место. Реставраторы начали ей заниматься еще в 2018 году.





Вверху: тончайшие операции – подготовка реставрационной смальты и ее установка на место; инъектирование мозаик. Слева и внизу: восстановление рисунка утраченных фрагментов мозаики. Фотографии реставрационных работ предоставлены МНРХУ

В нижней части в 1980-е годы нашими предшественниками была выполнена живописная имитация мозаики. Причем выполнена не самым лучшим образом. Частично отсутствовала смальта в одеждах Христа, а в нижнем орнаментальном поясе был обнаружен фрагмент, который был перевернут – судя по рисунку, его взяли с другой стены и установили здесь. Исторических документов о предшествующих реставрационных работах нам найти не удалось. В 1980-е годы здесь явно работал художник, но не мозаичист.

Первоначально предполагалось, что мы, специалисты по «холодной реставрации», также будем делать имитацию. Но когда произвели расчистку, поняли, что в мозаичной поверхности есть некоторые зоны, углы, стыки, которые выведены «не по архитектуре», и мы не сможем состыковать старинную мозаику и наш имитационный слой. Потребовалась подготовка поверхности и корректировка проекта реставрации. Мы поняли, что нижний ярус мозаичного декора возможно и необходимо воссоздать мозаикой – настоящей смальтой, а не имитацией. Кроме того, во всех отношениях – и в художественном, и в техническом – для памятника воссоздание в технике мозаики явилось бы лучшим, на наш взгляд, решением: имитационные материалы потребуют возврата к ним через 15–20 лет, а мозаика в хороших условиях эксплуатации может сохраняться десятилетиями.

Там, где подлинная мозаика была в сохранности, мы производили расчистку, укрепляли деструктурированные, осыпавшиеся участки, но новых элементов не добавляли. Все работы производились в соответствии с проектом: на золотой мозаике местами были утрачены верхний слой – кантарель – и золотая

«Примерка» восстановленного рисунка утраченных мозаик

фольга. Такую мозаику решено было оставить без замены, чтобы не повредить соседние элементы смальты. На то он и подлинник – каков он есть, таков и есть.

Расчистка и укрепление мозаик – это сложная точечная работа, зачастую более трудоемкая и долгая, чем если бы мы выкладывали мозаику заново. Было много работы по окнам: нам как реставраторам пришлось создать деликатный художественный переход между подлинной и новой мозаикой.

Укрепление, переклейка, инъектирование участков мозаики – тоже процесс очень трудоемкий. Предположим, мы видим, что где-то отвалились камешки смальты. Наносим свой кремнеорганический материал – в данном случае была применена кремнийорганическая смола в растворе, она фактически работала как клей. Если не можем подобраться, заполняем трещины или полости с помощью шприца. Если можем – снимаем камешек, расчищаем, готовим поверхность, заполняем пустоты смолой, вновь приклеиваем. Это ручная штучная кропотливая работа. Надо попасть в плоскость, вернуть то, что было раньше...

Там, где требовалось докомпоновывать утраты, где существовала опасность повредить соседние области орнамента или была трещина в основании под мозаикой, был применен метод «холодной реставрации». А в местах более крупных утрат, где ничто не угрожало аутентичной мозаике, в местах предшествующей реставрации, выполненной имитационными методами, мы воссоздали настоящую мозаику. Такое решение было принято специально для этого памятника. Для него это однозначно благоприятнее, хотя и обошлось дороже. Заказчик пошел нам навстречу: важно было воссоздать изначальный облик. При восстановлении рисунка утраченных фрагментов ориентироваться можно было только на остатки подлинника. Старинных фотографий интерьера часовни обнаружить не удалось.

Анастасия Денеш,
реставратор мозаики и керамики:

– Утраты в часовне выглядели необычно. Мозаика отсутствовала ровно до горизонтальной линии, которая опоясывала всю часовню. Возможно, это след перекрытия, сделанного в XX веке.

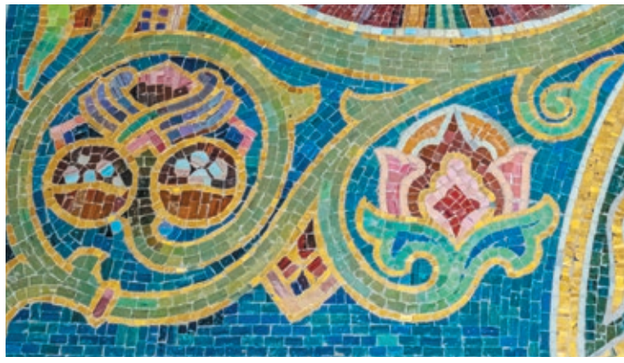
Сложность была в том, что материалы, которыми пользовались художники в 1910-е годы и сейчас, совершенно различны. Основная наша задача была четко попасть не только в тон, цвет, но и в фактуру – это очень важный момент при реставрации мозаик.

Подобрать мозаику для восполнения утрат удалось с трудом, во многом благодаря имеющимся у реставраторов личным запасам еще императорской смальты. Она была более плотной, тяжелой, даже с добавками свинца. Была возможность подобрать кое-что из запасов советской смальты, которая была очень интересна, особенно смальта Лисичанского завода. Многие считают эту смальту лучшей в мире.

Воссоздать рисунок мозаик было не так сложно, как подобрать и подготовить материал, хотя при отсутствии исторических фотографий пришлось воссоздавать картоны отдельных элементов интерьера. Нам нужно было практически уподобиться мастерам, которые создали эту мозаику.

Пояс с лозой слева и справа, маленькие вензелечки в нижней части мы постарались достроить по аналогии с сохранившимся орнаментом. Сложный вопрос был, как попасть в цвет и какую смальту применить в красных терракотовых филеночках (т. н. опушь). Странно было бы видеть однотонную филенку, а рядом современную смальту с блестящей фактурой. Тут нас выручила Италия, знаменитая фирма Orsoni, смальту этой фирмы использовали и в эпоху модерна. Там нашлась смальта, цвет и фактура которой были очень похожи на нашу. Полгода мы ждали смальту этого цвета! Она недешевая, но на это пошел заказчик.

Мраморный поясок, на котором держится мозаичный фриз, также был отреставрирован. Специально применяли кислоты, чтобы воссоздать видимость подлинной поверхности старинного мрамора. Это все был огромный труд.



Мозаики после реставрации.
Слева: подлинная мозаика и воссозданный фрагмент – все по Венецианской хартии

МАРИЯ ЗАХАРОВА:
«СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ – ЭТО ЗАЩИТА САМОСОЗНАНИЯ И КУЛЬТУРНОГО СУВЕРЕНИТЕТА НАЦИИ»

На вопросы «ОГ» отвечает официальный представитель МИД России, директор Департамента информации и печати МИД России М.В. Захарова.

– Мария Владимировна, в одном из недавних выступлений Вы сказали, что в наши дни происходит в том числе и «битва за историю». Какое значение в этом контексте имеет сохранение объектов культурного наследия? Общепризнано, что наследие – основа нашей национальной и культурной идентичности. Значит, те, кто разрушает памятники истории и культуры, разрушает нашу идентичность? Правомочна ли такая постановка вопроса?

– Вопросы, связанные с сохранением культурного наследия, имеют сейчас особую актуальность. Культура, искусство – сферы, которые призваны объединять людей, – сегодня оказались в эпицентре геополитического противостояния. «Коллективный Запад» фактически развернул против России настоящую войну на культурном фронте. Разрываются многолетние партнерские связи, проводится политически мотивированная «коррекция» национальной принадлежности русских художников и названий их картин, происходит снос памятников, предпринимаются попытки стереть любые проявления исторической памяти, связанные с нашей страной. Такое поведение вызывает возмущение и заставляет усомниться в уровне культуры и нравственности, который себе приписывают наши бывшие партнеры.

У нас нет иллюзий в отношении целей тех, кто поощряет осквернение и уничтожение российских памятников истории и культуры, санкционирует конъюнктурные трактовки и переименование произведений классиков, добивается гуманитарной изоляции России. История знает примеры целенаправленного уничтожения культуры – именно этим последовательно и осознанно занималась нацистская Германия в годы Второй мировой войны, основываясь на чудовищном по своему цинизму принципе: уничтожить памятники народа, чтобы он уже во втором поколении перестал существовать как нация. Как известно, забвение уроков истории неизбежно оборачивается тяжелой расплатой.

Культурное наследие нации – основа ее «культурного кода». Сохранение культурного наследия непосредственно связано со сбережением самосознания нации, защитой ее культурного суверенитета. Памятники истории и культуры – хранилище памяти. Народ, который забывает свою историю и отрывается

от своих корней, неминуемо прибивается к «чужим берегам», чужой культуре и никогда не сможет быть хозяином своей судьбы.

Наше наследие – неотъемлемая часть и европейской, и мировой сокровищницы культуры. Российская культура богата, самобытна, созидательна, высокодуховна. Она имеет очень глубокие корни, выкорчевать которые невозможно. Потому понятно, что попытки «отменить» Россию обречены на провал.

Россия самодостаточна в культурном плане. Вместе с тем мы по-прежнему открыты к взаимодействию с теми, кто уважительно и с пониманием относится к нашей стране, ее культуре, истории и традициям. Даже в нынешних непростых условиях у нас осталось много искренних, независимо мыслящих друзей. Помочь им не терять связи с Россией, способствовать поддержанию взаимообогащающего диалога культур, укреплению доверия и взаимопонимания между народами – наша общая важнейшая задача.

– Определяет ли история национальное самосознание? В чем причина того, что споры по оценке многих ключевых для российской истории исторических фигур – Ивана Грозного, Петра Первого, Ленина, Сталина – не утихают и даже ожесточаются? Нужно ли нам «национальное примирение» по историческим вопросам и персонажам?

– Безусловно, история определяет национальное самосознание. И это со всей очевидностью можно увидеть, например, в нашей Концепции внешней политики. Обратите внимание на ее начало, где говорится о том, что «более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи... определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации». В общем, этот доктринальный документ прямо дает ответ на ваш вопрос: наше историческое развитие сформировало нашу культурно-цивилизационную общность, запрограммировало ее «код».

Характерны и такие расхожие цитаты, как «хочешь победить врага – воспитай его детей» или «отними у народа историю – и через поколение он превратится в толпу», кому их авторство ни приписывалось бы. Происходящее на Украине в последние десятилетия и есть то самое переписывание истории, цивилизационного «кода», через которое его идеологи попытались «перепрошить» национальное сознание миллионов людей. К сожалению, небезуспешно. Результаты видим сегодня.

Также сказанное применимо и к попыткам Запада фальсифицировать события не то что давно минувших дней (и тем самым повлиять на глубинное сознание), а практически современность – Вторую мировую войну. Посмотрите на борьбу с военными памятниками, особенно в восточноевропейских государствах. Или на постоянное замалчивание западными политиками решающей роли (да не то что решающей – хоть какой-то) Советского Союза в разгроме фашизма. В итоге, например, во Франции недавно проведенный опрос показал: если в 1945 году 57 % французов считали, что СССР внес наибольший вклад в победу над фашистской Германией, то спустя 70 лет, в 2015 году (то есть еще задолго до СВО), – всего 23 %.

«Покровское-Стрешнево – уникальное место: и лесополоса, и парк с каскадом озер, и старинная усадьба»

Что касается спорных фигур, вокруг которых не утихают споры, то, думаю, время многое расставит по своим местам.

Кстати, приведенный вами список – далеко не исчерпывающий. Даже, казалось бы, твердо закрепившийся в историографии положительный образ святого благоверного князя Александра Невского подвергается пересмотру. Причем не только зарубежными исследователями (в некоторых туристических брошюрах, например, в Эстонии, он назван «кровавым герцогом»), но и российскими.

Причина очевидна (и тут мы возвращаемся к вашему первому вопросу). Ведь этот выдающийся государственный деятель определил на века вперед развитие России, в его векторе мы находимся и сегодня. Именно поэтому памятники Александру Невскому открываются по всей России, в том числе, кстати, и у нас в министерстве; и в ближнем зарубежье – например, в середине июля в Алма-Ате. И те, кто хочет скорректировать этот вектор, этот заданный издревле курс, пытаются идти к первоисточнику, первопричине, чтобы изменить если не само прошлое (здесь, к счастью, они бессильны), то его интерпретацию, и – таким образом – как настоящее, так и будущее.

– Насколько перспективным представляется сегодня направление внутреннего культурного туризма, основанного на исторических и культурных достопримечательностях России? Насколько важен такой туризм для патриотического воспитания?

– Как известно, туристская отрасль обладает мощным экономическим потенциалом и заметным мультипликативным эффектом, положительно влияя на другие отрасли народного хозяйства, создавая рабочие места, открывая новые перспективы для малого и среднего бизнеса. Развитие перспективных направлений туризма – ключ к поступательному развитию регионов.

В настоящее время основная работа в рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» ведется профильными ведомствами и организациями в направлении создания качественных, современных, доступных туристских продуктов и услуг, развития туристской инфраструктуры и логистики, снятия административных барьеров для отрасли, подготовки кадров, привлечения инвестиций, а также обеспечения предпосылок для формирования широкого спроса со стороны населения.

«Народ, который забывает свою историю и отрывается от своих корней, неминуемо прибивается к “чужим берегам”, чужой культуре и никогда не сможет быть хозяином своей судьбы»

Рассчитываем, что после завершения этой работы количество поездок по России, организованных в туристических целях, существенно увеличится.

Очевидно, что в нашей стране имеются действительно широкие возможности для организации любых видов туристических поездок – от пляжного отдыха до научно-популярного туризма. Отрадно наблюдать, что «культурный туризм», и прежде популярный в России, также набирает сегодня обороты.

Возможность в буквальном смысле прикоснуться к отечественным памятникам культуры, истории, архитектуры, лично познакомиться с обычаями и традициями многочисленных народов, населяющих Россию, собственными глазами увидеть, где разворачивались известные со школьной скамьи события, восхититься невероятным разнообразием и красотой наших природных ландшафтов, поразиться величественностью наследия, переданного нам нашими предками, бесценна и воздействует убедительнее любых слов.

Уверены, что обеспечение широкого доступа молодежи к историко-краеведческим центрам, музеям, памятникам культуры и искусства вносит значительный вклад в патриотическое воспитание молодых россиян, поскольку формирует у новых поколений граждан культуру достоинства, основанную на уважении своей Родины, ее богатой истории и замечательной культуры, а также выдающихся предшественников и их многочисленных достижений.

Исходим из того, что развитие внутреннего «культурного туризма» и отечественной индустрии гостеприимства также отразится на увеличении въездного туризма, росте интереса со стороны иностранных граждан к нашей стране, а также к предоставляемым ею возможностям организации разнообразных видов отдыха – и в итоге будет способствовать формированию объективного представления о России в мире.

Со своей стороны, в рамках компетенции МИД России мы готовы оказывать всемерное содействие развитию и расширению взаимодействия с зарубежными странами в области туризма.

– Помимо развития экономики в регионах, внутренний культурный туризм – это ведь и инструмент познания, узнавания, «открытия» гражданами собственной страны.

– Да, проблематика культурного наследия имеет важное измерение: мы не знаем сами свою страну, а порой и город свой не знаем. И это колоссальная

«Недавно я объездила усадьбы вокруг Торжка, во многих жизнь поддерживается усилиями волонтеров»

проблема. С ней, конечно, сталкиваются во всем мире, но у нас это чувствуется еще сильнее по той причине, что страна наша – огромная, каждый регион наполнен достопримечательностями, особенностями – и природными, и культурными. Это многообразие просто невозможно охватить, не видя его, не чувствуя, не ощутив его на личном опыте. Москва, Санкт-Петербург, Новгород, Ярославль и многие другие – это города, формирующие нашу идентичность, в которых надо не просто побывать «для галочки», нужно их изучить, понять.

И понимание важности этого надо прививать с детства. А нас много лет приучали к тому, что туризм – это обязательно заграница, внутренний туризм вообще не развивался. Конечно, это было связано с событиями начала 1990-х, когда многие наши граждане стали «в штыки» воспринимать все отечественное. Я помню, что в конце 1980-х – начале 1990-х никому и в голову бы не пришло носить футболку с названием и символикой России. Но с удовольствием носили одежду с надписями средиземноморских пляжей или американских городов, а американский и британский флаги стали символами молодежной субкультуры. Последнее десятилетие ситуация начала выправляться. Помогла нам, как часто бывает, беда – пандемия. На фоне закрытых границ люди открыли для себя Россию, поняли, что и у нас в стране есть много мест, куда интересно поехать, с удивлением стали открывать для себя Северный Кавказ, красоты Северной Осетии, Дагестана, Кабардино-Балкарии...

До пандемии, кстати, было еще одно важное событие – чемпионат мира по футболу 2018 года. Тогда произошла удивительная вещь: мы готовились принимать гостей – и вдруг сами увидели, что живем в такой красоте.

Видимо, сейчас мы проходим следующий этап самоидентификации, когда не посмотреть на себя и на свою страну заново – невозможно.

Я настолько люблю нашу страну, понимаю, что она так богата удивительными историческими и природными сокровищами, что и всей жизни мало, чтобы это изучить, – поэтому все свободное время посвящаю более глубокому знакомству с Россией.

Зачастую и ехать далеко не надо. Для москвичей, например, даже ближайшее Подмосковье – это же огромный пласт культурного наследия, который изучать и изучать: усадьбы, монастыри, музеи. А рядом с Москвой – и Тверь, и Тула. Двух недель отпуска хватит только чтобы поверхностно соприкоснуться с местами, где формируется наш культурный код. Пару лет назад я была на Алтае – это просто другая планета, но она – наша. А что уж говорить о нашем Юге! Мое личное открытие – это город-курорт Анапа. Со скалистыми высокими берегами, с песчаными пляжами, возможностью ездить на песчаные косы, лиманы, с ветрами двух морей, персиковыми садами,

похожими на рощи, античными раскопками и золотым солнцем.

Просветительская деятельность, которая сочетает и отдых, и изучение достопримечательностей и культуры, – наша стратегическая задача. На ней должны быть сфокусированы усилия. Да, нужно изучать историю и по учебникам. Но только понимание того, что это не одни сухие формулировки и даты, а реальность, и с этой реальностью можно соприкоснуться, – дает чувство сопричастности нашему великому прошлому и формирует другой взгляд на настоящее.

Уже сделано многое, чтобы культурный туризм был доступным и комфортным. По крайней мере, в Москве и Санкт-Петербурге вы не увидите километровые очереди в музеи, билеты можно купить онлайн, все заранее спланировать, то есть ты попадаешь в такой «историко-культурный конвейер» и не тратишь времени и усилий на логистику. Только смотри, узнавай, удивляйся.

– На создание такой системы должна работать мощная структура, индустрия. Помните, был такой советский проект «Моя родина – СССР»?

– Да, в СССР культурное просветительство и туризм были поставлены на широкую ногу. Была инфраструктура, снимались фильмы, в том числе и художественные. Но – были и недостатки. Я проходила это в детстве, со своими родителями. Скажем, невозможно было взять ребенка в санаторий. Приходилось селиться в частном секторе и т. д. Система не была сфокусирована на нуждах потребителя и качестве обслуживания. Но глобально все было – и к нам даже ездили из-за границы, в том числе на санаторно-курортное лечение. Та же гостиница «Жемчужина» в Сочи, ставшая сегодня уже историческим символом, была всемирно известна. А лагерям молодежного отдыха, таким как «Артек», «Орленок», аналога в мире нет до сих пор.

Сейчас наши города преображаются. Я бы рекомендовала к обязательному посещению Тулу: прекрасное сочетание и исторических достопримечательностей, и современного уровня комфорта. Недавно я объездила усадьбы вокруг Торжка, во многих жизнь поддерживается усилиями волонтеров. Кстати, недавно узнала также о многолетних волонтерских усилиях по возрождению усадьбы Быково в Московской области. В следующем году исполняется 190 лет Д.И. Менделееву. Очень рекомендую посетить места под Солнечногорском, связанные с именем великого ученого и женившегося на его дочери гениального поэта Александра Блока: Тараканово, Боблово, Менделеево. Таких примеров – масса.

Знаменское-Раек – знаменитая усадьба близ Торжка, построенная по проекту Н.А. Львова

– Доступ к культурным ценностям, в том числе к памятникам истории и культуры, гарантирован Конституцией России. Как МИД РФ решает проблему доступа в «подведомственные» памятники архитектуры с учетом их режимного статуса?

– ГлавУпДК при МИД России является одним из крупнейших балансодержателей недвижимых объектов культурного наследия народов Российской Федерации. Общее число таких объектов составляет 113 строений, расположенных на территориях 65 домовладений общей площадью 108 тыс. кв. м.

Большинство этих особняков были созданы по заказу крупнейших российских купцов и промышленников: Морозовых, Второвых, Рябушинских, Игумновых, многие из которых являлись известнейшими меценатами своего времени, коллекционерами и создателями галерей искусства.

Ежегодно, 18 апреля и 18 мая, в рамках проводимых Правительством Москвы Дней исторического и культурного наследия, с иностранными дипломатическими представительствами, которые размещаются в историко-архитектурных памятниках, согласовывается возможность их посещения организованными группами интересующихся из московской общественности. Тем самым в рамках положений Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. в части неукоснительного соблюдения государством пребывания неприкосновенности служебных и жилых помещений диппредставительств, практически претворяется в жизнь принцип общественной доступности объектов историко-культурного наследия.

Взаимодействуем с Департаментом культурного наследия города Москвы (Мосгорнаследием), который заблаговременно предоставляет список интересующих общественность объектов и непосредственно формирует группы посетителей из числа архитекторов, художников, студентов и обычных граждан, интересующихся историей своего Отечества. Запись граждан и формирование организованных групп экскурсантов осуществляет Мосгорнаследие, оно же обеспечивает группы квалифицированными гидами-экскурсоводами.

Следует подчеркнуть, что к вопросу обеспечения доступности зданий иностранных посольств в Дни исторического и культурного наследия нельзя подходить прямолинейно, по принципу «посольства обязаны открыть свои двери». Дипломатические представительства функционируют по своему особому распорядку, осуществляют в интенсивном режиме текущую дипломатическую работу, подготавливают визиты в нашу страну различного уровня делегаций, проводят значительное количество протокольных мероприятий. Экскурсиями для иностранных посольств создаются определенные неудобства, и нужно это понимать. К тому же есть объективные ограничения, связанные с вместимостью зданий, их планировкой, площадью помещений, конфигурацией переходов. Поэтому, когда мы говорим об иностранных посольствах, «открывающих свои двери», речь идет именно об организованных посещениях зданий посольств.

«Просветительская деятельность, которая сочетает и отдых, и изучение достопримечательностей и культуры, – наша стратегическая задача»

И если посольство не имеет возможности принять посетителей ввиду прибытия делегации или по какой-то другой объективной причине, то относиться к этому необходимо с надлежащим пониманием.

Кроме того, некоторые особняки не могут быть представлены к показу в отдельные годы по объективным техническим причинам – если в них проводятся ремонтные работы.

За время проведения Дней исторического и культурного наследия – с начала 2000-х гг. – мы встретили поддержку со стороны подавляющего большинства работающих в Москве дипломатических представительств, размещающихся в исторических особняках.

Сегодня активно используются мультимедийные форматы, призванные знакомить россиян с историями особняков, их владельцев и создателей, а также с деталями интерьеров. Речь идет как о классических решениях – создан сайт «Объекты культурного наследия» с виртуальными турами, видеоэкскурсиями и другими материалами, – так и об использовании современных технологий. Пример тому – мобильное приложение «Внутри особняка». Благодаря использованию дополненной и виртуальной реальности у самой широкой аудитории появился шанс познакомиться с особняком Зинаиды Морозовой на улице Спиридоновке, д. 17. В нем располагается Дом приемов МИД России, знаменитый тем, что в нем уже много лет ежегодно проводится большое количество международных переговоров и протокольных мероприятий на самом высоком уровне. Кстати, МИД России ежегодно изыскивает возможность организации

непосредственных посещений этого объекта «особого статуса» в рамках Дней исторического наследия.

– А само здание МИД воспринимается, ощущается как исторический памятник? Есть в нем особая аура, какие-либо мемориальные зоны и помещения?

– Высотка на Смоленке, или «одна из семи сестер», как часто называют здание МИД, не просто ощущается или воспринимается как исторический памятник. Она им является. Причем официальное наименование этого объекта культурного наследия – «Здание министерств иностранных дел и внешней торговли». Потому что в нем какое-то время в советские годы действительно располагалось еще и Министерство внешней торговли.

В октябре 2022 года т. н. «предмет охраны объекта культурного наследия» – то есть описание, инвентаризация того, что особенно ценно, – утвержден распоряжением Департамента культурного наследия города Москвы. Он включает в себя, например, местоположение и градостроительные характеристики здания 1930–1950-х годов, его роль в композиционно-планировочной структуре города как общегородской доминанты района Смоленской-Сенной площади; композицию; малые архитектурные формы (в том числе шпиль), оформление фасадов, парадные лестницы и многое другое.

Приглашаю вас почитать на нашем сайте раздел, посвященный зданию министерства (https://www.mid.ru/ru/about/informatsiya_o_vysotnom_zdanii_mid/): там есть подробное описание и множество иллюстраций.

Конечно, за семь десятилетий здесь не могла не сформироваться своя какая-то особая, как вы говорите, аура. Причем привлекает она и птиц! Так, около шести лет назад одна семья соколов-сапсанов поселилась в зоне шпиля высотного здания МИД России. После ремонтно-реставрационных работ в 2017 г. – напомню, 56-метровая конструкция шпиля весом 200 тонн была демонтирована и после проведенных работ установлена на прежнее место – специалисты ФГБУ «ВНИИ Экология» Минприроды России встроили искусственное птичье гнездо, чтобы создать максимально комфортные условия паре соколов-сапсанов для возвращения на привычное место. Птицы вернулись. Их там мы наблюдаем и сегодня.

Возрожденный храм в Вертлине под Солнечногорском

– Что лично для Вас значат слова «культурное наследие»? Есть ли любимые объекты или исторические места, которые вдохновляют, которые хочется видеть вновь и вновь?

– Я москвичка. Для меня таким оазисом всегда было родное Покровское-Стрешнево. Уникальное место: и лесополоса, и парк с каскадом озер, и старинная усадьба. Сейчас там возродился приход, храм. Много было споров о том, что делать с парком, сама была среди его активистов-защитников, мы очень переживали за грядущее благоустройство. Ведь задача стояла сложная: как сохранить вековые деревья и при этом устроить современные дорожки, площадки и сделать все безопасным. Считаю, что в результате совместными усилиями все удалось. Была там недавно и осталась очень довольна: и тропинки расширили, и деревья посадили.

Занимаю позицию конструктивного активиста. У нас за последние годы сформировалось представление о гражданском обществе как о явлении деструктивном, о том, что общественность обязательно протестует, противопоставляет себя власти, находится в эпицентре конфликта. Но, конечно, это не так.

Могу привести два важных примера конструктивной роли именно активистов в кризисных ситуациях. Это волонтерская помощь людям и вывоз наших граждан, «застрявших» за рубежом в пандемию. Это уникальный пример объединения усилий и власти, и волонтеров, и всех конфессий, и благотворителей. Пандемия дала много таких примеров.

Я живу на севере Москвы и принимаю участие в обсуждении городских проектов, стараюсь конструктивно взаимодействовать и с жителями, и с префектурами. И понимаю, что контакт между сторонами – часто контакт оголенный, доверия нет. Местные власти смотрят на активистов как на помеху их проектам. А жители смотрят на местные власти чуть ли не как на возможных вредителей. На это тоже есть основания: риски точечной застройки, вырубка деревьев – все это было. Понимаю, что недоверие формировалось десятилетиями. Но ведь оно преодолимо.

По Покровскому-Стрешневу мы смогли многие вещи совместно решить: сохранить то, что было хорошего, и позволить реализовываться новаторским вещам.

– Опыт возрождения наследия, сотрудничества властей и общественности в Москве, Туле может ведь быть применен и в других исторических городах...

– Для этого нужно сочетание двух факторов: желания и умения. Если они есть – тогда и будут появляться решения. Причем не обязательно высокобюджетные. Посмотрите, сколько храмов из руин восстанавливается силами приходов, благотворителей, волонтеров. Могу привести из личного опыта пример Михаило-Архангельского храма деревни Вертлино под Солнечногорском. Все советское время этот храм первой трети XIX века был фактически деревенской «помойкой», к 2000-м годам он уже стоял без окон, дверей, оставался только каркас первого этажа и культурный – точнее, бескультурный – слой в три метра. Приехавший из Казахстана батюшка – наш соотечественник, вернувшийся к истокам, – просто с нуля, без копейки начал работы и деятельность по восстановлению. Теперь мы видим прекрасный храм – с колоколами, куполами, детскими площадками.

Здесь еще один важный момент. Мне представляется, что сфера сохранения наследия, как и другие области нашей жизни, сильно зарегулирована. Не знаю, как, но нужно, видимо, менять систему. Не формальные правила должны стоять во главе угла, в приоритете должны быть сохранность и функциональность памятника, чтобы не превратилось сохранение остатков и обломков в самоцель и «декаданс». Конечно, существует риск волюнтаризма, но на это должны быть наблюдательные советы из понимающих профессионалов, которые рассматривали бы сложные случаи.

Сейчас получается – это мое восприятие, – что в сфере наследия закон сам по себе, а его цель – сама по себе. То есть закон никак не сопряжен с целью. Но ведь мы же должны жить по закону для чего-то. Если цель – сохранение и развитие наследия, то надо сделать так, чтобы закон способствовал этому и людям, которые прикладывают свои усилия. Без отклика гражданского общества ничего не получится. А если он есть, как в усадьбе Быково, его надо поддерживать и использовать.

– А в чем, по Вашему мнению, причина того, что мы свое наследие не знаем и не ценим?

– Это столетиями закладываемая, насаждаемая искусственно идеология неприятия своего, родного – в пользу выбора «не нашего». Помните Смердякова в «Братьях Карамазовых», как он говорит про Россию и все русское?

«Кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с». «Я с самого сыздетства, как услышу, бывало, “с малыим“, так точно на стену бы бросился. Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна».

Он всех ненавидит, и особенно Россию. Этот персонаж, прочувствованный и угаданный Ф.М. Достоевским, высказывает мысли, близкие и воспетые либеральной частью общества, которая не прививала свободу, а насаждала квазисвободу, неприятие и отторжение всего русского.

Да, у нас не все идеально, у нас много неправильного. Но всегда надо знать и помнить главное: нам дана в управление богатейшая, божественная земля. Если вам что-то не нравится – начинайте это менять. Но начинайте не с верхов, не с огульной критики, что «все бесполезно» и «не достучаться», а начинайте с пространства в радиусе полутора метров от себя. Посмотрите вокруг: где вы ходите, в каком подъезде живете. Что там можно привести в порядок? А когда прикладываешь усилия, то появляется и любовь. То, что созидается, возбуждает правильные чувства, бережное отношение. Не надо начинать с глобального. Начинать надо с себя. Ведь от каждого из нас зависит многое.

Беседовали Евгения Твардовская, Константин Михайлов

РЕСТАВРАЦИЯ ПОД КРЫЛОМ ПЕЛИКАНА

Юлия Максимова,
директор ФАУ «РосКапСтрой» Минстроя России

Фасады многих старинных зданий украшают изображения пеликанов: раскинувшая крылья птица, склонив голову, питает птенцов. Мы встречаем их на фасадах Воспитательного дома, Елизаветинской женской гимназии в Москве, на фронтонах Сиротского института в Санкт-Петербурге и на многих других.

В европейской средневековой традиции считалось, что пеликан, спасая от голода птенцов, питает их своей кровью. Неудивительно, что эта иконография была выбрана в качестве герба учрежденного в 1763 году императрицей Екатериной II благотворительного учебно-воспитательного заведения «для сохранения жизни и воспитания в пользу общества в бедности рожденных младенцев». С Воспитательного дома пеликаны «переселились» на фасады всех благотворительных учреждений Российской империи.

Древний христианский символ жертвенной любви перешел в эмблематику XVIII–XX вв. и сохраняется в современной культурной традиции. 2023 год был объявлен Президентом России Владимиром Путиным Годом педагога и наставника, а пеликан стал его символом.

Передача знаний и нравственных ценностей все так же требует от педагогов самопожертвования и полной отдачи, и реставрация не исключение. Несмотря на широкое применение многочисленных современных технологий, реставрация архаична. В этом, собственно, ее суть. Недаром в профессиональном сообществе реставрацию часто называют ремеслом. Здесь все держится на мастерах, отрасль представляется своеобразным цехом, гильдией. Наш эксперт, главный архитектор ЦНРПМ Сергей Куликов в этой связи любит приводить на лекциях слова своего отца: «Делай свое дело, а ремесло тебя прокормит».

Обучение в сфере реставрации также во многом лежит в русле традиции эмпирического познания и живого человеческого общения. Каждый памятник уникален, опыт его познания тоже. Все мы учимся друг у друга. Процесс передачи знаний не носит «вертикальный характер» только от педагога к ученику, а является непрерывной реакцией взаимного смыслового насыщения.

При этом отрасль, несомненно, требует дальнейшего правового оформления. На базе ФАУ «РосКапСтрой» ведет свою деятельность Технический комитет (ТК-082) «Культурное наследие» при Росстандарте. В настоящее время уже утверждены 44 реставрационных ГОСТа, шесть из них – в ноябре 2023 г.

Для ФАУ «РосКапСтрой» работа в сфере сохранения культурного наследия – преемственная традиция. С самого основания в 1931 году Академией коммунального хозяйства велась широкая научная, образовательная и просветительская деятельность. «РосКапСтрой», как правопреемник академии, продолжает эти традиции. В 2018 году у нас создан Центр сохранения объектов культурного наследия (ЦСОКН), на основании лицензии Минкультуры России ведется реставрация памятников, в том числе таких уникальных, как ансамбль Ханского дворца в Бахчисарае.

При всем многообразии учебных заведений, занимающихся подготовкой реставраторов, образовательные программы в данной области ориентируются на единственный ФГОС (федеральный государственный образовательный стандарт) высшего образования по направлению подготовки «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия». Этот стандарт, принятый в 2016 году, естественно, не учитывает утвержденный в 2021 г. профстандарт «Архитектор-реставратор» и нуждается в коренной переработке. В высшей школе отсутствует специальная подготовка реставрационных инженеров, технологов, конструкторов, реставраторов парков и проч. Не утверждены и соответствующие профстандарты.

Реставрационное сообщество, как и отрасль в целом, не должно замыкаться в себе, культивировать только собственные смыслы, понятные одним реставраторам. Своеобразной прививкой от этого является постоянный приток в реставрацию «свежей крови», представителей самых разнообразных специальностей. С учетом объема профессиональной миграции, например из строительства в реставрацию, вопросы качественного дополнительного профессионального образования чрезвычайно важны. Именно они, наряду с популяризацией памятников, являются ключевыми в деятельности нашего Центра сохранения ОКН.

Центром с участием ведущих экспертов и практиков разработаны и регулярно актуализируются десять программ дополнительного профессионального образования в сфере сохранения ОКН. На наших курсах успешно учатся представители ключевых проектных, производственных и надзорных организаций реставрационной отрасли.

> ***Реставрационное сообщество, как и отрасль в целом, не должно замыкаться в себе, культивировать только собственные смыслы, понятные одним реставраторам***

С 2021 года ведется обучение по программе профессиональной переподготовки «Сохранение объектов культурного наследия – памятников истории и культуры Российской Федерации» (528 академических часов). В 2023 году стартовала уникальная программа профессиональной переподготовки реставраторов «зеленых» объектов культурного наследия (488 академических часов). При обучении огромное внимание уделяется практической составляющей, часть занятий проводится непосредственно на объектах культурного наследия. Большая востребованность этих программ, предполагающих дифференцированную подготовку различных специалистов-реставраторов, свидетельствует об их острой актуальности.

В целях популяризации ОКН нами с 2022 года регулярно проводятся бесплатные вебинары по наиболее актуальным вопросам сохранения памятников – с привлечением в качестве спикеров авторитетных членов реставрационного сообщества.

Безусловно, деятельность по подготовке профессиональных кадров в реставрации и передаче знаний является сегодня во многом подвижнической для занятых ею людей и миссией для организаций. Пожалуй, ее смысл и содержание во многом совпадают с символикой пеликана со старинных благотворительных учреждений. Но эта деятельность востребована обществом и потому необходима.

И я очень надеюсь, что мы занимаемся не только образованием, но и воспитанием!

АЛЕКСАНДР ХИНШТЕЙН: «ЕДУТ НА ТОМ, КТО ВЕЗЕТ»

Председатель Комитета Госдумы по информационной политике – о политике и информации в деле сохранения культурного наследия

Имя депутата Государственной думы Александра Хинштейна хорошо известно защитникам культурного наследия многих регионов – и не заочно, а по совместным действиям. Поддержка общественных инициатив, запуск крупных проектов восстановления памятников архитектуры, запросы в правоохранительные органы, личное вмешательство в судьбу конкретных объектов – часть повседневной депутатской повестки Хинштейна, который является одновременно координатором проекта «Единой России» «Историческая память». Будучи в течение многих лет депутатом от Самарского избирательного округа, Хинштейн сделал очень многое для придания Самаре статуса исторического поселения и реставрации памятников города на Волге.

– Александр Евсеевич, давайте начнем с больной самарской темы. Историческое поселение формально существует уже четыре года, но его градрегламенты и список ценных градоформирующих объектов не утверждены властями до сих пор. Результат – сносы старинных домов, наступление новостроек на исторические кварталы... В чем причина, почему решение не принимается?

– Я разделяю те оценки, которые содержатся в заявлении ВООПИК на этот счет – и о текущей ситуации, и о причинах происходящего. ВООПИК считает решения по историческому поселению в Самаре декларативными и не реализуемыми на практике. К сожалению, вынужден согласиться. Регулярно наблюдаю попытки застройщиков по-прежнему получать разрешения на строительство в историческом поселении, причем согласовывать отклонения от имеющихся регламентов и по плотности, и по высотности застройки. Не могу исключить, что в этом и кроется одна из причин. Мне трудно до конца понять логику действий самарской власти, но мне кажется, что дело именно в этом: опасение, что окончательное принятие всех необходимых регламентов лишит застройщиков и их друзей-чиновников возможности зарабатывать.

– Тогда каковы перспективы? Надеяться на общественное мнение?

– Ну не только. В суде сейчас рассматривается иск прокуратуры, решение первой инстанции уже состоялось; высока вероятность, что оно будет обжаловано, будем ждать второй инстанции. Позиция прокуратуры такая же, как и у градозащитников, и я ее полностью разделяю: незамедлительное утверждение всех разработанных проектов градрегламентов.

«Очевидно, что нам недостает серьезных механизмов не только контроля за сохранением объектов культурного наследия, но и наказания тех, кто на них покушается»

– Если вспомнить Вашу деятельность в Самаре, все успешные эпизоды, будь то Фабрика-кухня, реставрация многих зданий, приостановленный снос элеватора, – все это делается в «ручном режиме», личным вмешательством. Почему не срабатывает система защиты наследия, почему нужно каждый раз лично кидаться под бульдозер или общаться с застройщиками?

– Я думаю, это не только самарская, а общая проблема, связанная с отсутствием внятной государственной градозащитной политики. Я это говорю отнюдь не в укор властям, понимая, что перед любым главой региона или города стоит масса текущих острых проблем: расселение аварийного фонда, предоставление жилья детям-сиротам, социальное обеспечение многодетных семей, участников и ветеранов боевых действий, участников СВО и т. д. И по каждому из этих направлений нужно постоянно принимать решения, а денег на все не хватает. На этом фоне вопросы сохранения наследия, к сожалению, отходят на второй план, потому что денег ровно столько, сколько есть. А затраты на реставрацию всегда крайне высокие (я помню наши споры с предыдущим губернатором Самарской области, который говорил: зачем восстанавливать Фабрику-кухню, лучше

снести и построить заново из силикатного кирпича, будет в три раза дешевле). Конечно, это выйдет в три раза дешевле, только не будет иметь ничего общего с сохранением исторического объекта, и это будет нарушение закона. Но объективно сегодня закон обязывает собственника или пользователя объекта культурного наследия содержать его должным образом, но при этом механизма реальной ответственности за неисполнение этой нормы не существует. Видимо, нам нужно подумать об этом механизме. Но сам по себе он не может быть спасительным решением. От того, что мы введем такую норму, денег в регионах больше не станет.

В той же Самаре десятки объектов культурного наследия находятся в аварийном состоянии. Это разные объекты: есть небольшие, восстановление которых не особо затратно, но есть и такие, восстановление которых сопоставимо по стоимости с реализацией новых крупных инфраструктурных проектов.

Ну, скажем, один из замечательных самарских памятников – Реальное училище. Историческое здание XIX века, в котором была провозглашена в 1851 году Самарская губерния, в котором учились выдающиеся люди – Алексей Николаевич Толстой, Глеб Кржижановский, нобелевский лауреат химик Николай Семенов и другие. Оно сегодня в полуразрушенном

Дом на углу Пионерской (Воскресенской) и Чапаевской (Николаевской) улиц в Самаре, построенный в 1863 году, до революции принадлежал прапрадеду А.Е. Хинштейна Александру Шмелькину. Прапрадед и прадед депутата были самарскими купцами первой гильдии. Семья поселилась в Самаре в XIX веке и покинула ее сразу после 1917 года. В доме теперь муниципальное жилье. В 2019 году фасады здания были восстановлены волонтерским фестивалем «Том Сойер Фест» при участии самого депутата, с 2015 года поработавшего почти на всех объектах «Том Сойер Феста»

состоянии. По самым скромным подсчетам, на реставрацию требуется больше 2 млрд рублей. При этом концепции будущего использования нет. Просто восстановить старое здание и оставить его дальше стоять – бессмысленно. Ну, будет у нас ответственный за содержание объектов городской собственности. Но от того, что мы будем накладывать штрафы на мэрию, решение не найдется.

Очень многие проекты, которые удалось реализовать, в том и заключались: я находил алгоритм, как дальше, после восстановления, использовать объект, как его приспосабливать именно к современным условиям. Подбирались интересанты, федеральные структуры, которые могли бы не просто взять объект, а найти в этой истории интересное для себя содержание, какой-то новый концепт.

Та же Фабрика-кухня. Главная сложность заключалась ведь не в том, чтобы найти на нее средства, а в том, чтобы понять, как ее дальше использовать. Вариант, который я предложил, на мой взгляд, оптимальный – создание на ее базе филиала Третьяковской галереи. Сразу понятно, что это федеральная институция, что будет участвовать Министерство культуры как учредитель Третьяковки, сразу ясно, как дальше это будет работать.

Сегодня идет активная реставрация объекта, который в Самаре называют «Дача со слонами», или дом купца Головкина. Замечательный памятник федерального значения начала XX века. Построена Константином Головкиным, художником и архитектором, которого называли «самарским Леонардо», во многом опередившим свое время. Тоже находилась в очень плохом состоянии, много лет стояла заколоченной, не использовалась, числилась в городской собственности. Что-то нужно было с этим делать, поскольку «Дача со слонами» – это один из символов Самары. Но город не мог ни найти средства, ни предложить концепцию использования объекта. Я стал думать, кого он мог бы заинтересовать. И возникла идея, которая сегодня уже реализуется: здание было передано самарскому Политеху, Техническому университету, и – из городской в федеральную собственность. Это обеспечило финансирование. А Политех, со своей стороны, подготовил концепцию создания там Школы молодых архитекторов. Все органично, потому что Головкин был художником-архитектором, место видовое, знаковое. Под эту концепцию сегодня здание восстанавливают.

Другой объект – Коммерческий клуб, дом Мясникова – один из тяжелейших, которым пришлось заниматься. Здание XIX века (тоже, кстати, федеральный памятник) выгорело еще в 1990-е годы, обрушились перекрытия, там жили бомжи – зайти внутрь было страшно. Такая же ситуация: находилось в городской собственности, что делать – непонятно. Придумали концепцию, передали его Самарскому институту культуры, подведомственному Минкультуры России, решили создать там межвузовский театрально-концертный комплекс, где студенты могли бы себя реализовывать: репетировать, проводить творческие мероприятия, вечера и т. п. В 2018 году это здание было отреставрировано, открыто, и сегодня ничего не напоминает об ужасающем состоянии, в котором оно находилось, а ведь его называли в народе «Домом Павлова».

Одними репрессивными мерами проблему не решить.

– Хорошо, пусть дело не в деньгах, а в идеях. Но почему идеи придумывает федеральный депутат, почему они не рождаются в том же Политехе или в мэрии? Дело ведь не в Хинштейне: почему для решения проблемы нужно вмешательство заинтересованного лица, в чьи должностные обязанности это, по большому счету, не входит?

– Справедливости ради надо сказать, что по-разному это бывает. В регионах немало инициатив, как то или иное здание можно использовать, восстановить, какой концепт придумать. Но, к сожалению, далеко не всегда у тех, кто способен такие идеи придумывать, есть достаточные возможности и ресурсы, чтобы их реализовать. Поэтому я вмешиваюсь в эти ситуации не только для того, чтобы придумать нечто, а для того, чтобы это нечто воплотить в жизнь. Для меня важен не процесс, а результат. А то, что люди приходят ко мне с идеями и предложениями, понятно: едут на том, кто везет. Когда у тебя за спиной есть уже опыт реставрации десятков объектов, люди тебе верят и на тебя рассчитывают.

Восстановленный дом Маштакова в Самаре

– У нас сейчас охрана наследия, сохранение традиционных ценностей записаны во все возможные документы самого высокого уровня. Включая Конституцию, стратегии национальной безопасности. Но на практике мы наблюдаем то, что наблюдаем. Где разрыв? Денег не хватает, менеджеров культуры, законов, общественного сознания?

– Думаю, здесь много причин. Как всегда, фактор личности является определяющим. В регионах ситуация во многом зависит от того, насколько руководитель осознает важность сохранения культурного наследия.

Например, я вижу, как меняется сегодня картина в Нижнем Новгороде, где я работал много лет, – с огромным удовольствием наблюдаю, как возвращается к жизни историческая среда. Потому что во главе региона – активный и неравнодушный губернатор. Несколько раз Глеб Сергеевич Никитин устраивал мне экскурсии по центру Нижнего, показывал, как преобразились знакомые мне места, рассказывал, как те или иные решения удавалось реализовывать, как он ходил по разным структурам, не только государственным, как привлекал крупный бизнес, причем даже те холдинги, которые не работают в Нижегородской области. Когда ты видишь перед собой заинтересованного и активного человека, всегда хочется ему помочь. А во многих других регионах, так уж получилось, пока нет своих Никитиных, к сожалению.

– Возвращаясь к стратегиям национальной безопасности – может быть, пора поставить вопрос ребром: любой, кто покушается на наследие, покушается на национальную безопасность, совершает идеологическую диверсию. Или это перебор?

– Ну, знаете, «идеологическая диверсия», «покушение на национальную безопасность» – все-таки довольно громкие слова. Кроме того, они все же подразумевают какие-то умышленные действия. Для меня очевидно, что нам недостает серьезных механизмов не только контроля за сохранением объектов культурного наследия, но и наказания тех, кто на них покушается. Ну, скажем, вандализм. Бывает очень обидно: восстанавливаем красивое здание, а ночью приходят какие-то злодеи и расписывают его граффити. Штраф за это – несколько тысяч рублей.

Считаю, это неправильно. И санкции необходимо увеличивать, и прописывать жестко норму о том, что ущерб, который нанесен вандалами, должен ими полностью компенсироваться. Понимаю, что это, как правило, молодежь, что это будет бить рублем в первую очередь по их родителям... Ну, значит, воспитывайте своих детей должным образом, почему все общество должно из-за них страдать? Возможно, стоит подумать и об уголовной ответственности.

– Но есть не только хулиганы малолетние, а и застройщики, которые разрушают или поджигают дома.

– Это отдельная история. Застройщики, которые так освобождают участки, – это проблема многих городов. В Нижнем, кстати, до недавнего времени она тоже существовала, при предыдущей власти, когда исторический центр подвергался варварской застройке. Один из путей решения – в том, чтобы участки, «освободившиеся» в результате поджога, дальше не могли быть выставлены на торги под застройку, и тогда сама мотивация поджигать исчезает.

«Невозможно отстаивать идеологические и моральные ценности, будучи Иванами, не помнящими родства»

– Но все же: можем мы заключить, что ущерб наследию означает и ущерб национальной безопасности?

– Безусловно, потому что это удар по нашей исторической памяти, а это намного страшнее, чем многие иные преступления. Исторического памятника, если он погиб, больше уже никогда не будет, это безвозвратные потери.

– По теме наследия Вы не только Самарой занимаетесь: в 2023 году помогали костромским общественникам, астраханским. Что заставляет вмешиваться?

– Я ведь не только депутат, но еще и координатор федерального проекта «Единой России» «Историческая память», одна из задач которого – восстановление и сохранение объектов культурного наследия. В рамках нашей программы мы ежегодно реставрируем значительное количество памятников в разных регионах России. Надеюсь, со следующего года программа распространится и на все четыре новых региона. Естественно, мне небезразлично, что происходит в регионах с наследием. Если я занимаюсь восстановлением объектов, как я могу не реагировать на случаи их уничтожения, варварского отношения к ним? Поэтому на каждый такой случай, который мне становится известен, по которому ко мне обращаются, конечно, я стараюсь реагировать, направлять запросы, добиваться привлечения виновных к ответственности, в том числе уголовной. Большую работу в этом направлении ведет ВООПИК, с которым у нас очень плотное взаимодействие, и за это ему большое спасибо.

Часть подлинных элементов фасадного декора дома Маштакова теперь экспонированы в интерьере

А.Е. Хинштейн и председатель ВООПИК А.Г. Демидов на стройплощадке во время реставрации дома

– Проектом «Историческая память» Вы занимаетесь с 2019 года. Как оцениваете его динамику, расширение горизонтов?

– Здесь я субъективен, мне трудно и, наверное, нескромно самому свою работу оценивать. Но наш проект, мне кажется, сегодня достаточно востребован. Мы занимаемся не только восстановлением объектов культурного наследия, но и многими другими просветительскими, патриотическими проектами, самый масштабный из которых – «Диктант Победы». Он прошел в этом году уже в пятый раз, собрал почти 2 млн участников. Это самый масштабный тест на знание истории Великой Отечественной войны, он проводится во всех регионах России; в 2023 году еще и в 35 странах. Это с учетом внешних обстоятельств: до начала СВО бывало и 80 стран – участниц «Диктанта Победы».

Или взять конкурс школьных музеев, который мы проводим на протяжении нескольких лет. Его идея возникла, когда я пришел у себя в округе в один из школьных музеев. Это Музей соловецких юнг в 174-й школе в Железнодорожном районе Самары. В эту школу на Соловецких островах мальчишки поступали в годы войны и потом шли служить на флот. Дело в том, что значительная часть детей поступала в Школу юнг именно из Куйбышева. Насколько помню, более сотни куйбышевских мальчишек поехали туда учиться. В Самаре на набережной стоит памятный знак соловецким юнгам.

Я побывал в этом музее, посмотрел внушительную экспозицию, они с советского времени эту работу вели, многие из самарцев передавали в музей личные архивы, документы. Я увидел огромную и очень интересную патриотическую работу, в которую вовлечены школьники, но понял, что у них объективно опять же не хватает на нее средств. И мы в «Исторической памяти» решили, что нужна программа поддержки таких музеев, но не всех, а тех, кто действительно уже себя проявил. Так родилась идея конкурса школьных

Дом Маштакова служит культурным целям: внутри работала творческая галерея «Заварка» (сейчас здание передано Музею Эльдара Рязанова). А фасад (на странице справа) напоминает горожанам и туристам, какой была старая Самара

музеев, который теперь под эгидой партийного проекта мы проводим каждый год. 96 музеев ежегодно получают наши гранты – от 200 до 500 тысяч рублей. Победители определяются по федеральным округам, отдельные номинации – для сельских и городских музеев. Для школьных музеев, особенно для сельских, 500 тысяч – это серьезные деньги.

Почему это важно? Потому что школьный музей – это в первую очередь вовлечение самих ребят в работу – поисковую, исследовательскую, архивную, историческую. И поездка детей, скажем, с поисковой экспедицией по местам боев работает намного лучше, чем любые уроки и классные часы.

Есть много других проектов, которые идут под эгидой «Исторической памяти», и мне кажется, что у нас действительно хорошие перспективы развития и движения вперед.

– Как Вы оцениваете роль общественных движений сферы наследия?

– К градозащитникам и общественникам я отношусь с большим уважением и благодарностью, потому что благодаря им удалось сделать очень многое. Именно неравнодушные люди, как правило, первыми начинают бить тревогу, если что-то происходит не так. Сужу об этом по примеру Самары, где именно благодаря градозащитникам многое удалось сделать и где именно активность людей позволяет нам, несмотря ни на что, держать оборону – назову это именно так, – не допуская строительства новых высоток в центре.

Или замечательный проект, который мы реализовали, – дом купца Маштакова, ныне галерея «Заварка». С этим проектом ко мне пришли опять же градозащитники – наверное, еще в 2014 году. Замечательное здание, шедевр деревянной архитектуры, находилось в ужасном состоянии. Но ценность дома не только в исторической или художественной составляющей – это своего рода символ борьбы самарцев за спасение старого города. Его многократно пытались снести, уничтожить, рядом возникли высотки. Но сами жители его отстаивали. В итоге вместе с ВООПИК мы реализовали проект: здание полностью восстановлено, в нем расположен теперь культурный центр «Заварка», где, как создатели придумали, «завариваются» разные новые идеи. И выглядит дом сегодня просто как конфетка. А ведь туда тоже страшно было зайти.

Или Фабрика-кухня. Мое участие в ее судьбе началось именно с того, что ко мне пришли градозащитники во главе с Виталием Стадниковым, впоследствии главным архитектором города, а ныне вновь просто общественником. Именно их активность несколько лет не давала мне из этой истории выйти. Для меня важно, чтобы люди, мне поверившие, не разочаровались, потому что будет перед ними стыдно. Но если бы не активность людей, поверьте: давным-давно не было бы никакой Фабрики-кухни, и на этом месте стояла бы сейчас очередная высотка или крупный бизнес-центр.

– Вы занимаетесь весьма серьезными проблемами: вопросы СВО, Росгвардии, идеологии. Охрана наследия для Вас – некая отдушина? Или часть жизни, как это сложилось?

– Сложилось это так. Мне всегда эта тема была интересна, я всегда любил историю. Когда я начал работать в Самаре, увидел, что большое количество памятников находились в ужасающем состоянии, и стал заниматься их спасением. Ну и постепенно в эту работу системно втянулся.

А с тем, о чем вы спрашиваете, здесь нет никаких противоречий, потому что идеологическая работа, вопросы СВО или поддержка Росгвардии – все это упирается в одно: в тему патриотизма и исторической памяти, в тему преемственности поколений. В осознание того, кто мы есть, откуда мы пошли. Невозможно, будучи Иванами, не помнящими родства, отстаивать идеологические и моральные ценности. Поэтому без вчерашнего дня нет дня сегодняшнего и не может быть дня завтрашнего.

Ну а после того, как мне было доверено возглавить партийный проект «Историческая память», этой работой я стал заниматься на более системной основе. При этом она для меня, с одной стороны, серьезная, а с другой – действительно, отдушина, потому что я получаю от нее большое удовольствие, потому что это на самом деле интересно. Это творческая работа: ты погружаешься в историю объекта, находишь исторические документы, делаешь какие-то пусть небольшие, но открытия.

Ну, скажем, опять та же Фабрика-кухня. Масса интересных вещей открылась, когда мы начали ею заниматься. Оказалось, что Екатерина Максимова, автор этого объекта, – вообще первая в Советском Союзе женщина-архитектор. Оказалось, что ее старший брат Владимир Максимов был известным архитектором, сотрудничал с Щусевым, до революции выполнял проекты и строил здания для дома Романовых, император Николай II был крестным отцом его сына, т. е. племянника нашей Екатерины Максимовой.

И вот все это стало нам открываться, наши градозащитники поехали на ее могилу, нашли ее родственников. Детективная история: оставили записку на могиле: «Просим позвонить». Позвонили. И теперь на Фабрике-кухне будет и музей самой Фабрики-кухни, и будет рассказано и о Максимовой, и об истории ее семьи... Очень часто, когда занимаешься каким-то объектом, начинают вот такие интересные вещи всплывать – это действительно очень творческая работа.

– Когда Вы попадаете в исторические места, видите памятники, чувствуете духовный подъем, особую ауру?

– Да, конечно. Испытываю, я бы сказал, внутреннюю радость. Не только оттого, что ты что-то познаешь, а и оттого, что присутствуешь при воскрешении прошлого. То есть я размышляю: вот были люди, они что-то после себя оставили, а потом история, к сожалению, смыла память о них. А мы ее восстанавливаем. Это касается не только объектов культурного наследия, но и другой работы: в рамках партийного проекта мы занимаемся установкой мемориальных знаков, досок, скульптурных композиций. В одной Самаре установили более 30 мемориальных досок на зданиях, связанных с выдающимися людьми.

К 75-летию Победы в 2020 году мы с волонтерами начали на городском кладбище приводить в порядок воинские могилы. И нашли полузаброшенную могилу генерал-лейтенанта Карпоносова. В годы войны он был заместителем начальника Генерального штаба Красной Армии, но попал в немилость к Сталину и после войны был сослан в Уральско-Приволжский округ на должность замкомандующего, где и скончался. Никто даже не знал о том, что такой человек на территории региона жил, работал и умер. На доме, где он жил, теперь установлена мемориальная доска.

Эта история, хотя и не только она, побудила меня реализовать еще один проект – «Генералы земли самарской». Мы собрали по архивам данные обо всех генералах Великой Отечественной войны, родившихся или похороненных на территории Самарской области. Не обязательно, чтобы в войну они были генералами, они могли быть и офицерами, но есть три критерия: участник Великой Отечественной войны, звание генерала (причем не обязательно армейского, это могло быть и высшее специальное звание, среди них было, допустим, пять генералов НКВД) и место рождения или упокоения – Самарская область. 179 таких генералов было обнаружено. И опять же – совершенно уникальные судьбы: среди них есть два генерала, которые командовали последним боем Второй мировой войны – летом 1945 года, уже после капитуляции Германии и Японии, боем за японский Дунинский укрепрайон в Китае. Другой наш генерал, будучи, конечно, еще не генералом, а простым летчиком, был в числе тех, кто принял один из первых боев Великой Отечественной войны ночью 22 июня 1941-го.

Таких историй очень много, и мы возвращаем и восстанавливаем память о замечательных, героических людях. И меня это всегда очень сильно трогает и мотивирует, потому что, по сути, человек рождается снова, он возвращается к нам и с нами продолжает жить.

– Несколько лет назад в интервью сайту «Хранители Наследия» Вы рассказывали о домах в Самаре, связанных с Вашими предками. Удалось что-то сделать для их восстановления?

– Удалось. Дом, который, согласно архивным данным, принадлежал моему прапрадеду, стоит в центре города, угол Чапаевской и Пионерской улиц. В 2019 году мы с активистами «Том Сойер Феста», еще одного замечательного общественного проекта, с которым я плотно работаю и который очень поддерживаю, полностью отремонтировали фасад этого здания – естественно, за внебюджетные деньги. Я тогда привез своих родственников, которые тоже принимали во всем этом активное участие. Действительно, это было очень трогательно.

– Как Вы считаете, почему популяризация вот таких проектов по сохранению наследия – и всего наследия в целом – у нас не развернута должным образом? Почему его ценности не пропагандируются, почему наши архитектурные и исторические сокровища не рекламируются на каждом углу?

– Здесь действительно большое непаханое поле для деятельности, причем по разным направлениям. Скажем, мы обсуждали когда-то с «Яндексом» создание портала внутри «Яндекс.Карт», где отдельным слоем были бы памятники, и была идея «сшить» его с навигатором. Представляете, как было бы здорово: едешь по улице, а тебе рассказывают: «Вы приближаетесь к Фабрике-кухне 1932 года, шедевру советского конструктивизма».

Многие регионы сегодня начали подобную работу, и это очень хорошо. В Москве и Нижнем Новгороде повсюду таблички с QR-кодами, где ты можешь узнать

В доме Маштакова размещены музейные экспозиции, проходят разнообразные культурные мероприятия

о памятниках много интересного. Необходимо просвещение, учитывающее, что для молодежи сегодня основной источник информации – Интернет. Нужно активное продвижение наследия в Интернете, максимальное вовлечение в это общественности.

Размышляли мы и о том, чтобы преобразить реестр объектов культурного наследия. Сегодня этот реестр, как бы правильнее сказать, – скучный, сугубо деловой документ. А хотелось бы сделать электронный ресурс, в котором были бы все объекты оцифрованы, в котором можно было бы увидеть их состояние, была бы обратная связь, была бы интересная информация, гиперссылки. Такой цифровой реестр даст нам объективную актуальную информацию, потому что сегодня текущего состояния памятников полностью не знает никто. С одной стороны, это была бы серьезная системная ревизия состояния наследия, а с другой – это мог бы быть очень интересный просветительский проект. Мы обсуждали это перед началом коронавируса и с Минцифры, и с Минкультуры. Думаю, мы к этому еще вернемся.

– Общественники с удовольствием бы в таком проекте поучаствовали.

– Мы обсуждали это и с ВООПИК, и проговаривали, чтобы эта тема была заявлена на высоком уровне: очевидно, что инициатива здесь должна в первую очередь идти от общественников. Мне этот проект кажется очень интересным и перспективным, он мог бы стать этакой магистральной основой для всего дальнейшего движения в области сохранения наследия.

Поясню на примере Самарского региона. Никто не систематизирует, допустим, сведения о том, что кому принадлежит. Часть объектов мы восстановили за счет средств их пользователей или собственников из числа федеральных структур, которые зачастую даже не знают о том, сколько у них памятников. Представьте, например, какое количество федеральных памятников, допустим, у Министерства образования – подавляющее большинство вузов находится в центрах городов, и каждый второй имеет хотя бы одно здание-памятник, а то и больше. Какое количество памятников у Министерства обороны, у других федеральных ведомств?

Например, самарскую Пожарную каланчу восстановили, воссоздав смотровую башню, создав там Музей спасательного дела. Это мы делали совместно с МЧС, потому что она у них на балансе. Уникальный особняк Шихобаловых восстанавливается за счет средств Министерства обороны, которому принадлежит.

Вместе с «Почтой России» восстановили старинное почтовое отделение и сделали первую в России ретро-почту, где даже служащие одеты в форменное обмундирование конца XIX – начала XX века, где ты можешь гусиным пером отправить электронное сообщение. Такого нигде больше нет. «Почта России»

Восстановленное конструктивистское здание Фабрики-кухни в Самаре и его архитектор Екатерина Максимова

будет дальше реставрировать особняк Неронова, один из старейших памятников Самары, 1840 года постройки. Он интересен еще и тем, что в годы войны в эвакуации в нем жила семья Сталина, отправленная в запасную столицу. Там появится не только новое почтовое отделение, но и коворкинг-центр почты, ее кадровый общефедеральный центр.

Разговаривал с руководством РЖД, просил найти средства на реставрацию памятника в Самаре, который сегодня занят подразделением линейной полиции.

Но опять же – это точечная работа, а она должна быть системной. Каждое ведомство должно как минимум сознавать, что у него на балансе находится двадцать, сорок, сто, пятьсот объектов культурного наследия, знать, в каком состоянии эти объекты, понимать, что оно с ними собирается делать.

– Боюсь, что ведомства начнут это понимать, только когда за это с них будут спрашивать.

– Согласен. Возможно, один из путей решения – создание еще одного механизма контроля, отчетности. В число критериев оценки эффективности деятельности ведомств, регионов можно было бы включить и вопросы сохранения объектов культурного наследия, чтобы у них была мотивация. И дальше действительно спрашивать. Если вы не справляетесь с этими объектами, значит, отдавайте их тем, кто справится.

Ну и, конечно, нужны нетривиальные решения. У нас более 140 тысяч объектов культурного наследия – сколько из них в каком состоянии находится, никто не ответит. Понятно, что средствами бюджетов всех уровней мы все объекты никогда не отремонтируем и не отреставрируем, хотя бы потому, что стоимость реставрации в два с половиной – три раза больше стоимости строительства. Значит, нужны какие-то иные пути. И здесь не зазорно посмотреть на иностранный опыт, где действуют и дополнительные налоги, и специальные национальные лотереи, доходы от которых направлены на сохранение наследия. В наших регионах есть опыт создания госкорпораций, льготного кредитования инвесторов в наследие, возмещения им части затрат. Ряд регионов реализует программу «Аренда за рубль», она дает неплохие результаты. Это тоже вариант, но его нужно докручивать, чтобы памятники не оказывались заложниками недобросовестных предпринимателей.

– Есть много локальных инициатив и полезных опытов, но на федеральном уровне им нужна какая-то точка сборки.

– Нужно учитывать, с одной стороны, масштабность проблем. С другой – уникальность нашего исторического наследия, его невероятное богатство, разноплановость, интернациональность. Его создавали различные конфессии и этносы, и у каждого из них свое огромное наследие, которое необходимо сохранять. Все это – одна из основ нашей идеологии, нашей государственности. Если это так, то почему бы не подумать об отдельной большой долгосрочной государственной программе по сохранению наследия? И о создании какого-то органа, который бы за этим наблюдал, координировал эту работу? При всем моем уважении к Министерству культуры, у него сегодня для этого практически нет полномочий, полномочия по госохране огромного большинства памятников переданы на уровень регионов. Насколько эффективно регионы с ними справляются? Все зависит от желания региона этим заниматься. Для кого-то это действительно вопрос важный, а для кого-то это десятая, двадцатая, тридцатая проблема.

Я уверен, что именно активность общественников в конечном счете переломит эту ситуацию, и руководители регионов, надеюсь, тоже на это обязательно обратят внимание.

Беседовал Константин Михайлов

ПРЕМЬЕРА «ДОСТОЯНИЯ»

Итоги первого Международного конкурса АУИПИК на лучшую концепцию приспособления объектов культурного наследия к современному использованию

Константин Михайлов,
заместитель председателя жюри Международного конкурса «Достояние»

ФГБУК АУИПИК подвело итоги Международного студенческого конкурса «Достояние», который проводился в 2023 году в первый раз. Авторитетное жюри из специалистов в области архитектуры и реставрации во главе с известным реставратором – главным архитектором ЦНРПМ С.Б. Куликовым назвало в октябре на торжественной церемонии в Музее военной формы в Москве имена победителей. Выбор не был заочным: в полуфинале и финале авторы имели возможность лично представлять и защищать свои работы.

Конкурс на лучшую концепцию приспособления объектов культурного наследия к современному использованию проводился среди студентов высших и средних учебных заведений России и стран СНГ; участвовать могли и отдельные соискатели, и авторские коллективы.

«Достояние» задумывалось в АУИПИК как проект для талантливой молодежи, желающей получить ценные знания и навыки в области сохранения, использования и популяризации ОКН, как инструмент вовлечения молодых профессионалов в процессы сохранения наследия, наконец, как площадка для развития творческого потенциала участников.

Задачей их была разработка концепции приспособления ОКН к современному использованию, в результате реализации которой памятник мог бы обрести новую жизнь и стать точкой притяжения для местных жителей и туристов. Но не на уровне общих слов и лозунгов – концепции должны были предлагать комплексное решение по нескольким направлениям: реставрация, архитектура, социология, история, урбанистика, экономика.

Объекты для размышления участникам конкурса были предложены следующие (все они находятся в ведении АУИПИК и пока не обрели достойных пользователей):

- дворцово-парковый ансамбль Михайловской дачи (Петергоф);
- Дворцовые конюшни (Петергоф);
- усадьба Быково (Московская область);
- усадьба Алексино (Смоленская область);
- «Зимин двор» (Углич);
- гостиница «Мадрид» (Екатеринбург);
- промышленная усадьба Старожилово (Рязанская область).

На конкурс было подано 77 заявок из России и стран ближнего зарубежья. В полуфинал вышли 19 авторских команд, в финал пробились пять. Победителей ждали призы: первое место – главный приз 120 000 рублей и стажировка в МНРХУ; второе и третье – памятные награды. А народное голосование в соцсетях АУИПИК определило победителя в номинации «Приз зрительских симпатий».

Первый приз взяли студенты Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых: Екатерина Крот, Алена Новикова, Ксения Фирсова, Марина Клепка, Марина Толстова.

Второе место завоевали студенты Высшей школы экономики: Анастасия Ерохина, Ксения Ильина, Таисия Кондракова, Маргарита Шведова, Ольга Яхниенко.

Третье место занял творческий дуэт студентов Ижевского государственного технического

Промышленная усадьба Старожилово – туристический комплекс. Конкурсная работа студентов Владимирского госуниверситета

университета имени М.Т. Калашникова: Анастасия Берестова, Никита Сидоров.

Приз зрительских симпатий также достался победителям конкурса – команде Владимирского госуниверситета.

Это итоги официальные. А неофициальные, во-первых, в том, что конкурс состоялся, поскольку собрал множество интересных работ и перспективных идей. А во-вторых, в том, что конкурс заслуживает продолжения, потому что привлекает талантливых молодых людей к делу сохранения наследия и учит их делать на этой ниве первые профессиональные шаги. То есть готовит исподволь будущие поколения менеджеров сохранения наследия.

Михайловская дача – бутик-отель. Конкурсная работа студентов Ижевского государственного технического университета

Уже только поэтому конкурс «Достояние» – очень важная и своевременная инициатива АУИПИК. Она носит подчеркнуто практический характер, призывая участников решать именно проблему приспособления объектов культурного наследия к современному использованию. Если профессионалов, способных выполнить проект реставрации памятника как таковой, в стране можно найти, то специалистов по приспособлению категорически не хватает, поскольку в основе проекта приспособления ОКН должна лежать прежде всего реалистичная социально-экономическая идея, поиск оптимальной функции, оценка соответствующих возможностей памятника. Это очень тонкая и востребованная специализация, не столько даже архитектурно-реставрационная, сколько менеджерская.

Будем надеяться, что конкурс «Достояние» поможет воспитать для этих процессов соответствующие кадры. Очень правильно, что студентам-участникам предложили для работы весьма непростые объекты. Возможно, конкурсные идеи помогут изменить к лучшему их судьбу. А предложения победителей достойны как минимум серьезного обсуждения на местах, с участием представителей властей, органов охраны памятников, инвесторов, локальных сообществ.

Продолжение «Достояния» в будущем, расширение круга участников и предлагаемых им объектов позволит накопить целый банк идей по приспособлению к современному использованию памятников истории и культуры, а то и создать модельные типологические проекты такого приспособления.

Нужно отметить, что большинство участников конкурса стремились основывать свои концепции на анализе современного положения конкретных территорий и целых регионов, учитывать тренды их социально-экономического развития, перспективы внутреннего культурного туризма. Важно и то, что при подготовке проектов учитывались мнения и пожелания местных жителей, которых специально опрашивали, интервьюировали.

Конкурсные концепции стремились акцентировать именно социальную функцию объектов наследия, наделить их значением культурных, общественных, просветительских центров. И даже в случае приспособления под цели спортивные, медицинские, гостиничные подчеркивалась открытость памятников архитектуры и окружающих их пространств.

Как правило, конкурсанты стремились к сочетанию в одном объекте различных функций – с тем, чтобы они могли привлекать более широкую аудиторию или развивать наиболее востребованное направление использования в зависимости от сезона или тенденций социально-экономического развития города или региона.

Заметна была тенденция к отказу от подделок, от псевдоисторической отделки помещений, в интерьерах – там, где это не касалось зон сохранившейся подлинной отделки, предлагались решения современного дизайн-стиля.

Весьма щадящими, за редким исключением, были предложения конкурсантов по отношению к предметам охраны памятников архитектуры. Они стремились сохранить все дошедшие до нас ценные элементы памятников, подчеркнуть их историческую и культурную уникальность.

Промышленная усадьба Старожилово – многофункциональный туристский центр. Кафе и художественные мастерские. Конкурсная работа студентов ВШЭ

Проект реконструкции усадьбы Быково (Максим Эм, Тюменский индустриальный университет). Смело, но для ОКН чересчур

Да, были и исключения, когда смелость автора и стремление к нешаблонному и яркому архитектурному воплощению идеи выходили за допустимые рамки обращения с памятниками архитектуры, как, например, с одним из проектов по усадьбе Быково. Но эти исключения, скорее, подчеркивали общий тренд.

Так что тренды первый конкурс «Достояние» задал хорошие, и их необходимо поддерживать и развивать. Что касается работ победителей и некоторых участников, они, на мой взгляд, вполне достойны того, чтобы быть представлены под эгидой АУИПИК на одном из всероссийских форумов калибра «Архнаследия» или «Зодчества».

КОММЕНТАРИЙ

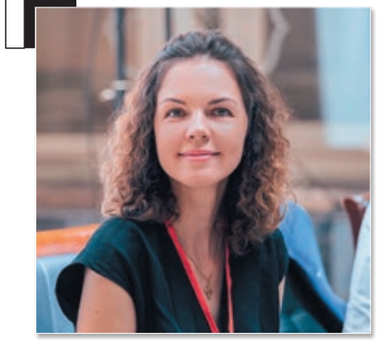
Сергей Куликов, председатель жюри Международного конкурса «Достояние»:

– Международный архитектурный студенческий конкурс «Достояние», организованный и успешно проведенный Агентством по управлению и использованию памятников истории и культуры, поставил задачей рассмотрение проблемы приспособления объектов культурного наследия к современному использованию как части общего методологического и технологического аспекта их сохранения. Ведь проблема выбора между возможной потерей элементов, определяющих подлинность памятников, и трансляцией их во времени очень часто коррелируется текущей актуальностью приспособления, которая должна быть мотивирована для включения объекта в социально-общественную и экономическую жизнь. То есть позволить ему в полной мере обрести черты наследия или, если позволите, достояния – без потери историко-культурной ценности. Именно использование памятника, как показывает опыт, при профессиональном и междисциплинарном подходе дает шанс для подобного сохранения.

Данный конкурс на удивление оказался вполне состоятельным, пусть даже на уровне постановки проблемы и формирования общих подходов. Были попытки и опереться на теорию реставрации, и на совершенно мало у нас разработанную тему экономики сохранения наследия.

Первый опыт оказался вполне удачным, и хотелось бы встретиться вновь как с нынешними участниками конкурса, так и с теми, кто решит присоединиться к нему в будущем.

ВЫСТАВКА «ПРОРЕСТАВРАЦИЮ» КАК ВСЕРОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ



Татьяна Черняева, председатель Российской ассоциации реставраторов

Выставка «ПРОреставрацию. Импортозамещение в реставрационных материалах и технологиях», организованная Российской ассоциацией реставраторов при поддержке Правительства Москвы, прошла в столице уже во второй раз.

Один из ее главных итогов – огромный интерес и со стороны сообщества профессионалов, и со стороны участников и многочисленных посетителей. За четыре дня к нам на выставку пришло около 10 тысяч человек. Насыщенная программа включила более 200 лекций, мастер-классов и деловых сессий. Российские производители представили более 100 передовых отечественных решений и технологий для сохранения памятников архитектуры. Обсудили ключевые темы: сохранение объектов культурного наследия как новых точек притяжения для развития внутреннего туризма; российские реставрационные технологии; развитие волонтерства в сфере сохранения культурного наследия России; ремонт и реставрация жилых многоквартирных домов-памятников и многие другие.

Кстати, проходила выставка в очень аутентичном месте – в типографии Ивана Сытина на Пятницкой улице, это здание признано объектом культурного наследия регионального значения. Под выставку мэрией столицы было отведено два этажа исторического здания площадью 4 500 квадратных метров (почти в два раза больше, чем в прошлом году на «Винзаводе» – там было 2,5 тыс. кв. м).

Важность и актуальность этой единственной в России профильной реставрационной выставки прежде всего в том, что она объединяет всех, кто причастен к реставрации и сохранению культурного наследия: реставрационные организации, органы власти, проектные институты, производители реставрационных материалов, учебные заведения, некоммерческие организации. Только при консолидации усилий возможна эффективная работа, и только в диалоге – решение сложных проблем и вопросов. Особенность выставки в том, что она максимально ориентирована на удовлетворение практических нужд отечественной реставрационной отрасли.

Большое внимание в программе было уделено молодым реставраторам (и соревнования, и студенческая конференция, и мастер-классы от студентов). Работа с начинающими и будущими профессионалами – важнейшая задача в нашей сфере.

Один из главных столичных объектов последних лет, можно сказать, главная реставрационная площадка страны – ВДНХ. Кстати, на прошедшей выставке мы показали немало уже сделанного именно там. Открылся Центральный павильон – в нем сейчас работает Международная выставка-форум «Россия», организована экспозиция «Первые в России – стране возможностей». Внутри этого павильона можно увидеть отреставрированный несколько лет назад знаменитый горельеф Евгения Вучетича «Знаменосцу мира – советскому народу слава!» (1954). Отреставрированы павильоны № 51 «Мясная промышленность» (бывший «Главмясо»), № 59 «Зерно» (бывший павильон Московской области).

Среди важных, знаковых объектов, пожалуй, стоит также назвать реставрацию Спасо-Преображенского собора Новоспасского монастыря и храма Святителя Николая на Трех Горах в Нововаганьковском переулке; главного здания Яузской больницы, здания Центрального телеграфа, на которых работы еще продолжаются. Завершена реставрация пяти башен ансамбля Донского монастыря, домика настоятеля и фасадов Нового собора.

Всего в 2023 году в Москве завершены работы более чем на 200 объектах культурного наследия. А с 2011 года отреставрировано более 2 000 объектов, общая доля памятников, находящихся в неудовлетворительном состоянии, сократилась более чем в семь раз, а доля памятников, находящихся в удовлетворительном состоянии, выросла с 66 до 96,5 процентов.

Отечественные материалы сейчас в полном объеме отвечают потребностям реставраторов. Наша отрасль последние десять лет активно развивается, и требуются все новые разработки и материалы. Ранее исполнители работ комбинировали отечественные и импортные материалы. Теперь понятно, что наши материалы нисколько не уступают по составу и прочности импортным аналогам, и в последние годы на объектах все чаще используются отечественные разработки. Однако пока есть некоторые сложности с технологиями, особенно с оборудованием (микроскопы, лазеры и др.). Новые пути решения ищутся и находятся – кстати, в том числе и благодаря обсуждениям и дискуссиям, которые проходили в рамках нашей выставки.

Есть ряд позиций, без которых пока обойтись сложно, особенно это касается инженерии. Часть из них до сих пор поставляется с помощью «параллельного импорта». Но в целом, если говорить о материалах, у нас нет сложностей в их производстве в России. Мы знаем, как и что делать, обладаем базой, сырьем, у нас выстроен технологический цикл.

Ранее исполнители работ комбинировали отечественные и импортные материалы. Теперь понятно, что наши материалы нисколько не уступают по составу и прочности импортным аналогам

Наша выставка фактически является и всероссийским, и международным реставрационным форумом – в полной мере. Участники – как экспоненты, так и эксперты – приезжают из многих городов России. Мы надеемся, что география будет расширяться с каждым годом.

В соревнованиях молодых реставраторов поучаствовали студенты из Москвы, Санкт-Петербурга, Орла, Набережных Челнов, Иркутска, Калининграда, Якутска, Новосибирска, Свердловской области, ДНР, Пензы. Они восстанавливали произведения из дерева, станковой масляной и монументальной живописи, лепной декор и терразитовую штукатурку. Победители получили приглашение на стажировку в Государственный научно-исследовательский институт реставрации.

В этом году в деловой программе выставки приняли также участие иностранные эксперты из 14 стран: Китая, Турции, Узбекистана, Ирана, Армении, Азербайджана, Республики Мали, Саудовской Аравии, Мексики, Италии, Кубы, Казахстана, Таджикистана и Алжира. В следующем году нам видится их более масштабное участие, со стендами и мастер-классами.

Прошла презентация по международному обмену опытом в рамках I российско-иранской реставрационной конференции. Иностранные эксперты поучаствовали в пленарных сессиях «Приспособление объектов культурного наследия как вектор развития» и «Вопросы реставрации памятников стран СНГ», а также оценивали соревнования молодых реставраторов.

СВОДУ ПАМЯТНИКОВ РОССИИ – 25 ЛЕТ

Впереди – еще 250?

Константин Михайлов

В ноябре 2023 года исполнилось 25 лет со дня выхода первого тома Свода памятников архитектуры и монументального искусства России. Кажется, не так уж и давно появился первый том Свода, посвященный наследию Брянской области, – ан нет, ведь четверть века прошло с осени 1998-го.

Юбилей был ознаменован выпуском очередного тома (уже пятого, посвященного наследию Тверской области) и круглым столом в стенах Государственного института искусствознания, где работает специальный сектор, который готовит Свод памятников.

За 25 лет выпущено пятнадцать томов Свода: полностью описано наследие трех областей (Брянской, Ивановской, Смоленской). Не полностью – еще трех: Тверской, Владимирской, Рязанской. Изначально предполагалось, что Свод составят около двухсот томов; такими темпами, как до сих пор, предприятие растянется еще лет на 250. Тем более, что томов на самом деле понадобится гораздо больше.

Причем юбилей в 2023 году можно было отмечать двойной: еще и 55 лет подготовительной работы. Приказ министра культуры РСФСР «О подготовке Свода памятников истории и культуры РСФСР» датирован 22 января 1968 года. Ему предшествовало совместное постановление коллегии Минкультуры СССР и Президиума Академии Наук СССР «О подготовке Свода памятников культуры народов СССР» (от 2 октября 1967 года).

Итак, пятнадцать томов за 55 лет. Много это или мало?

Предыстория. Семейное предание

Историю идеи Свода памятников в СССР рассказывал на круглом столе в ГИИ 10 ноября 2023 года ректор МАрхИ Дмитрий Олегович Швидковский. Что совсем не случайно: именно его отец, историк и искусствовед Олег Александрович Швидковский (1925–1990), вместе с архитектором и искусствоведом Иваном Васильевичем Маковецким (1912–1972) были авторами этой идеи и первыми менеджерами ее воплощения в жизнь.

Д.О. Швидковский сразу оговорился, заметим, что его рассказ – не документальное изложение фактов, а, скорее, семейное предание, как он его помнит (на момент описываемых событий рассказчику было девять лет). Рассказ этот звучит так.

Дмитрий Швидковский:

– Отец ездил в 1967 году на конгресс в Праге, где был представлен международный опыт кодификации исторического наследия. Чехословакия издала свод своих памятников – около сорока тысяч объектов – еще до Второй мировой войны, это был тогда самый полный свод наследия в мире. После этого стали делать свой свод французы. В Великобритании эту работу начали еще в XIX веке – как описание наследия графств, Victoria County History. Недавно у них вышел юбилейный, двухсотый том. Есть в Великобритании и другие своды. Есть – и были уже тогда – аналогичные проекты во многих других странах.

На отца и Ивана Васильевича Маковецкого, который тогда был замминистра культуры РСФСР и отвечал за охрану памятников, все это произвело сильное впечатление. Вернувшись в Москву, они решили попытаться осуществить такой проект у нас. Я хорошо помню разговоры у нас дома на эту тему и переживания отца: получится или нет?

Министерство культуры СССР поначалу отказывалось начинать такой проект, хотя у отца и Маковецкого были неплохие отношения с министром Екатериной Фурцевой. И тогда был составлен целый «заговор». Маковецкий и отец придумали обратиться сначала к властям союзных республик в составе СССР. Сыграть на местных, в том числе национальных, интересах. Предложили создавать такие своды наследия республик, объясняли местным руководителям,

Объект Свода: храм Рождества Богородицы в Перевлесе (Рязанская область)

Объект Свода: церковь Ильи Пророка в Кашине (Тверская область)

что те могут свое наследие зафиксировать и прославить. Эти предложения вызвали поддержку, был ряд соответствующих решений в республиканских ЦК партии и Советах Министров.

Смысл идеи был в том, чтобы «обложить» союзное Министерство культуры такими решениями с мест. И когда выяснилось, что большинство республик уже начали работу над своими сводами и поддерживают идею Свода памятников СССР, Фурцевой ничего не оставалось, как согласиться.

Все это не было безобидно и просто, отец с Маковецким сильно рисковали, ведя дело таким образом. Но в результате наша страна включилась в эту работу, которая происходила во всем мире.

Свод памятников – важнейшая для нас программа. Мы никогда все не отреставрируем, этого не может себе позволить ни одна страна в мире. Но мы обязаны все наше наследие зафиксировать и запомнить – в том виде, в каком оно существует.

Это, собственно, и есть то, что называют скрепами.

Предыстория. Документ

Рассказ Д.О. Швидковского, судя по всему, весьма близок к исторической правде, поскольку его можно проверить документальным свидетельством – брошюрой «Свод памятников истории и культуры СССР. Методические указания», выпущенной в 1968 году Министерством культуры СССР и Институтом истории искусств. «Руководителем темы» в ней обозначен И.В. Маковецкий, а О.А. Швидковский, замдиректора Института истории искусств, указан в составе авторского коллектива «методической разработки» (наряду с известными и ныне историками русской архитектуры В. Косточкиным, М. Цапенко, В. Выголовым, а также С. Зомбе, М. Каганович и Б. Овчинниковой).

Вступительная статья, обосновывающая проект, написана О.А. Швидковским весьма основательно и, я бы сказал, изощренно. Учитывая систему политических координат и общественных обстоятельств, в которых существовала в 1960-е годы отечественная охрана памятников, автор сначала ссылается на Энгельса («Седая древность... образует основу всего позднейшего более высокого развития»), затем напоминает, что «по прямому указанию В.И. Ленина в первые же послереволюционные годы в стране началась огромная работа по освоению культурного наследия». Затем констатирует: «Партия и Правительство в настоящее время выделяют значительные средства для проведения сложных и дорогостоящих реставрационных работ, и результаты этой политики дают прекрасные плоды». Одним из плодов оказалось то, что «древнерусские города... за последние годы стали местами массового паломничества как советских людей всех поколений, для которых тяга к культуре и искусству стала органической потребностью, так и сотен тысяч иностранных туристов, открывших, к своему удивлению, в "дикой России" древнюю и высочайшую по своему уровню художественную культуру».

Все это написано как будто специально для какого-нибудь начальства, тормозившего работу над будущим Сводом памятников. Ведь необходимость его создания, как получалось, непосредственно вытекала из:

1) указаний основоположников марксизма;

2) ленинских заветов первых послереволюционных лет;

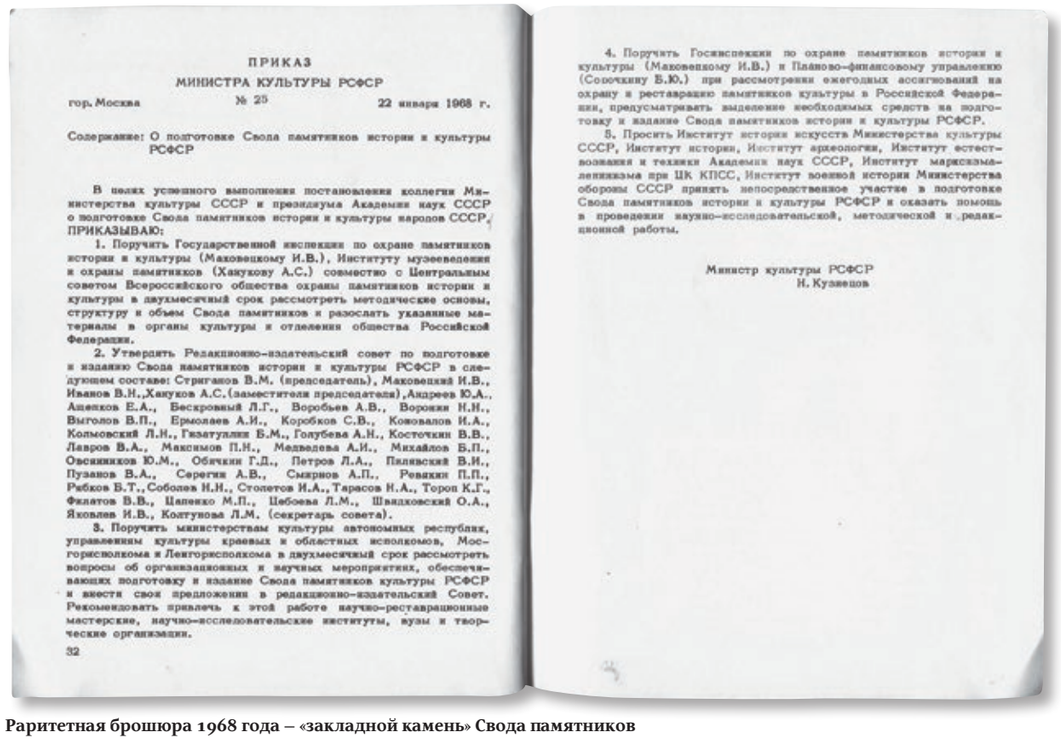
3) успехов современной реставрационной политики партии и правительства;

4) позитивного заграничного резонанса.

«Все эти обстоятельства, – заключает О.А. Швидковский, – вместе взятые, требуют значительной активизации изучения и пропаганды памятников культуры народов СССР... Настало время осуществить полную систематизацию накопленных наукой данных, создать полный Свод памятников культуры народов СССР».

Выложив четыре козыря, которые культурному и иному начальству явно будет нечем крыть, О.А. Швидковский переходит к изложению собственно идеи – и выясняется, что вся научная идеология проекта, реализуемого в наши дни, заложена была тогда, более полувека назад. «Свод памятников, – пишет он, – представляется нам как многотомное издание, близкое по характеру к научной энциклопедии, где от тома к тому, от статьи к статье в предельно сжатой форме концентрируются все основные сведения о культурном наследии, которыми мы располагаем... В Своде памятников мы впервые сможем воссоздать полную картину нашего художественного наследия».

Далее О.А. Швидковский обрисовывает весьма обширный спектр задач, которые и в наши дни приходится решать авторам и редакторам Свода: «Создание



ПРИКАЗ
МИНИСТРА КУЛЬТУРЫ РСФСР

гор. Москва № 25 22 января 1968 г.

Содержание: О подготовке Свода памятников истории и культуры РСФСР

В целях успешного выполнения постановления коллегии Министерства культуры СССР и президиума Академии наук СССР о подготовке Свода памятников истории и культуры народов СССР, ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Поручить Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры (Маковецкому И.В.), Институту музееведения и охраны памятников (Ханукову А.С.) совместно с Центральным советом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в двухмесячный срок рассмотреть методические основы, структуру и объем Свода памятников и разослать указанные материалы в органы культуры и отделения общества Российской Федерации.

2. Утвердить Редакционно-издательский совет по подготовке и изданию Свода памятников истории и культуры РСФСР в следующем составе: Стриганов В.М. (председатель), Маковецкий И.В., Иванов В.Н., Хануков А.С. (заместители председателя), Андреев Ю.А., Ащепков Е.А., Бескровный Л.Г., Воробьев А.В., Воронин Н.Н., Выголов В.П., Ермолаев А.И., Коробков С.В., Коновалов И.А., Колмовский Л.Н., Гизатуллин Б.М., Голубева А.Н., Косточкин В.В., Лавров В.А., Максимов П.Н., Медведева А.И., Михайлов Б.П., Овсянников Ю.М., Обичкин Г.Д., Петров Л.А., Пилявский В.И., Пузанов В.А., Серегин А.В., Смирнов А.П., Ревякин П.П., Рябков Б.Т., Соболев Н.Н., Столетов И.А., Тарасов Н.А., Тороп К.Г., Филатов В.В., Цапенко М.П., Цебоева Л.М., Швидковский О.А., Яковлев И.В., Колтунова Л.М. (секретарь совета).

3. Поручить министерствам культуры автономных республик, управлениям культуры краевых и областных исполкомов, Мосгорисполкома и Ленгорисполкома в двухмесячный срок рассмотреть вопросы об организационных и научных мероприятиях, обеспечивающих подготовку и издание Свода памятников культуры РСФСР и внести свои предложения в редакционно-издательский Совет. Рекомендовать привлечь к этой работе научно-реставрационные мастерские, научно-исследовательские институты, вузы и творческие организации.

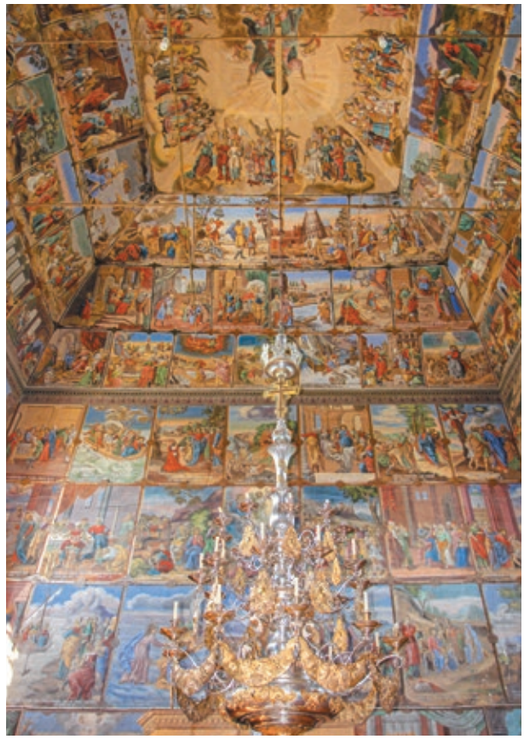
32

4. Поручить Госинспекции по охране памятников истории и культуры (Маковецкому И.В.) и Планово-финансовому управлению (Сорочкину Б.Ю.) при рассмотрении ежегодных ассигнований на охрану и реставрацию памятников культуры в Российской Федерации, предусматривать выделение необходимых средств на подготовку и издание Свода памятников истории и культуры РСФСР.

5. Просить Институт истории искусств Министерства культуры СССР, Институт истории, Институт археологии, Институт естествознания и техники Академии наук СССР, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт военной истории Министерства обороны СССР принять непосредственное участие в подготовке Свода памятников истории и культуры РСФСР и оказать помощь в проведении научно-исследовательской, методической и редакционной работы.

Министр культуры РСФСР
Н. Кузнецов

Раритетная брошюра 1968 года – «закладной камень» Свода памятников



Объекты Свода: росписи в интерьере храма Успения в Тетеринском (вверху) и иконостас церкви Николая Чудотворца в Боговском (Костромская область)

Свода памятников... предпринимается впервые в истории отечественной науки и представляет собой научную задачу исключительной сложности. Предстоит не только заново пересмотреть обширнейшие материалы по тысячам и десяткам тысяч памятников художественной культуры, но и проверить множество данных и фактов, провести обширные дополнительные исследования, сопоставления, выявить, изучить, зафиксировать и ввести в установленную систему те памятники, которые до последнего времени были малоизвестны».

Статья О.А. Швидковского 1968 года подтверждает и рассказ его сына 2023 года – «семейное предание» оказалось вполне точным. В тексте говорится о IX Всемирном конгрессе Международного союза архитекторов в Праге в 1967 году, где «почти все страны дали информации о том, что у них уже занимаются разработкой сводов памятников художественной культуры». Упоминаются 75-томный чехословацкий Свод, а также аналогичные издания Италии, Франции, Австрии, Венгрии, Польши, Болгарии, скандинавских стран.

Нужно отметить, правда, что Сектор Свода памятников был создан в Институте истории искусств при Минкультуры СССР еще в конце 1966 года. Следовательно, пражский конгресс не породил идею, скорее, вооружил ее авторов новыми аргументами.

И даже рассказ о «заговоре» с участием братских союзных республик находит в брошюре 1968 года подтверждение. В проекте «Методических основ Свода памятников...» отнюдь не случайно отмечается, что «в некоторых республиках Советского Союза (РСФСР, Украина. Узбекистан, Грузия и др.) уже приступили к подготовке и изданию разнообразных обобщающих материалов о памятниках художественной культуры».

История, конец которой нам известен

Первоначально предполагалось, что Свод будет включать не только памятники архитектуры и монументального искусства, но и «памятники истории, Революции и Великой Отечественной войны, памятники художественной культуры, памятники археологии». От таких планов по понятным причинам решено было в постсоветские годы отказаться.

Весьма оптимистично рисовались авторам методической разработки 1968 года размеры будущего предприятия, не говоря уже о его сроках. Они были уверены, что «работа над подготовкой и изданием Свода рассчитывается на 10–12 лет, имея в виду ежегодный выпуск 2–4 томов в издательстве “Искусство” и 2–4 томов в республиканских издательствах, при тираже 25 000 экз.». Причем Свод рекомендовалось вносить в издательские планы уже на 1968 год.

Таким образом, работу над Сводом памятников, да еще и всесоюзным, планировали завершить к 1980 году – тому самому, который в действовавшей тогда Программе КПСС был объявлен годом построения в СССР коммунизма.

Это был бы – говорю без малейшей иронии – и в самом деле очень достойный подарок стране и всему прогрессивному человечеству. Однако в реальности быстро выяснилось, что для России задачи построения коммунизма и издания Свода памятников оказались примерно одинаковы по сложности. Правда, если от первой цели наша страна отказалась, то от второй, слава Богу, пока что нет.

Причиной невыполнения поставленной задачи не то что в положенный, а хотя бы даже в удвоенный срок современные создатели Свода памятников называют – чего никто не мог предвидеть – гигантский объем материала, который надо было не только изучить и сверить, а еще и выявить и обнаружить. Ведь официальные списки памятников даже сейчас далеко не исчерпывают наших историко-культурных богатств – что же говорить о 1960-х годах! Именно эта причина, думается, главная, а не недостаток ресурсов или встречавшиеся идеологические или организационные затруднения. Ведь требовалось создать не просто аннотированные перечни памятников, а действительно фундаментальный научный труд, содержащий и фиксации объектов, и архивные данные, и искусствоведческий анализ, и атрибуции, и мемориальные аспекты, и массу других материй. То есть даже для первичной паспортизации памятников нужны были экспедиции на натуру (помножить на размеры страны), фотосъемки, обмеры, чертежи и планы, поиски в архивах и библиотеках, систематизация добытого материала. И все это – по десяткам тысяч объектов.

Не помог и вынужденный отказ от принципа всеохватности Свода, сосредоточение усилий на архитектуре и монументальном искусстве. Это сокращение задачи было с лихвой компенсировано абсолютно верным, но предельно расширявшим масштабы предприятия решением составителей Свода описывать в нем не только официальные статусные памятники, а все имеющие историческую или художественную ценность объекты.

Этот принцип фигурировал в «Методических основах Свода...» с самого начала, с 1968 года: «Процесс подготовки материала для Свода предусматривает полное выявление, фиксацию и изучение всех памятников культуры области от древнейших времен до наших дней вне зависимости от того, состоят они на государственном учете или нет».

Объекты Свода: росписи церкви Преображения за Волгой и доходный дом Третьякова в Костроме

Этот принцип выдерживается авторами Свода до сих пор, отчего издаваемые в наши дни тома получаются невероятно увесистыми. В только что вышедшем пятом томе Свода по Тверской области, например, более девятисот страниц, а посвящен он одному лишь городу Кашину и Кашинскому району! Составители Сводов памятников Белоруссии (семь томов) и Украины (четыре тома), напротив, ограничились статусными объектами, отчего давно благополучно завершили свою работу, правда, к 1980 году тоже не успели. Но российский Свод, безусловно, превосходит их по всем качественным и статистическим показателям.

Нужно отметить еще, что и в РСФСР подготовка Свода не ограничивалась подготовкой. В 1970-е годы в некоторых областях России начали издавать крохотными по тем временам тиражами и в мягком переплете «Материалы Свода...», учитывавшие в первую очередь памятники культуры. На какие только ухищрения не приходилось идти их составителям, огибая рифы культивировавшегося в те годы «классового подхода» к культурному наследию, чтобы соблюсти научные принципы и ввести в круг учтенных (а стало быть, и охраняемых) памятников те или иные ценные объекты! Например, в «Материалах Свода...» по Владимирской области, изданных в 1978 году, «родоначальником владимирского краеведения» был объявлен разбуженный декабристами А.И. Герцен (что, видимо, обосновало внесение в Свод адресов и памятных мест, связанных с краеведами и исследователями древностей), а весьма популярный в наши дни «рыцарский замок» в усадьбе Храповицкого Муромцево фигурировал как «Здание лесного техникума, в котором преподавал в 1921–1928 гг. геодезист А.Г. Чудов», «красный профессор»...

Конец этой истории нам известен. Первый регулярный том Свода памятников России вышел только в 1998 году. Но это уже начиналась другая история.

История, конец которой нам не известен

Итак, мы имеем пятнадцать томов, выпущенных за 25 лет. Какие там четыре тома в год, какие тиражи в 25 тысяч экземпляров! Тираж только что изданного тома – пятьсот экземпляров. Объем предприятия неисчислим. Если Тверская область будет описываться с той же тщательностью и прилежностью (а с какой бы стати нет?), то один этот регион «потянет» томов на девять-десять. По Владимирской области издано три тома, предполагается, что будет восемь. А ведь в очереди Ярославль, Кострома, Вологда, Архангельск, Калуга... А уж если в этот строй встанут Москва и Санкт-Петербург (опять-таки: а с какой бы стати нет?), то тут не то что двести, а и все четыреста томов понадобится.

Если даже совершить чудо и выпускать по четыре тома в год, то финал проекта уходит далеко за жизненный горизонт всех нынешних его участников, как, впрочем, и читателей томов.

Что, впрочем, не удивительно. Основоположники Свода совершено справедливо считали, что эта «научная проблема... может быть решена лишь объединением усилий всех исторических и искусствоведческих научных учреждений страны, всех ученых в центре и на местах». В советские годы этот принцип, особенно поначалу, старались выдерживать. В наши дни подготовка Свода возложена на сектор из пятнадцати человек в Государственном институте искусствознания. С которым если кто-то и объединяет усилия, то только по доброй воле.

На самом деле по масштабу задачи создание такого Свода – дело целой научной институции, оснащенной штатами, финансами, техникой и ресурсами, с филиалами в регионах. Мечты, мечты...

Но, может быть, и хорошо, что Свод памятников России делается в наши дни столь тщательно и нескоро, зато узкой группой единомышленников и профессионалов. Это ведь гарантирует уровень предприятия

Объект Свода: храм Благовещения в Коленцах (Рязанская область)

и качество продукта. С другой стороны, что отражает Свод, не охвативший за 25 лет и десятой части национального наследия? Да и то, что в нем описано, разве не требует спустя 20–25 лет корректировки и переиздания? Взять тот же первенец – брянский том 1998 года: каких-то памятников уже нет, сколько-то выявлено вновь, значительная часть существующих выглядит уже совсем не так – одни обратились в руины, другие, напротив, отреставрированы.

Кстати, о ресурсах. В приказе министра культуры РСФСР 1968 года поручалось «при рассмотрении ежегодных ассигнований на охрану и реставрацию памятников культуры в Российской Федерации предусматривать выделение необходимых средств на подготовку и издание Свода памятников». По наивности я полагал, что дело так и обстоит до сих пор. Есть большой государственный долгосрочный проект, и он неуклонно продвигается, пусть и с задержками и выбившись из расписания. Оказывается, нет. С некоторых пор введен новый порядок. Согласно ему, Институт искусствознания должен ежегодно подавать (не только на Свод, но и на другие проекты) заявку в организацию с поэтическим названием ЕГИСУ НИОКТР (Единая государственная информационная система учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения). Оценку заявок проводят эксперты, назначаемые РАН, и только в случае положительного решения выделяются бюджетные средства.

Таким образом, работа над фундаментальным культурным проектом, начатым в России еще в 1968 году, каждый год начинается как будто с нуля. И составители Свода памятников должны каждый раз заново доказывать, что этот проект нужен Родине.

Вдумайтесь только, произнесите вслух, сопоставьте эти слова – Свод памятников России и ЕГИСУ НИОКТР! И первое зависит ныне от второго. Насколько известно, заявки института на работу в 2024 году над Сводом памятников и над не менее фундаментальной новой «Историей русского искусства» пока одобрения не получили.

Что ж, пора подводить предварительные итоги. Пятнадцать томов за 25 – или, вернее, за 55 лет. За эти годы сменились имя страны, политический, социальный и экономический строй, культурная политика. А Свод памятников все готовится и издается. Из аналогичных проектов можно вспомнить, пожалуй, Полное собрание русских летописей, которое выходит с 1841 года и все же далеко от завершения.

Может ли культурная страна обойтись без полного собрания своих архитектурных сочинений? Конечно же, нет. Это все равно что обходиться без полных собраний Пушкина или Толстого. И потому Свод памятников готовится, издается, читается, служит науке, реставрации и делу охраны памятников. Несмотря ни на что.

Это ли не духовная скрепа?!

А с чем же сравнить труд создателей Свода? Аналогия приходит на память только одна – с создателями средневековых готических соборов. Они сооружались столетиями, и их строители никогда не знали, когда же завершится стройка и как будет выглядеть

Объект Свода: дом Алянчикова в Касимове (Рязанская область)

постройка. Но зато знали другое: каждый кирпич или камень, положенный ими в стену, останется в ней навеки и послужит надежным основанием для трудов следующих поколений.

Жаль только, что кирпичей в нашем Своде пока всего пятнадцать...

А теперь дадим, наконец, слово создателям Свода памятников России.

Алексей Гриц, заведующий Сектором Свода памятников архитектуры и монументального искусства Государственного института искусствознания:

– Поначалу предполагалось, что издание Свода по всей России займет всего несколько лет. Но все оказалось гораздо сложнее: мы просто не представляли объем предстоящей работы. Хотя памятников под госохраной тогда было значительно меньше, но материал все равно оказался безграничен. Отсюда и замедление: чтобы приступить к работе над Сводом, необходима была паспортизация ценных объектов, отнюдь не только статусных памятников.

Официальный охранный статус имела небольшая часть наследия. Выпадали целые сегменты: промышленные, железнодорожные объекты, городская историческая застройка и др. Ориентироваться только на официальный реестр – значит выпускать Свод наследия с огромными лакунами.

С 1998 года издано пятнадцать томов. Завершены три области – Брянская, Смоленская, Ивановская. Три области в работе. Пять томов выпущено по Тверской, три тома по Владимирской (ожидается, что всего их будет восемь), два тома по Рязанской области (предполагается, что будет шесть). В ближайшем будущем, надеюсь, запустим Костромскую область (в 2024 году) и Калужскую.

Представьте объем материала. А ведь были еще и перебои с финансированием – достаточно сказать, что несколько томов в 2000-е годы были изданы на личные средства сотрудника нашего сектора покойного Игоря Климентьевича Русакомского.

Сколько лет займет работа над Сводом – не ясно, но очевидно, что в любом случае на это потребуется много лет. Пока не просматривается четко выраженного государственного интереса к реализации этого проекта, как и действий по воплощению его в жизнь.

Конечно, стыдно не иметь в XXI веке полного научного реестра национального наследия. У нас в Секторе Свода над этим трудятся всего пятнадцать сотрудников, а в Великобритании, например, над аналогичным проектом работают целые научные институты, есть филиалы в провинциальных городах, есть специальные сотрудники, которые специализируются на «полевой работе», на архивных исследованиях, написании текстов об объектах. Только по Лондону издано около семидесяти огромных томов.

Когда Свод делали в Белоруссии, для этой цели был временно организован специальный научный институт – триста человек работало.

Государственная поддержка нужна отнюдь не только финансовая. В Великобритании, Бельгии в работу над сводами наследия включены государственные архивы: они подбирают и бесплатно предоставляют авторским коллективам необходимую информацию. А мы вынуждены добывать ее за свои деньги. Важно и предоставление информации архивов и БТИ, и содействие в обеспечении доступа к объектам, особенно находящимся в частной собственности.

Изначально было задумано, что научная работа над Сводом будет связана с работой госорганов охраны памятников, станет научной базой для их деятельности, в первую очередь для составления учетной документации по памятникам. В 2000-е годы эта связь оказалась разорванной. Мы теперь занимаемся чистой наукой, а госорганы – своим делом. Паспорта памятников по новой форме, введенной в 2008 году, не содержат научной информации. А она нужна, чтобы понимать историко-художественную ценность объекта.

Работу над Сводом памятников планировали завершить к 1980 году – тому самому, который в Программе КПСС был объявлен годом построения в СССР коммунизма. Задачи оказались примерно одинаковы по сложности

В идеале работа над Сводом – долгосрочная госпрограмма с отдельным финансированием. Это не такие уж большие деньги: создание одного тома Свода стоит несколько сотен тысяч рублей; около 1 млн в год нужно нашему сектору на работы в одном регионе. Себестоимость экземпляра только что вышедшего 5-го Тверского тома – меньше пятисот рублей. Замечу, что средства нам выделяют только на исследовательскую работу по Своду, не на издание томов.

Зачем нужен Свод памятников? А зачем вообще изучать прошлое, зачем нужны мемориалы, военные памятники? Это наша история, это часть нашей идентичности. Прошлое – не просто череда событий. Оно сохраняется, к счастью, в виде материальных артефактов. Памятники архитектуры – это наша материальная история. Это самый демократичный вид искусства, они общедоступны, вы не можете жить, не соприкасаясь с архитектурой. С памятниками нужно разговаривать, общаться, нужно их сохранять.

То, что мы делаем, – это сбор, фиксация, обработка, публикация информации о предмете, который исчезает. Многие памятники, описанные в вышедших томах или в наших исследованиях, уже не существуют. Свод – единственный источник сведений об объектах, которые уже погибли. Это огромный массив информации о нашей культуре, причем информации эксклюзивной, достоверной, научно осмысленной. К нам постоянно обращаются историки, реставраторы, сотрудники госорганов в регионах.

Часто местные люди спрашивают нас: зачем это все нужно? Мы объясняем, и у людей пробуждается интерес, пробуждается любовь к малой родине, пропадает желание ее покинуть. Вслед за нашими экспедициями в районах проходят фотовыставки на тему наследия, создаются краеведческие сообщества. В одном Вышнем Волочке уже вышло более тридцати краеведческих изданий. Молодые люди начинают изучать и защищать наследие своих городов и районов. И это все происходит без участия государства.

Объекты Свода: сельские и городские усадьбы в Павлищевом Бору (на странице слева), Калуге (дом Золотаревых) и Авчурине (Калужская область)

Так что Свод памятников – это еще и инструмент возрождения интереса и любви к историческим территориям, малым городам. Наследие – это энергия, которая все оживляет.

А где-то, наоборот, наблюдается торможение. Мэр одного города сетовал, что мы ему с ветхим жильем не даем бороться. Препятствуют постановке памятников под охрану – например, центра наукограда Обнинска и др.

Свод – это формально каталог памятников, но очень высокого уровня. Подробное описание объектов, множество новой информации, аналитические статьи о градостроительном развитии, о развитии архитектуры и искусства в конкретных регионах. Это имеет общенаучное значение, выходит за рамки каталога. Мы вписываем ту или иную территорию в общую историю русского искусства, русской культуры. Формируем широкое и объемное видение художественных процессов.

Экспедиции Свода памятников в русской провинции. На нижнем фото слева – И.К. Русакомский, скончавшийся весной 2023 года. Несколько томов Свода в XXI веке были изданы на его личные средства

Мы фактически заново пишем историю русского искусства вместе с регионами, через призму регионов. Выявляем шедевры. На основе наших материалов в ГИИ подготовлен тринадцатый том «Истории русского искусства», который будет посвящен искусству русской провинции второй половины XVIII века.

Другое наше важное направление – изучение монументальной, преимущественно церковной, живописи, которой на материале XVIII–XIX веков никто всерьез не занимался, никто не рассматривал ее как цельное художественное явление. А тут из ничего создается целая картина развития живописи русской провинции – абсолютно новая, неизвестная информация.

При этом мы фиксируем исчезающие виды искусства и памятники, что называется, «на последней подножке последнего вагона». Те же русские иконостасы – абсолютно уникальны, нигде в мире нет такого жанра искусства. А мы их утратили на 99 %.

Согласен, материалы изданных томов устаревают. Переиздание их сейчас вряд ли возможно. Рассчитываем на современные технологии, будем актуализировать информацию на сайте Свода, заработавшем в 2019 году.

Наталия Сиповская, директор Государственного института искусствознания Минкультуры РФ:

– Свод памятников – один из титульных проектов ГИИ, наряду с такими масштабными начинаниями, как выпуск новой комплексной «Истории русского искусства», полных собраний сочинений Чайковского, Мусоргского, издание наследия Мейерхольда и несколькими другими. Но и среди них Свод занимает особое место – и отнюдь не только по долголетию (коль скоро мы беседуем в связи с юбилейной датой). Главное – значимость проекта для отечественной культуры в целом. Это проект первостепенной важности, причем сразу в нескольких аспектах.

Начнем с очевидного: это каталогизация памятников архитектуры – нашего национального достояния. В этом проекте каталогизация ведется грамотно и комплексно – по научной методике, которая включает все: от обмеров, фиксации нынешнего состояния, искусствоведческого описания до архивных данных и реконструкции культурного контекста истории создания и жизни объекта. Это «матчасть» – базис любой науки, и в отношении национальной истории архитектуры он создается именно здесь. Это – во-первых.

Во-вторых – социальная значимость проекта. Это возможность использования материалов Свода в деле государственной охраны объектов культурного наследия, для организации новых маршрутов внутреннего туризма и (что, может быть, самое важное) для вовлечения все новых людей, молодых в первую очередь, в увлекательный процесс узнавания истории родного края и заботы о ее вехах, каковыми наши памятники и являются.

И, наконец, в-третьих, в этом проекте есть важная, практически философская составляющая. Знание провинциальных памятников подчас радикально меняет устоявшиеся представления о национальном искусстве, снимает флер локальности и вторичности, который непременно возникает, если нашу архитектуру трактовать «по классике», по отношению к европейскому центру... Свод памятников позволяет принципиально поменять представления о ходе и смыслах национального художественного процесса.

Остается только сожалеть, что такой проект не имеет статуса национальной исследовательской программы (как «Большая российская энциклопедия» и пр.). Поэтому финансирование проекта с 2017 года зависит от его статуса в ЕГИСУ НИОКТР – национальной системе учета научно-исследовательских работ. А это подразумевает ежегодную процедуру оформления заявок на новый этап работ, утверждение которых вменено в обязанность экспертам РАН. Не имея информации о проекте в целом и элементарных каверзах бюджетного планирования в трехлетней перспективе, они оценивают, как умеют... В этом году, например, нам не утвердили финансирование на 2024 год не только Свода памятников, но и «Мнемозины», «Истории русского искусства».

Что ж, если Свод памятников нам в итоге не утвердят, институту придется изыскивать средства для продолжения этого проекта. Он не может быть закрыт.

Если честно, пока еще ни один том Свода я не прочитала от корки до корки, но заглядываю в них регулярно. И всегда нахожу ответы на возникающие вопросы.

На перспективы Свода памятников я смотрю оптимистично. У людей, которые им занимаются, есть понимание темы, есть компетенции, есть инициатива, молодая энергия. Работают они замечательно.

Иллюстрации: Сектор Свода памятников архитектуры и монументального искусства России

Объект Свода: ансамбль Борисоглебского монастыря в Торжке (Тверская область)

ТЕМА НОМЕРА

КУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ

Фото: Анна Короб

Драйвер развития, код территории, источник дохода и развития – все это говорят о нем, культурном туризме. Многогранная тема, которая ранее ассоциировалась только с отдыхом и отпуском, а сейчас – с целым спектром областей: от частного предпринимательства до просветительства, от архитектурного облика до фестивалей и концертов, от локального краеведения до международного сотрудничества.

Немного парадоксально звучит прилагательное «культурный», как будто туризм может быть бескультурным (хотя, строго говоря, туризм и вправду может быть разным). Но, по статистике, 60–70 % всех маршрутов в России предполагают посещение именно культурных объектов.

В этом номере мы коснемся тех граней культурного туризма, которые раскрывают нам наши города, усадьбы, местечки. Как они воспринимаются? Как воспринимаем их мы, оказываясь там проездом, как относятся к ним местные жители и руководство, что они значат для науки и культуры в целом, как меняется их оценка и приходит осознание потенциала и роли?

Эта «Тема номера» – наш культурный туристический маршрут по стране, гидами-проводниками в котором стали известные краеведы, опытные экскурсоводы, ответственные менеджеры и предприниматели.

Присоединяйтесь!

Подмосковная усадьба Ярополец Чернышевых: проект преобразования во всесезонный курортный отель

БОЛЬШОЕ ЗОЛОТОЕ КУРОРТНОЕ КОЛЬЦО

Не нужен нам берег турецкий...

Ксения Титова,
руководитель проектного офиса ООО «ПроГород»

В декабре 2021 года Правительство РФ утвердило госпрограмму по развитию туризма. Было выделено 12 приоритетных туристических макротерриторий: «Дальний Восток», «Байкал», «Большой Урал», «Большой Алтай», «Большой Кавказ», «Западный Юг России», «Восточный Юг России», «Из Москвы в Санкт-Петербург», «Большое Золотое кольцо», «Большая Волга», «Русский Север и Арктика», «Русская Балтика». Они включают в себя 52 региона страны.

Тогда же стартовала работа по созданию схем туристического развития этих макротерриторий – нового инструмента пространственного планирования. Их разработкой по инициативе сначала Ростуризма, а с октября 2023 года – Минэкономразвития России занимается дочерняя компания ВЭБ.РФ «ПроГород».

Пилотными проектами, разработанными в 2022 году, стали три макротерритории: «Большое Золотое кольцо», «Дальний Восток», «Западный Юг России». Параллельно шла разработка схемы развития туризма для всей страны, которая позволила осмыслить пространственный потенциал туризма в России на основе комплексного анализа и выявления точек роста для каждого региона. В 2023 году в работе были макротерритории «Из Москвы в Санкт-Петербург», «Байкал» и «Большой Кавказ». Еще шесть проектов запланированы на 2024 год.

В составе туристических схем и пространственной стратегии развития туризма для макротерриторий проектируются всесезонные курорты (приоритетные проекты) на территории каждого региона. На последнем этапе формируется дорожная карта с перечнем возможных источников финансирования мероприятий, а также производится оценка эффектов от реализации проектов.

Проекты очень масштабные, требующие широкого спектра компетенций. Проектный офис ООО «ПроГород» координирует весь процесс разработки схем – от технического задания и сбора проектных консорциумов до экспертизы отчетных материалов, их согласования с регионами и федеральными органами власти и иными заинтересованными сторонами.

В консорциумы обязательно входят компании, обладающие профильными компетенциями в области территориального планирования и гостиничного консалтинга, а также архитектурные бюро и отраслевые эксперты по транспортной и инженерной инфраструктуре, экологии, маркетингу, социологии и т. д. Крайне важно на всех этапах работать в тесной связке со стейкхолдерами. Кроме совещаний и выездов на территории для натурных исследований, на каждом этапе проводятся рабочие группы с участием федеральных и региональных органов власти, организуются стратегические сессии, куда приглашаются региональные представители бизнеса и экспертного сообщества.

По данных наших социологических исследований, «Большое Золотое кольцо» (БЗК) – направление номер один для культурно-познавательного отдыха и второе по популярности направление для путешествий по России, его выбирают 48 % респондентов. Эта макротерритория обладает уникальными конкурентными преимуществами: концентрация исторических городов и памятников, близость к крупнейшим мегаполисам, транспортная доступность, потенциал для развития практически всех видов туризма.

Инвесторам в наследие поможет единая информационная система с возможностью подбора объектов по конкретному запросу, с предоставлением технической документации

Очевидны и проблемы. Например, номерной фонд формировался стихийно и сегодня предлагает во многом устаревшие форматы размещения 1990-х и 2000-х годов, а также туробъекты советского наследия, которые хоть и представляют определенную культурно-историческую ценность, но нуждаются в капитальном ремонте и новом позиционировании на рынке туристических услуг. Важно создавать современные средства размещения, удовлетворяющие запросам самых разных групп потребителей, развивать транспортные связи между регионами БЗК и формировать разнообразные туристические продукты, ради которых путешественники – представители разных целевых аудиторий – будут готовы отправляться в поездки в течение всего года. Одной из важных задач схемы стал пересмотр устоявшегося представления о поездке по БЗК как об экскурсионном туре только по замечательным, безусловно, но несколько однообразным для массового потребителя культурно-историческим и религиозным памятникам.

При разработке схемы учитывались результаты анализа всех видов данных о туризме на территории,

включая социально-экономические и финансовые показатели, пространственные данные, бигдату, блок социологических исследований, представленный глубинными интервью и панельными опросами, цифровую антропологию и т. д. Кроме того, разработчики учитывали все проекты, которые уже реализуются или планируются на макротерритории. В итоге проектная команда сформировала понятный структурированный план туристического развития БЗК на ближайшие 5–10 лет.

Неоспоримым конкурентным преимуществом регионов БЗК является уникальная «историческая среда уездного города», сохранившаяся преимущественно в малых городах с высокой плотностью объектов культурного наследия. Так, пятая часть всех ОКН федерального, регионального и местного значения расположены в девяти регионах БЗК – Калужской, Ивановской, Владимирской, Московской, Тверской, Костромской, Ярославской, Тульской и Рязанской областях. При этом, согласно исследованиям «ПроГород», сегодня более 80 % этих объектов нуждается в реставрации.

Приспособление ОКН под туристическое использование может стать одной из основных точек роста для макротерритории. Это может быть эффективным сценарием не только для развития туризма, но и для сохранения и развития самих ОКН. Но сейчас в законодательстве есть жесткие ограничения по работе с наследием, а механизмы реализации подобных туристических проектов развиты слабо.

Можно перечислить три основных проблемы, которые препятствуют превращению ОКН в ресурс развития туризма. Это отсутствие информации о состоянии ОКН для инвесторов, дефицит экспертизы и аналитики, а также административные барьеры вкупе с высокими инвестиционными рисками.

Кафе для туристов как усадебная оранжерея? Почему бы нет

К первой группе рисков разработчики относят отсутствие данных об инвестиционной привлекательности объектов и возможностях работы с ними, их техническом состоянии и основных обременениях. Решением здесь может стать формирование единой информационной системы с возможностью подбора объектов на основании запроса инвестора – с предоставлением технической документации о них. Полезна была бы и единая дирекция, занимающаяся методическим сопровождением проектов, в которые включены ОКН; она же, например, могла бы давать рекомендации по приспособлению объектов под туристические цели.

Вторая группа проблем вызвана отсутствием информации об успешных кейсах, а также масштабных исследований и аналитики по определению эффективных механизмов адаптации ОКН. У большинства инвесторов нет опыта реализации подобных проектов. Выходом могло бы стать формирование общей базы или онлайн-карты всех успешных кейсов с подробным описанием проектов и аналитикой по ним. Полезной также была бы сеть активных местных сообществ по работе с ОКН, куда бы входили представители НКО, местных администраций, эксперты, студенты профильных вузов и т. д.

Говоря об административных барьерах и финансовых рисках, мы учитываем чрезмерную зарегулированность процедур по работе с ОКН, отсутствие бюджета на их поддержание и восстановление у регионов и муниципалитетов, да еще и при почти полном отсутствии стимулирующих мер поддержки для инвесторов. Необходимо создание государственных программ по передаче ОКН из госсобственности в частную, выработка единых принципов работы с ОКН, системные меры по привлечению частных инвестиций, например, федеральные субсидии на разработку проектно-сметной документации и исследования, необходимые для реставрации, помощь в оформлении заявки и подборе мер поддержки.

Интересно, что в ходе одной из стратегических сессий региональные эксперты отметили невнимательное отношение к советскому наследию – мозаичным панно, вывескам, зданиям. В сознании большинства эти объекты еще не обладают исторической ценностью, но такое отношение может привести к тому, что к моменту признания их значимости сохранять и изучать будет уже нечего.

Летом 2023 года на базе Минэкономразвития России была создана рабочая группа по разработке модели вовлечения в туристический оборот исторических усадеб. Речь идет о возрождении усадеб через использование в туристических целях, в том числе как объектов размещения. Предполагается сформировать критерии отбора проектов для их дальнейшей адаптации к гостинично-туристической деятельности. Проектный офис «ПроГород» планирует участвовать в этой работе с предложениями о включении в программу проектов всесезонных курортов на базе усадебных комплексов, развитие которых предусматривается в туристических схемах.

В конце 2022 года завершилась работа над тремя пилотными схемами туристических макротерриторий, в том числе и над проектом «Большое Золотое кольцо», в рамках которого часть всесезонных курортов спроектирована на основе ОКН. Один из таких комплексов предложено создать близ города Волоколамска Московской области. Для него совместно с регионом была выбрана усадьба Чернышевых в Яропольце. По замыслу проектировщиков, в реконструированной усадьбе планируется создать новый отель 4* на 200 номеров с рестораном и художественными мастерскими. Кроме того, есть планы по созданию

Функциональные схемы развития курортного туризма в Яропольце Чернышевых (слева) и в усадьбах в окрестностях Торжка (справа)

на территории усадьбы обширного парка для прогулок – с тропами, пешеходными мостами, перголами. Общая площадь участка составляет 106 гектаров.

Еще один проект всесезонного курорта на базе ОКН предлагается развернуть в окрестностях города Торжка. В планах – восстановление четырех усадеб, связанных с биографией архитектора Н.А. Львова: Щербово, Митино, Грузины и Млевичи. В них предлагается разместить отель с рестораном и спа, культурное пространство и даже центр агротуризма. Общая площадь участка составляет 1 000 гектаров, номерной фонд – 295 номеров.

В рамках другого курорта – в Муроме, в историческом центре города, запроектировано создание трех бутик-отелей в классических купеческих и жилых домах XIX века, всего на 35 номеров. Это даст путешественникам возможность окунуться в атмосферу позапрошлого века.

В основе нашей работы с исторической средой и ОКН лежит принцип отказа от использования псевдоисторических элементов. Разработчики выделяют важность соблюдения трех основных стилевых подходов к формированию городской среды БЗК. Первый – аутентичная реставрация, предполагающая полное восстановление исторического облика под надзором специалистов. Это необходимо, когда речь идет об ОКН и исторически ценных градоформирующих объектах. Второй – «диалог старого с новым». Здесь важен баланс между сохранением ценных аутентичных элементов и их дополнением новыми объемами в современном стиле, на контрасте с ценными историческими деталями. Третий – строительство в исторической среде новых зданий в современном стиле, нейтральных цветов, лаконичных форм с преобладанием натуральных материалов. Обычно это новые элементы туристической инфраструктуры, гармонично сочетающиеся с существующей застройкой.

Интересны ли туристам многочисленные объекты культурного наследия на территории БЗК? Данные социологических исследований позволяют уверенно ответить – да. Туристы предпочитают комбинировать несколько видов отдыха в рамках одного путешествия. При этом культурно-познавательный туризм присутствует во всех наиболее популярных комбинациях. Абсолютными лидерами являются сочетания культурно-познавательного и семейного отдыха – их выбирают 76 % туристов, культурно-познавательного и оздоровительного – тоже 76 % и культурно-познавательного и активного – 64 %. Ресурсный

Проект рекреационного пространства в усадебном парке Яропольца

потенциал БЗК позволяет развивать практически все виды туризма, создавая множество комбинаций, отвечающих запросам всех групп туристов.

Реализация разработанных схем – вопрос консолидации усилий регионов, инвесторов, федеральных министерств и ведомств, институтов развития, предоставляющих инструменты финансирования и меры поддержки. Проектный офис «ПроГород» ведет мониторинг статуса реализации проектов после их сдачи. Например, на площадке ВЭФ в этом году организовали экспертную сессию с участием Минэкономразвития России, Корпорации развития Дальнего Востока и руководителей региональных туристических ведомств Приморья, Камчатки и Сахалина: что уже удалось сделать и каких инструментов не хватает для полноценной реализации дорожной карты схемы «Дальний Восток» (один из трех пилотных проектов 2022 года). Например, на Сахалине на основании турсхемы внесены изменения в документы территориального планирования. В Приморье на основе турсхемы прорабатывается проект федерального морского круглогодичного курорта в Хасанском районе.

Разработчики стараются максимально широко представлять бизнес-сообществу инвестиционные лоты (всесезонные курорты), сформированные в рамках проектов. Так, на том же ВЭФ-2023 в рамках инвест-питчинга ВЭБ.РФ и Сбера «ПроГород» совместно с руководством Камчатского края презентовал два из четырех курортов Камчатки ключевым игрокам туристического и девелоперского рынка.

На Форуме регионов в октябре 2023 года нами был организован питчинг нескольких инвест-проектов турсхемы «Большое Золотое кольцо» с участием интересантов (бизнес и региональные органы управления) из Тульской и Ивановской областей. В ноябре все регионы БЗК мы собрали на экспертный воркшоп для обсуждения итогов разработки проекта и выработки решений по запуску реализации мероприятий дорожной карты.

В 2023 году один из разрабатываемых проектов – «Из Москвы в Санкт-Петербург». Он призван трансформировать дорогу между двумя столицами из транзита в комфортное путешествие с разнообразными аттракциями и вариативными туристическими маршрутами. Проект будет завершен к концу года и представлен в Правительство в первом квартале 2024 года. Как и в регионах БЗК, ключевой туристический потенциал макротерритории представлен исторической городской средой, неотъемлемой частью которой являются усадебные комплексы. Например, одной из локаций для всесезонного курорта в Новгородской области выбрана усадьба Ровное-Новоблагодатное близ старинного города Боровичи, недавно прославившегося великолепным рестораном современной кухни «Мост» – кстати, тоже отличным примером аккуратного и вдумчивого приспособления памятников под туристические функции.

В разные времена древний Торжок служил и крепостью, и центром торговли, и транспортным узлом. А вот столицей курортного края еще не был

ЗАЧЕМ МЫ ПУТЕШЕСТВУЕМ?

Павел Иванов,
историк, краевед, журналист, Тверь

До прошлого года писание на тему «путешествие по России» сводилось к проповеди: люди, путешествуйте же по России, это не страшно.

С тех пор все повернулось очень своеобразно. Путешествовать по России стало обычно и обыденно. Это стало явлением массовым. Маркером этой массовости стало изобилие отчетов о путешествиях. И... и лично мне стало очень скучно смотреть ленту, в которой продолжается бесконечный калейдоскоп фотографий хорошо известных мест, иногда перемежаемых просто цветочками. С минимумом текста. И это не от неумения писать, а, есть у меня такое страшное подозрение, оттого, что писать-то нечего.

Нечего ответить на вопросы.

Зачем мы путешествуем?

Зачем это бесконечное хвастовство, что я был/была вот там-то?

Какой интерес в селфи на фоне?

Что предполагается в ответ?

Я не обсуждаю здесь, поскольку это не в моей компетенции, хорошо или плохо, интересно или не очень принимают туристов в той или иной местности. В конце концов, как-то принимают. Я только сделаю пару замечаний по поводу того смысла, который может дать нам этот самый «культурный туризм».

Культурный туризм как термин выделился недавно, до этого такой туризм был единственным. Странно, кажется, путешествовать без цели измениться, удивиться, вылезти из привычной скорлупы. Не остаться, одним словом, прежним.

Но, оказалось, и так можно. Можно описать циркуляцию в пространстве, выгулять свой желудок, стать «гастротуристом», не говорю уж про другие части тела. Сделать фото и потешить еще тщеславие. Вот, смотрите, завидуйте. Вернуться тем же человеком, разве немного потолще.

Нет, упаси Бог докатиться до такого.

Я одну штуку хочу рассказать.

Ездили мы как-то с группой путешественников из «Неизвестной Провинции» по Новгородской области.

В поселке Любытино мы дошли до усадьбы Горемыкиных. Для тех, кто там случайно не был, – это такой деревянный дом в стиле модерн среди парка на очень красивом берегу Мсты. Он там не единственная достопримечательность, но вещь такая эффектная. Нынче много развелось любителей усадеб, старинных дач и модерна. Иногда я их троллю, что терпеть это все уже не могу. Дохожу, так сказать, до классовой ненависти. На самом деле терпеть, конечно, могу. Во-первых, это очень породисто...

Ну и так далее. Прочно, гармонично, добросовестно, и в любом случае – память великой империи. Хотя, прямо скажем, если меня позовут: о, там классный модерн, пошли смотреть – я просто зевну и не пойду.

Итак, рядом была усадьба, которую построил один из последних премьеров Российской империи перед катастрофой, Иван Логгинович Горемыкин.

Пронесся, пока мы там по парку ходили, слух: пускают. Наш турист склонен проникать в закрытые места, просачиваться, пролезать, настырно дергать за дверные ручки – вдруг не заперто. Проникновению я не удивился. Внутри я раньше не был. Ладно, думаю, зайду. Внутри наверняка прохладно, старый деревянный дом все же, а было как раз жарко.

...Немолодой мужчина с бородкой мягким ласковым голосом что-то рассказывал, приглашал посмотреть лестницу и веранду, на которой выставлены детские керамические поделки. Удивительно, что так бывает – вламываются к тебе тридцать незнакомых теток, а ты не прогоняешь их метлой, наоборот, приглашаешь. Я бы, наверное, не смог.

Наверное, для такого надо быть Учителем.

Голос у него один в один с моим обожаемым преподавателем сына в тверской музыкалке. Даже тембр тот же. Такой тембр вырабатывается, вероятно, от долгого терпеливого общения, разговора с ребенком. Иногда и с его родителем – и последнее, конечно, дело более сложное. Я слушал, млел, и мне даже нравился модерн.

Такого деревянного интерьерного декора в том же Питере еще много. Но дело ведь не в этом. Дело в том, что Евгений Александрович Никандров – так зовут этого человека – настоящий художник, педагог и уроженец этого места. В 1960-х годах на дачу в Бор (это часть Любытина) приезжал известный и тогда полузапрещенный (потому что увлекался авангардом) ленинградский художник Владимир Волков. И, как можно понять, эти как бы случайные встречи с ним заронили в мальчике (будущем Евгении Александровиче) жажду творчества, жажду стать таким же мастером. Потом молодой человек уехал, жил в больших городах, стал художником-керамистом. И... вернулся в Любытино.

Чтобы в 1992 году вместе с коллегами, такими же сумасшедшими художниками, спасти эту усадьбу и – детей, которые учебой в этой школе не просто постигают музыку, живопись, керамику, а становятся людьми в ту полную меру, которая получается только в творческом труде.

«Но только теперь мои дети уезжают и не возвращаются», – заключил Евгений Александрович.

Они вернутся – в это уже я верю.

Вещи у него ребята делают классные. Как обычно, дети не понимают, как им нереально повезло в жизни. Они учатся в доме, который сам – произведение искусства. Их учат люди, которые вкус к высокому искусству в себе воспитали десятилетиями труда. И учат этому ребят.

Эх, мне бы такое в детстве...

И я вспомнил Кончанское.

Странно путешествовать без цели измениться, удивиться, вылезти из привычной скорлупы. Не остаться, одним словом, прежним

Кончанское-Суворово. Для части нашей группы экскурсию провела Галина Иосифовна Васильева (сейчас внештатный экскурсовод, а когда-то заведующая музеем-усадьбой). Это фантастическая женщина, и экскурсии у нее фантастические. От нее уходят «отмякшие», обнимаются и прощаются с ней, как с родным человеком.

У нее тот самый местный говор, который, наверное, был у здешних крестьян при Суворове. Она тоже местный человек, тоже могла бы уехать, могла бы, получив высшее образование.

Не уехала.

«Зачем же от нас уезжают? Говорят, мало им материального, надо им зарплату мешками. А мне маленько надо. И деревню мою деревянную, так я ее люблю...».

И это было сказано с такой глубочайшей силой и такой нежностью, что я понял, зачем я вообще во всю эту поездку поехал.

Только за этим катарсисом.

И в Кончанское тоже вернутся. Вернутся, пусть побитые жизнью, но умудренные, когда кое-что в ней поймут.

До меня дошло: человеку ведь нужен только человек. Не туризм, не большая страна и длинная дорога, не памятники, не природа. Вернее, все это тоже нужно, оно радует, как радуют красивые игрушки. Нужен человек. Такой, который может разбить твою скорлупу самодовольства, уверенности, наглости внутренней какой-то. За таким человеком человек готов ехать, даже если нет там никаких в округе достопримечательностей.

Вот и весь туризм. Как его назвать? Культурным? Думаю, да. Что ж и есть культура, как не люди, ее создающие.

НА БАЛТИКУ – ЗА КУЛЬТУРОЙ И СМЫСЛАМИ

Как в Калининградской области создают экосистему по вовлечению объектов культурного наследия в развитие историко-культурного туризма

Ольга Тесленко,
генеральный директор Ассоциации индустрии гостеприимства Калининградской области

Побережье и пляжный отдых – далеко не единственные точки притяжения для туристов в Калининградской области. Летний курортный сезон на Балтике, как известно, занимает незначительную часть года. Однако с точки зрения познавательного туризма наш регион в последние годы привлекает гостей круглый год. Ассоциация индустрии гостеприимства Калининградской области считает, что этот интерес может быть значительно расширен.

От энтузиастов к менеджерам

Калининградская область – настоящий магнит для тех, кому интересны история и культура. Ключ к развитию этого интереса лежит в популяризации и вовлечении в экономический оборот объектов культурного наследия региона. Этот процесс ассоциация видит в строительстве целой экосистемы, которая позволит создать вокруг объектов культурного наследия внесезонные активности и смыслы. Мероприятия и наполненность ОКН новыми функциями будут не только привлекать туристов, но вызовут заинтересованность в первую очередь у местных жителей – будут созданы дополнительные рабочие места, появятся новые площадки для самовыражения и кооперации местных бизнесов.

В нашей области много энтузиастов, но недостаточно грамотных менеджеров. Немногие могут монетизировать свои идеи, довести их до полноценного производства туристического продукта, наладить сбыт и обеспечить постоянный поток туристов.

Наша задача – научить людей управлять объектами, обеспечить трудовыми талантами и широко информировать общественность об их проектах.

Нам не хватает кадров, которые видят эту экосистему в разрезе ОКН и их маркетингового продвижения с целью привлечения туристов. К сожалению, часто встречаются владельцы, которые не понимают, как на своем объекте можно зарабатывать и как его развивать. Или не хватает множества ресурсов.

Инфраструктура вокруг объектов

Ориентиром лично для меня служит Светлана Сивкова, директор музея-заповедника «Музей Мирового океана». Восхищает ее энергия и дружная команда музея, которой удалось создать на когда-то заброшенной, неухоженной набережной настоящий оазис, прекрасное музейное пространство. Для каждого, кто

Музейная «Планета Океан» в Калининграде – новая доминанта городского ландшафта

приезжает в Калининградскую область, посещение Музея Мирового океана становится обязательным пунктом программы. Сердцем музея со дня его основания остается легендарное судно «Витязь», на борту которого, кстати, созданы и гостевые каюты, где можно остановиться на несколько дней, – это очень интересные объекты гостеприимства. Сегодня музейная набережная притягивает гостей и становится «градообразующим предприятием»: вокруг вырос целый квартал гостиниц, магазинов, кафе и ресторанчиков. Будущее музея и новая городская доминанта – это, конечно, корпус «Планета Океан». Она становится естественным ориентиром в городском ландшафте.

Каждый из таких объектов создает новые рабочие места. К нему выстраиваются новые туристические маршруты, а вместе с ними возникают производство и продажа сувениров, книг, одежды и многое другое. Таким образом, в процесс вовлекается до 32 смежных отраслей, которые будут усиливать каждый туристический объект.

Образование и единый кластер гостеприимства

Но как достигать этих целей? Мы считаем, что это можно и нужно сделать при помощи образования. Предлагаем совместными усилиями смежных министерств открыть в Калининградской области реставрационную школу международного уровня, тем более что для этого есть все условия. Мы мечтаем о создании факультетов, где будут обучаться керамисты, витражники, мебельщики и обработчики металла. Также важны отделения по каменной и кирпичной кладке, гипсу, стеклу, скульптуре, витражной технике, созданию фресок и гобеленов.

В Калининградской области многие архитектурные элементы ОКН утрачены, в то время как местные кирпичные заводы могут изготавливать эти элементы – нужны лишь технические чертежи, эскизы и заказы.

Мы полагаем, что учиться на этих факультетах будут уже по большей части сформировавшиеся, зрелые люди. В реставрационной школе планируем сделать ставку на краткосрочное обучение – полугодовое, годовое или полуторагодовое. Такие занятия позволят людям осознанно прийти в профессию. Достигнув некоего стабильного дохода, человек в 35+ лет решает, что хочет стать мастером своего дела и реализовать свою потребность в ремесле.

Пример – замок Инстербург, в котором открыли производство дверей по старинным лекалам и успешно на этом зарабатывают. Мелкие ремесленные и реставрационные мастерские должны быть объединены в единый кластер. А Фонд капитального ремонта и частные заказчики смогут постоянно обеспечивать их заказами. В регионе уже 18 объектов вошли в региональную программу вовлечения ОКН в экономический оборот – на сумму финансирования свыше 3,5 млрд рублей до 2035 года.

Слои времен, культур, эпох

С точки зрения историко-познавательного туризма, самое сильное конкурентное преимущество Калининградской области – это более чем 800-летняя

Кирха св. Барбары в пос. Храброво. Проект реставрации. Эскиз

история нашего края, наследие различных культур и эпох. Множество музеев в городе отвечают за это: например, Калининградский музей изобразительных искусств и Калининградский историко-художественный музей, которые размещены в исторических зданиях. Музей изобразительных искусств находится в архитектурном памятнике XIX века – бывшей Кенигсбергской торговой бирже. Здание располагается в точке схождения многих туристических маршрутов: рядом Калининградский морской рыбный порт, здание Янтарной мануфактуры, Кафедральный собор с могилой Иммануила Канта и легендарные мосты из задачи математика Эйлера... Множество легенд и загадок хранят наши территории и люди.

Наши земли связаны с личностями мирового масштаба: Петром I, Екатериной II, Александром I, королевой Луизой, Кантом, Брахертом, Гофманом, Бесселем, Коринтом. Все эти фамилии имеют отношение к Калининградской области – и вокруг них также вырастает своя туристическая история, свои маршруты, сувениры. Наша ассоциация проводит исторические исследования и социальные опросы, стратегические сессии с целью формирования новых туристических продуктов и услуг.

Эта неразрывная связь времен и судеб и предлагается нашему гостеприимному сообществу как большой туристический потенциал региона. Мы активно пишем заявки на гранты, например для туристического маршрута «Следуй за Петром». Петр I посетил на территории бывшей Восточной Пруссии 12 населенных пунктов и везде оставил исторический след – факты, встречи, документы, свидетельства.

Мы были авторами идеи и разработки интерьерной концепции и реализовали в 2022 году проект «Музей Тильзитского мира» – тематический музей, посвященный важному событию эпохи наполеоновских войн – заключению Тильзитского мирного договора 1807 года на плоту посреди реки Неман. Сегодня этот музей ведет активную деятельность и является важной точкой притяжения в составе нескольких туристических маршрутов.

Другой пример удачного маршрута – «Готическое кольцо», разработанное волонтерским движением «Хранители руин». В этот маршрут входит более 20 кирх разной степени сохранности, три замка, шесть исторических городов и другие архитектурные достопримечательности. В него включены также туристические и природные локации, объекты промышленного наследия, музеи и кафе.

Или вот заметная фигура в истории наших земель – Герман Брахерт. Мы воспринимаем Брахерта

Тронный зал замка Рын (Польша) – модельный ориентир для реставраторов замка Нойхаузен

Замок Нойхаузен в Гурьевске. Проект реставрации. Эскиз. После восстановления замок станет многофункциональным центром для семейного отдыха

как талантливого скульптора, но не до конца понимаем, как много элементов в архитектуре основано на его творчестве. Ежегодно пленэр профессиональных скульпторов собирает в светлогорском Доме-музее Германа Брахерта десятки лучших скульпторов России. Их также можно заинтересовать деятельностью реставрационной школы. Именно для этого необходимо создать кластер, который станет частью туристической экосистемы.

Наша земля буквально дышит историей, которая жаждет быть узнанной и исследованной как туристами, так и местными жителями. К примеру, бывший Тильзит, ныне Советск, останется в веках благодаря Тильзитскому миру и... одноименному сорту сыра. Города Черняховск, Гусев и Мамоново носят имена героев Великой Отечественной войны и одновременно хранят более чем 800-летнюю историю Восточной Пруссии. Сердце Барклая де Толли захоронено недалеко от Инстербурга, ныне Черняховска. Сквозь века замки Рагнит, Шаакен, Бальга и Тапиау напоминают о героях-рыцарях и Великом посольстве Петра I.

Калининградская область – особый регион с точки зрения наличия уникальных даже для мировой истории мест с большим туристическим потенциалом. Благодаря ратному подвигу наших прадедов и дедов нам в наследство достались свыше 2 000 объектов культурного значения и благодатная земля, насыщенная уникальной флорой и фауной.

За культурой за 1 300 километров

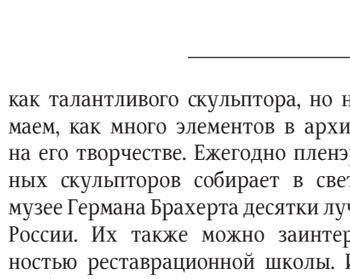
Действительно, наше наследие – это сотни объектов, имеющих культурную и историческую ценность: средневековые кирхи, орденские замки, фортификационные сооружения. Десятки лет эти объекты были заброшены, несмотря на красоту архитектуры, сохранность древних фресок. Сохранившиеся до наших дней здания стали невольными свидетелями великих событий.

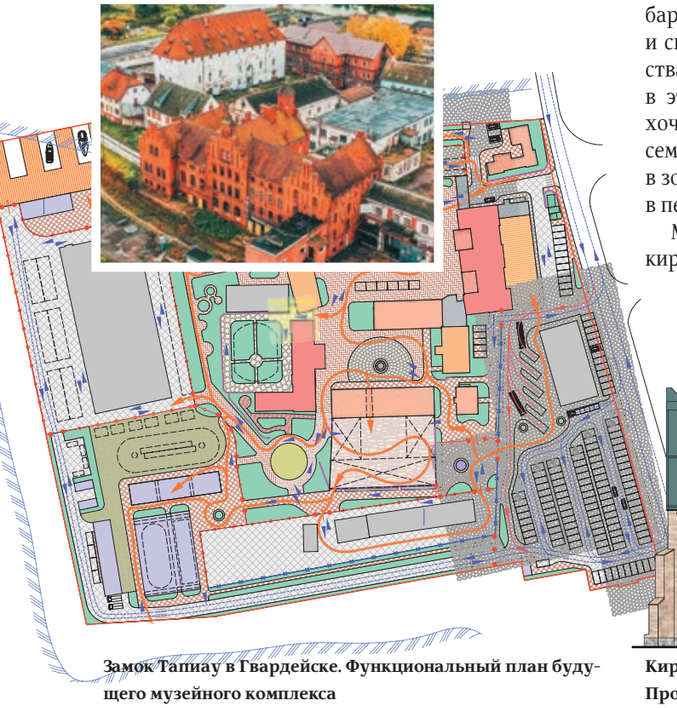
Некогда заброшенные здания сегодня приобрели хозяев – арендаторов или просто кураторов, которые, часто за свой счет, начали консервационные мероприятия и благоустройство прилегающих территорий.

Наша ассоциация не осталась в стороне от всеобщего созидательного процесса. Мы подали заявку и выиграли грант Президентского фонда культурных инициатив на создание совместно с арендатором Александром Чуевым в старинной кирхе святой Барбары в поселке Храброво культурно-патриотического пространства «Заступники Отечества». Кирха 1324–1325 гг. широко известна редкой фреской начала XIV века, на которой изображен апостол Павел.

Перебирая исторические очерки о чудесной Барбаре (Варваре), мы наткнулись на пронзительные и светлые слова: небесная заступница земного воинства. Тема заступничества особо близка россиянам в эти непростые дни. Мы думаем о Родине, нам хочется веры, света, мира. Мы должны помочь семьям наших военнослужащих, находящихся в зоне СВО, их детям и женам, матерям, которым в первую очередь тяжело от переживаний.

Мы долго думали над концепцией развития кирхи: мало создать инфраструктуру, как вдохнуть в эти утомленные временем и эпохами стены жизнь? В рамках проекта алтарное пространство будет подготовлено к установке четырех образных икон. Внутри алтаря будет установлен информационный столб с подсветкой, из которой складывается молитва «Отче Наш», транслируя текст для тех, кто не знает или не помнит молитву наизусть.





Замок Тапиау в Гвардейске. Функциональный план будущего музейного комплекса

Кирха св. Якоба в поселке Знаменск. Проект реставрации. Эскиз

Хочется особо отметить роль регионального Минэкономразвития в разработке уникальной программы вовлечения ОКН в экономический оборот: при поддержке Министерства культуры и туризма объявили о кредитном финансировании восстановления ОКН сроком на 15 лет под 0 %. Активна деятельность Корпорации развития Калининградской области в сфере поиска инвесторов для таких сложных объектов, как, например, замок Тапиау, бывшая колония для заключенных.

Самое сильное конкурентное преимущество Калининградской области в сфере туризма – более чем 800-летняя история края, наследие различных культур и эпох

Калининградская область уже имеет уникальный опыт: местный департамент экономики выдает предпринимателям ссуды на покупку и реставрацию замков и крепостей с обещанием списать половину долга. Программа работает уже три года: многие замки и усадьбы обрели таким образом хозяев и стали точками притяжения для туристов.

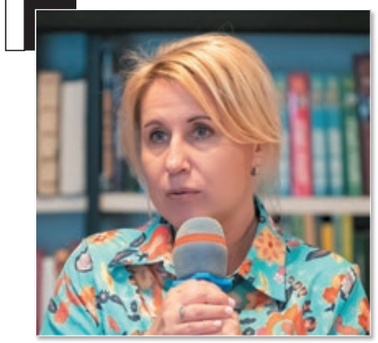
Ассоциация индустрии гостеприимства также вовлечена в эти процессы как разработчик концепций стратегического развития, дизайна решений и финансовых моделей. При помощи областного центра «Мой бизнес» проходят стратегические сессии и образовательные модули, проводим форум West HoReCa Forum, активно формируя новые смыслы и продукты гостеприимства.

Идея нашей реставрационной школы – связать в единую экосистему музеи, ОКН и ремесленные мастерские, охватить различные временные эпохи и слои. Надеемся, таким образом получится создать множество рабочих мест, активировать смежные отрасли деятельности, которые предоставят значительному количеству людей возможность зарабатывать и помогут владельцам ОКН выйти на самообеспечение и планируемый доход.

Здание Крайсхауза в поселке Железнодорожный после реставрации станет курортным санаторием

Луизенберг (ныне в черте Черняховска). Комплекс зданий семинарии «Каралене». Вид в наши дни и до 1945 г. (вверху)

ОХОТА ЗА ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ



Юлия Куварзина,
историк, эксперт Делового клуба
«Наследие и экономика»

Почему-то считается, что понятие «культурный туризм» возникло совсем недавно. По мне, так культурным туризмом я занималась еще с родителями в детстве. Тогда мы садились на наш автомобиль «Москвич» или на поезд и ехали смотреть какой-нибудь городок или музей-усадьбу в Подмосковье или дальше по России: Бежецк, Красный Холм в Тверской области, Волгоград, Судак и дворцы Крыма, Санкт-Петербург и много других мест... Мой папа – большой собиратель домашней библиотеки, поэтому у нас был целый отдельный шкаф различных путеводителей. Вспомните, таких путешественников называли «дикарями». Были еще туристы с палатками и гитарами, и автобусные по «Золотому кольцу» или теплоходные экскурсии, и те, кто отдыхал в санаториях и пансионатах. Почему все это вспомнилось? Предлагаю обратиться к «культурному коду», который заложен внутри нас – как у туриста-путешественника, так и у принимающей стороны – гостеприимных хозяев.

Несомненно, отправляясь в путешествие, стоит задаться вопросом: «Зачем?» Отличный ответ есть в «Попутной» песне Леонида Утесова:

Интуристы, вперед,
Погрузив теплоход,
Путь в Москву держим без промедления.
Кто привозит нейлон,
Кто привозит капрон,
А мы с вами везем впечатления.

Основная цель, зачем мы отправляемся в путешествие в качестве «культурного туриста», – за впечатлениями. Туристы ищут впечатлений, которые они не могут найти у себя дома или на работе. Турист в основном занят «рассматриванием знаковых объектов», поиском достопримечательностей, таких как храм, пейзаж или Кремль. С этой точки зрения, даже танец шамана или редкой красоты наличник может быть знаковым объектом.

«Так при чем здесь “культурный код”?» – спросите вы. В каждом из нас заложен свой уникальный «культурный код», сформированный на основе воспитания, местности и традиций, окружавших нас. Соответственно, так же работает и гостеприимство там, куда вы отправляетесь. Чтобы ощутить «культурный код» места, стоит пробыть там больше суток, от двух дней и более. Последний пример из моих путешествий – посещение Углича.

Какой «код» обнаружился в Угличе? Ожидание «теплоходного туриста». В нескольких местах мы слышали вопрос: «Вы с теплохода?» – «Нет». «С автобуса?» – «Нет». Далее было недоумение: как мы вообще сюда попали? Хотя поездка на автомобиле от Москвы до Углича займет около четырех часов. В чем выражалась особенность гостеприимства? Нас не сразу «замечали» продавцы в магазине или в кассе музея. Эксперимент, который мы решили провести: заходишь в магазин, начинаешь всюду ходить и общаться – таким образом создается шум «толпы с теплохода». Тут же получаешь радушное и внимательное гостеприимство. Привычка большинства жителей Углича сформировалась со времен СССР – внимание в первую очередь к «теплоходному туристу». Конечно, в городе работают над исправлением такой позиции, но исключать полностью существующий «код» нет смысла. Просто учитывайте это при посещении города. В другом городе окажется иной «код».

А теперь о впечатлениях, которые я искала в Угличе. Обычно в день турист может посетить в среднем пять мест. К примеру, музей, кафе, прогулка, сувенирная лавка, храм. Как уже отмечалось ранее, мой «культурный код» – путешествие «дикарем». То есть мы сами формируем свою программу и ожидания от города. Прежде всего мне впервые хотелось попробовать комплексные СПА-процедуры, наконец-то попасть в Музей гидроэнергетики, снова заглянуть в исторический Кремль, прогуляться по Волге и почувствовать энергетику воды и неба, попробовать угличский сыр и где-то вкусно перекусить. Очень хотелось добраться до села Учма и почаевничать с Еленой Наумовой (бывшим банковским топ-менеджером, переехавшей из Москвы, чтобы заведовать здесь музеем, созданным вместе с мужем), рассуждая о судьбе русской деревни. Все это как-то крутилось в голове. Но главное – хотелось получить позитивные впечатления.

Почему-то считается, что понятие «культурный туризм» возникло совсем недавно. По мне, так культурным туризмом я занималась еще с родителями в детстве

Чем путешествие и поведение «культурного туриста» отличаются от массового или «рекреационного»? Вы сами регулируете свои маршрут и программу и управляете своими впечатлениями. Например, чувствуете в голове небольшой «перегруз» информацией после музея – можно пойти и просто прогуляться вдоль реки. Вы сами выбираете кафе, меню, вкус, который хотите почувствовать именно сейчас. В одном месте любование, в другом – тактильное или аудиовосприятие (как песнопение в храме), еще где-то наполняют вас энергией ароматы осени или запах ладана. А главное – это наслаждение уютом исторического города, который складывается из совершенно, казалось бы, незначительных вещей. Здесь мило побеседовал со смотрителем в музее, там зашел в храм, где-нибудь смог просто тихо посидеть, симпатичный купеческий дом чем-то привлек внимание. В музее получил новые открытия по устройству ГЭС и потом по-другому посмотрел на воду, которая бежит из турбины.

Зачем мы отправляемся в путешествие? За впечатлениями, которые получаем через разные органы чувств, через общение с людьми и пространством, за знаниями и осмыслением, за ответами на свои внутренние вопросы. Так, в беседах с Еленой Наумовой каждый посетитель для себя открывает свою «русскую деревню», а кто-то и отрицает. А кто-то просто не поедет в этот музей. Культура туризма складывается из диалога вашего «кода» и «кода» гостеприимства того места, куда вы приехали. Иногда они могут не совпадать с вашими ожиданиями. Формируйте свои ожидания – и принимайте уникальность людей и места, в котором вы оказались.

ДЕМИДОВСКИМ КУРСОМ

Национальный туристический маршрут: испытано на себе

Олег Фочкин,
фото автора

Снег и гололед были первыми, кто встретил нас в аэропорту Екатеринбурга. Погода сразу настраивала на то, что «Демидовский маршрут» за триста с лишним лет не сильно изменился. Статус обещал комфортабельные условия, что, забегая вперед, соответствовало действительности – в тех местах, где это не касалось ответственности городских дорожных и прочих служб. А там даже коньки не очень бы помогли. Так что лучше приезжать, когда тепло. Проверено: скорость перемещения увеличивается минимум вдвое. И статистику травматизма на дорогах заодно снизите.

Несколько лет назад, еще в бытность Ростуризма, было разработано несколько федеральных туристических маршрутов, где, помимо культурной программы, акцент делался на проживание в гостиницах не ниже четырех звезд и проведение экскурсий квалифицированными специалистами на уровне директоров или заместителей директоров музеев. Оба последних пункта были выполнены с лихвой.

Для начала надо прояснить, что такое национальный маршрут.

Это понятие сменило прежнее – брендовый маршрут. Но суть не поменялась. Идея осталась прежней: продвигать культурно-познавательное наследие конкретного региона за счет его отличительных характеристик. И, конечно, важно, чтобы маршрут был регулярный, круглогодичный, узнаваемый, актуальный, значимый и соответствующий стандартам оказания услуг.

При этом национальные туристические маршруты могут иметь тематическую направленность (культурно-познавательную, сельскую, экологическую, гастрономическую, промышленную, научную и пр.). Организация маршрута должна быть такой, чтобы турист мог сам определить продолжительность участия в туре, присоединиться к нему на любом этапе.

Идея перспективна: выстроить системную работу туристической отрасли в регионе, улучшить взаимодействие региональной власти и бизнеса, достичь синергии местных туроператоров и объектов показа, гарантировать туристу заезд в течение всего года. Кроме того, маршруты могут служить и организованным туристам, и самостоятельным путникам.

«Демидовский маршрут» официально именуется «Путешествием по истории горнозаводской и промышленной славы городов среднего Урала». Длина его – 329 километров. Путь лежит через Екатеринбург,

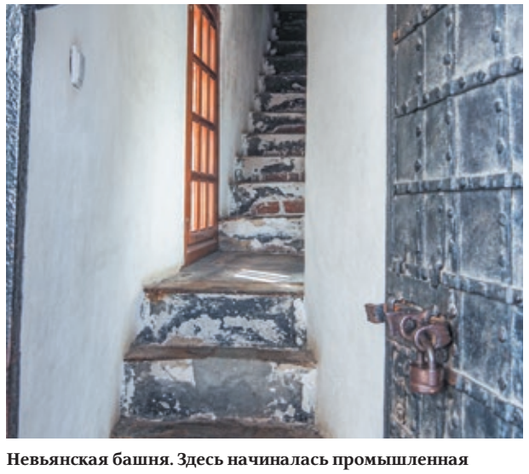
Центр Екатеринбурга. Городской пруд. От его плотины начинались завод и город.
На странице слева: заглянуть в домну – туристический аттракцион Нижнего Тагила

Невьянск, Нижний Тагил и деревню Верхние Таволги. Рассчитан тур на три дня и две ночи. В пакет входит проживание в четырехзвездочных гостиницах, питание, экскурсии, мастер-классы, сувениры. Туристам показывают музеи, достопримечательности, связанные с династией Демидовых, и металлургический комбинат. Все это было оговорено заранее, включая размеры одежды, обуви, касок и прочих нюансов, без которых в Нижнем Тагиле делать нечего. И все оговоренное ждет туристов на месте.

А потом – взрыв мозга: льющийся металл в жерле современной домны, ощущение «космического корабля» в зале управления гигантским производством – нереальные впечатления и чувство причастности к чему-то действительно масштабному и очень важному...

Но – по порядку. Лучше заезжать на маршрут пораньше, чтобы самим погулять по Екатеринбургу, а потом закрепить пройденное автобусной экскурсией. Но только после плотного завтрака с панорамным видом на город. На экскурсии покажут городской пруд, завезут в Центр истории камнерезного дела, проведут мастер-класс по технике шлифовки и гравировки уральского камня. Потом – Музей архитектуры и дизайна, экспозиция «Архитектура Каменного пояса», история Монетного двора. Особенно впечатляют квадратные монеты весом в пять килограммов. И копию можно купить на память...

А затем – на автобусе по Свердловской области. Сначала туристам покажут пограничный монумент «Европа – Азия». А уж потом Невьянск – город, откуда началась демидовская промышленная империя. Знаменитая, не хуже Пизанской, наклонная Невьянская башня (угол наклона, кстати, больше). Построена по инициативе Акинфия Демидова, в разное время выполняла функции колокольни, сторожевого пункта, заводского архива, лаборатории и даже тюрьмы. Сегодня – символ Невьянска и памятник промышленной архитектуры.



Невьянская башня. Здесь начиналась промышленная империя Демидовых

Затем в Доме невьянской иконы нас ждет знакомство с необыкновенным культурологическим феноменом Уральского региона – Невьянской школой иконописи. Потом для туристов наступает настоящий этнографический и культурный разгул – выезд в село Быньги с осмотром прекрасной церкви Николая Чудотворца.

Церковь прекрасна, но потом начинается обычная туристическая программа, затмевающая все предшествующее: подворье «В гостях у бабушки», мастер-класс по лепке уральских пельменей. Настойки, игры, сытный ужин с редкой возможностью самостоятельно дойти до автобуса.

Ну а потом – Нижний Тагил во всей его прелести. Нас заранее записали на особое посещение металлургического комбината. Нижний Тагил – один из крупнейших и старейших горнозаводских центров России. Именно здесь были построены самые мощные и современные в мире второй четверти XVIII века четыре домны! Значение здешних заводов определялось прочным положением на европейском рынке тагильского металла с маркой «Старый соболь». Именно в Нижнем Тагиле механики Черепановы построили первый в России паровоз.

Сначала туристов ведут в музей АО «ЕВРАЗ Нижнетагильский металлургический комбинат». А потом – посещение действующего металлургического цеха (домна № 7, конвертерный цех / колесобандажный цех), осмотр исторической домны № 1.

Для не готовых к подобным реалиям предусмотрен историко-технический музей «Дом Черепановых». Там можно увидеть уникальные астрономические часы Е.Г. Кузнецова, серебряную вазу – подарок изобретателю паровых машин Е.А. Черепанову от заводчиков Демидовых, велосипед XIX века и многое другое. Тех, кто выжил, ждет «обед металлурга» в колонном зале Дворца культуры, памятнике архитектуры сталинского ампира 1950-х гг.

В общем, впечатлений море, и все выжили. Что еще требуется от туристического маршрута?

Есть и такой Екатеринбург – резной и деревянный

Стол Демидовых в Нижнем Тагиле, отлитый из первой найденной в России меди. 1715

Квадратура русской монеты. 1720-е годы

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ НЕИЗВЕСТНОЙ

Михаил Ильин,
руководитель просветительского проекта
«Неизвестная провинция»

Давайте поговорим о перспективах нишевых форматов культурно-исторического туризма, путешествиях к затерянным местам и локациям неизвестной истории.

Есть туризм тиражный и клубный. Тот, где нужны сертификации гидов, где нужно развивать методички и т. п., – все это я называю тиражным туризмом.

Если мы проведем опрос, куда и как хотят сегодня ехать любители исторического туризма, или просто спросим людей на улицах – скорее всего, назовут Байкал и Камчатку, если еще там не были. Но это больше природа, а культурно-историческое – «Золотое кольцо», Псков и Новгород, более продвинутые вспомнят Кижи. И это почти все.

Это наследие советского массового туризма, который никуда не делся и продолжает развиваться, пополняясь содержанием и дополненной реальностью, другими техническими инновациями, аудиогидами.

Сегодня мы можем использовать как дополненную реальность оцифрованную фотоколлекцию Прокудина-Горского. К тому же появилось много сайтов с историческими фотографиями. Наконец, появились дроны, которые совершили настоящую революцию в визуальном восприятии объектов. Я не могу представить, как теперь без дрона оценивать состояние кровли здания, требующего реставрации. Раньше приходилось для этого городить леса.

В нашей пропорции «культурного туризма» 85 процентов – это туристы, а 15 процентов – их попутчики. Это люди, которые едут ради компании или чтобы как-то занять свой уик-энд или отпуск.

Процитирую Козьму Пруткова: «Самый отдаленный пункт земного шара к чему-нибудь да близок, а самый близкий от чего-нибудь да отдален».

Перефразируя Пруткова, поскольку я возглавляю компанию «Неизвестная провинция», хочу отметить, что такого понятия на самом деле нет, потому что самый неизвестный объект кому-нибудь да известен, а самый известный кому-нибудь да незнаком.

Например, житель Санкт-Петербурга не так хорошо знает окрестности Москвы, и наоборот. Жители Нижнего Новгорода, наверное, неплохо знают свой регион, но соседнюю Кировскую область они знают уже хуже. И так далее.

Иногда меня спрашивают, с оттенком обиды: вот вы там разместили пост про Самару, ну какая же она неизвестная, ведь каждый с детства слышал про Самару-городок? А я отвечаю, что неизвестную провинцию легко и в Москве найти. И у нас даже были такие экскурсии – «Неизвестная провинция в Москве», потому что Москва в границах Земляного вала – это одно, а в границах 1960 года – это уже совсем другое, и до последнего времени это была самая настоящая провинция. Москва в современных границах – это нечто третье, где можно месяц ходить по неизвестным объектам.

Если говорить про эту ветвь туризма, она действительно сейчас приобретает клубный характер, а лет 15 назад это был удел одиночек, туристов с рюкзаком за плечами, с желтой книжечкой серии «Дороги к прекрасному» в кармане штормовки. Это был своего рода спорт: есть крестик на карте, до которого 15 километров по болоту, и туда надо дойти или доехать на велосипеде, если тропа позволяет, или доплыть на байдарке.

А в 2000-е годы у меня даже появился ругательный термин «бампером в алтарь». Это когда людям обязательно надо было на своем навороченном джипе доехать до какой-нибудь «заброшки» и сфотографировать машину непременно на фоне этой разрушенной церкви. Это было достаточно модно, но массового запроса не было. А мы во многом формировали интерес к руинированным зданиям, чтобы привлечь спонсоров к восстановлению, реставрации и консервации этих уникальных уходящих объектов.

В свое время я перечитал все федеральные программы по развитию внутреннего туризма, которые потом стали национальными проектами. Это многостраничные документы, содержание которых кратко можно пересказать одной фразой: ищите под фонарем. Если вбросить еще один миллиард рублей в Сочи или Алтай, где и так в Чемальском районе все давно истоптано, то легко эти деньги можно будет окупить. А если всего миллион вложить в поселок Лальск Кировской области, можно поднять его посещаемость не на десять, а на миллион процентов. Когда я туда приехал и общался с главой, там в год насчитывалось всего десять туристов. А потенциал – десять тысяч как минимум. Этот город – один из самых недооцененных с точки зрения туризма объектов. Там всего три тысячи жителей, но прекрасная архитектура и удивительная история, замечательный музей и его сотрудницы. Но все упирается в проблемы инфраструктуры: нет дорог, нет гостиниц, толком нет общепита, нет экскурсоводов, которые могли бы показывать территорию и городские памятники архитектуры, а не только музей.

И если говорить о монетизации, об имеющихся резервах отдачи от туризма, то понятно, что существуют сувениры: магниты, открытки, колокольчики

> ***Я перечитал все федеральные программы по развитию внутреннего туризма. Это многостраничные документы, содержание которых можно пересказать одной фразой: ищите под фонарем***

и т. д. Но если вы окажетесь в не освоенной туризмом местности, где люди никогда не видели большого туристического автобуса, то увидите, как у местных жителей вдруг начинают шевелиться извилины.

– А вы еще к нам приедете?

– А у вас в автобусе правда есть настоящие научные сотрудники, академики и искусствоведы?

– Наша церковка действительно настолько интересна и важна, что вы из самой Москвы ее смотреть приехали? А мы про нее потом почитаем и даже, может быть, музейчик организуем.

И музеи действительно в результате организуются. Но зарабатывать надо не на магнитиках. Должны строиться гостиницы и придорожные кафе с теплыми туалетами.

А если говорить про разрушающиеся памятники, то у туристов должны широко распахиваться не только глаза, но и кошельки. Должны потечь – и сливаться в потоки – струйки пожертвований, и не только в виде денег, но и, например, в формате пополнения людьми волонтерских проектов.

Такие позитивные истории, в том числе и из нашего опыта, далеко не единичны. Наши туристы, посмотрев на состояние объектов и познакомившись с реальными волонтерскими движениями, такими как «Общее дело» и другие, увидев их в деле, записываются в волонтерские экспедиции и затем проводят отпуска на добровольческих реставрационных работах.

ДВА БАУМАНА

Гений места: пространство Немецкой слободы как живой памятник славных событий истории России

Андрей Адельфинский,
кандидат экономических наук, доцент МГТУ имени Баумана

В августе 2023 года на Московском урбанистическом форуме состоялся творческий поединок человека и робота. Руководитель проекта нового кампуса МГТУ им. Баумана и главный архитектор Москвы Сергей Кузнецов соревновался в мастерстве с компьютерной программой. Защищая свой рукотворный эскиз против рендера нейросети, Кузнецов по сути апеллировал к идеям феноменологии архитектуры. Он подчеркнул, что главное в работе настоящего архитектора – наличие творческого замысла, рожденного в привязке к месту. Его эскиз стремился найти и отразить «гений места». Это выгодно отличало его от работы нейросети. Выполненный ею красочный рендер никак не учел особенностей места возведения проектируемого строения и был вторичен по части замысла.

Удивительно, что с новым кампусом МГТУ, спроектированным вроде бы людьми, все оказалось иначе. Ущерб историческому наследию Немецкой слободы в связи с его строительством вызвал протесты общественности. Обсуждение достигло уровня Совета по правам человека при Президенте России, что привело к изменению проекта (в части возвращения т. н. палат Анны Монс в городское пространство). Цель этой статьи – показать угодное «гению места» направление дальнейшей реконструкции слободы, акцентируя связь пространства двух Бауманских улиц с историей России.

Имя Николая Баумана хорошо известно старожилам Москвы, обитателям Басманных улиц, Немецкой слободы и Лефортова. Кто он? Казалось бы, странный вопрос.

В истории Москвы – особенно в части «гениев места» – случайного мало

Ответ ведь известен каждому школьнику: большевик, член РСДРП, погибший в Москве во время революции 1905 года. Его убийство на углу Немецкой (теперь Бауманской) улицы и Бригадирского переулка дало основание в советский период присвоить его имя целому ряду местных объектов и учреждений. В их числе – ведущий технический университет России, в просторечии называемый Бауманкой.

Казалось бы, это имя для старинной московской улицы (равно как для станции метро, МГТУ и всего

«Палаты Анны Монс» в Старокирочном переулке – единственный сохранившийся частный дом Немецкой слободы петровских времен – наконец реставрируются. На странице слева: проектный эскиз

окрестного района) случайно: революционер мог погибнуть в другом месте. Однако в истории Москвы (особенно в части «гениев места») случайного мало.

Историкам известен другой Николай Бауман – инженер и военачальник XVII века, один из первых русских генералов, меценат просвещения и своего рода революционер Ново-Иноземской слободы. То есть именно того места, где сейчас находятся кампус МГТУ имени Баумана, две Бауманские улицы и одноименная станция метро.

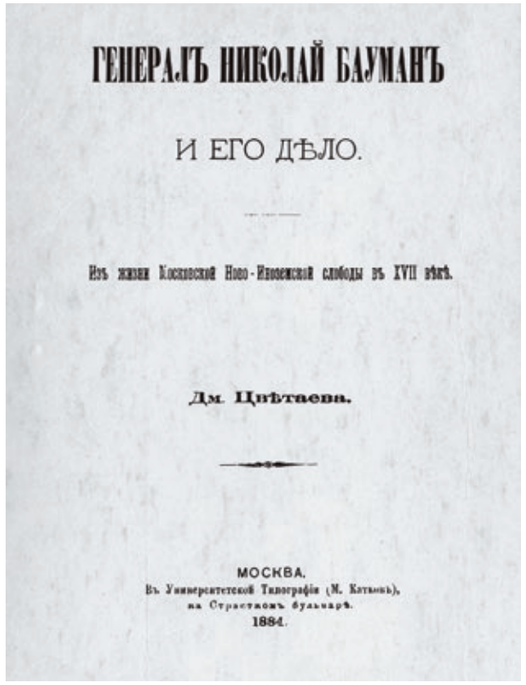
В XVII веке московская Ново-Иноземская слобода, именуемая также Немецкой, стала колыбелью технологической модернизации России, ее первым наукоградом. Активная «европеизация» русского войска началась в эпоху Алексея Михайловича, увенчавшись реформами Петра I. Стремясь построить более эффективную армию и военную промышленность, Россия активно приглашает на службу полезных этому замыслу иностранцев. В 1652 году слобода учреждается как место компактного проживания офицеров формируемых полков «иноземного строя», а также деятелей промышленности, иностранных мастеров и прочих иноземцев. Выбор места в междуречье Яузы и Чечеры, очевидно, связан с расположением «государевых мельниц» – новых мануфактур для нужд обороны. В 1648 году на Яузе запущена «ствольная мельница» Тилемана Акема – завод по производству мушкетов, в 1653 году – «пороховая мельница» Дэвида Бахерахта. Каскад искусственных водохранилищ служил им источником энергии.

Инженер, офицер и житель Немецкой слободы Николай Бауман сыграл заметную роль в техническом перевооружении русской армии и ее кампаниях 1650–1660-х годов. Военные историки считают его «забытым гением» русской артиллерии и «самым выдающимся иностранным офицером и русским генералом» времен Алексея Михайловича. В 1657 году Бауман приглашен в Россию как «полковник, инженер и гранатных дел мастер» вместе с группой квалифицированных офицеров. Он участвовал в русско-польских войнах за Украину. В 1659 году его производят в генерал-поручики – за успешные бои с коалицией гетмана Выговского и крымского хана Мехмед Гирея. В Немецкой слободе о нем сложили стих как о герое Конотопской битвы. В 1668 году он становится полным генералом, удостоившись высшего звания в новой русской армии.

Впрочем, историк XIX века Дмитрий Цветаев посвятил книгу не инженерной и военной карьере Баумана, а изучению дела о его гражданском активизме в Ново-Иноземской слободе. В числе ее жителей были как «новые немцы», прибывавшие во второй половине XVII века, так и «старые», жившие в Москве со времен Ливонской войны, уже далекие от европейской цивилизации и даже частично неграмотные.

Дело генерала Баумана, по сути, являлось конфликтом субкультур высокого и низкого образования внутри Немецкой слободы. Это был спор о деятельности церкви и школы, а также об их земельном участке. «Новый немец» Бауман возвращает лютеранской офицерской общине незаконно захваченный участок, оплачивает 75 % стоимости постройки нового здания церкви Петра и Павла, организует среди немецких князей Европы сбор пожертвований для ее церковно-приходской школы. Однако счастливая карьера Баумана, его поддержка учителя Иоганна Грегори как прогрессивного пастора и успех их «фандрайзинга» в Европе оборачивается завистью и претензиями со стороны «старых немцев». Те пытаются оклеветать Баумана и Грегори перед русскими властями. Следствие оправдывает генерала и пастора, но Бауман остается недругом «старых немцев». Добившись почетной отставки, в 1671 году он возвращается в Европу. Позднее генерал передумывает, дважды пытаясь вернуться на русскую службу. Но в 1673 году страсти еще не утихли, а в 1679 году, при новом царе Федоре Алексеевиче, он выглядит креатурой боярина Артамона Матвеева, который сам попал в опалу.

Территория Немецкой слободы в наши дни превратилась в стройплощадку. Причем проекты, воплощаемые в жизнь по соседству с памятниками архитектуры, далеки от исторических образов



ГЕНЕРАЛЪ НИКОЛАЙ БАУМАНЪ

И ЕГО ДѢЛО.

Изъ жизни Московской Ново-Иноземской слободы въ XVII вѣкѣ.

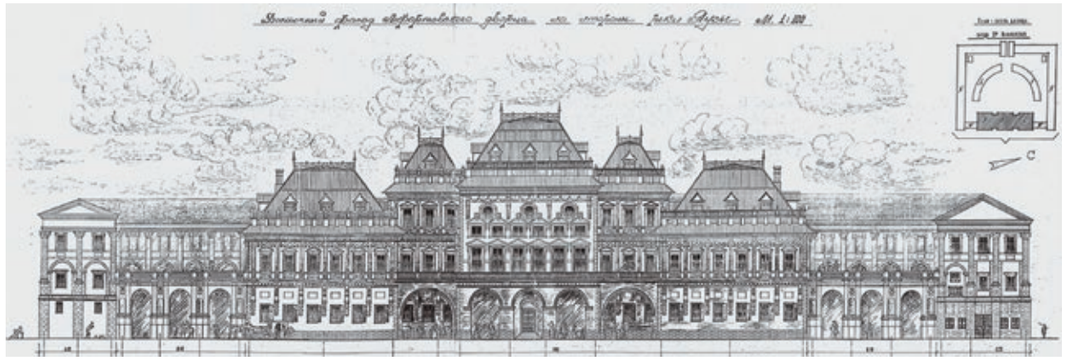
Дм. Цвѣтаевъ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1884.

Книга историка Д.В. Цветаева о «забытом гении русской артиллерии» XVII века

Школа «бауманской партии» оказывается наиболее передовой в слободе: учит всех без различия по вероисповеданию, включая православных и мусульман, а в 1672 году организует первый в России театр. (О театре в Преображенском и роли пастора Грегори в его создании см. материал в «ОГ» № 2, 2022. – **Ред.**) Эти постановки вызывают симпатии царя и утверждают его покровительство над общиной. Патроном общины после отъезда Баумана становится приглашенный в Россию по его ходатайству лейб-медик Лаврентий Блюментрост-старший, а позднее – Франц Лефорт. Люди «бауманской партии» поднимаются уже при Петре I: патент на первую частную аптеку получает Иоганн Грегори-младший, Лаврентий Блюментрост-младший становится первым президентом Российской Академии Наук; роль Лефорта как друга и ближайшего сподвижника царя хорошо известна. По сути, именно Бауман и Грегори создали круг общения молодого Петра. Именно Немецкая слобода стала тем самым «окном в Европу», увиденным будущим императором на Яузе и воплощенным в реальность его реформами на Неве.

Петровская эпоха преображает облик Немецкой слободы. В XVIII веке в долине Яузы вырастает дворцово-парковый ансамбль, куда перемещается из Кремля царская резиденция. В честь взятия Азова русской армией в 1696 году Петр строит роскошный дворец, именовавшийся Лефортовским, Меншиковским, Старым слободским или Петровским дворцом на Яузе. Его западный фасад обращен к лютеранской церкви Петра и Павла «бауманской партии», а восточный речной – к Солдатской слободе Лефорта



Лефортовский дворец на Яузе. Реконструкция облика восточного фасада

и православной церкви 1-го Московского полка, также освященной в честь Петра и Павла. Перед речным фасадом мостится первая в России набережная и разбивается первый регулярный парк, известный как Лефортовский или «Версаль на Яузе». Частью парка становятся пруды по обеим сторонам Яузы, бывшие источники энергии «государевых мельниц». Оборонные заказы к тому времени обслуживают Тульские, Олонецкие и Уральские заводы. Рядом с Лефортовским дворцом в XVIII веке возникают усадьбы вельмож: Головинский и Слободской дворцы, впоследствии также ставшие императорскими. В слободе строится еще ряд дворцов и домов российской аристократии. Бывшие усадьбы Баумана и генерала Патрика Гордона становятся усадьбой Бутурлина, директора Эрмитажа и собирателя крупнейшей в России библиотеки. Напротив, в доме Скворцова в Госпитальном переулке, рождается солнце русской поэзии Александр Пушкин.

В XIX веке пространство Ново-Иноземской и Солдатской слобод обретает новое назначение. После пожара 1812 года резиденция императора возвращается в Кремль, а царские дворцы и ряд частных передаются образовательным учреждениям. Головинский дворец занимает Московский 1-й кадетский корпус. Усадьба Демидовых жертвуется Дому трудолюбия, ставшему Елизаветинским училищем. Слободской дворец достается Ремесленному учебному заведению Московского Воспитательного дома, ставшему Императорским техническим училищем, будущим МВТУ–МГТУ. Во второй половине XIX века местности возвращается ее исходная роль наукограда – высшее училище становится одним из флагманов технического образования и науки. И в 1930 году оно нарекается именем Николая Баумана. Окрестности «Версаля на Яузе» также обрастают рядом наукоемких предприятий авиационной и аэрокосмической промышленности.

Вернемся к ключевому вопросу феноменологии архитектуры – как угодить «гению места» в случае кампуса МГТУ им. Н.Э. Баумана? Полагаем, история места очевидна – это наукоград времен Алексея Михайловича, ставший «Версалем на Яузе» при Петре, затем вновь обратившийся в наукоград. Проблема в том, что памятники архитектуры XVII, XVIII и XIX веков не образуют сегодня единого ансамбля, некоторые вообще исключены из городской среды. В целом пространство не создает исторической атмосферы, не напоминает о великих реформах Петра и эпохах технологической модернизации России. Однако это можно исправить. Необходимо открыть доступ к памятникам архитектуры и связать их единым культурно-пешеходным и парковым пространством. Так сама городская среда поведает горожанам и туристам о великих событиях прошлого.

Главные объекты возможного туристического маршрута по Немецкой слободе. Схема автора статьи

Визуальный рассказ архитектуры и городской среды об истории России может сопроводить ежедневные маршруты бауманцев. Переход от старой Руси к новой модернизированной способны выразить петровские «окна в Европу». Это могут быть арки в зданиях, проход через которые выразит смену эпох и стилей. Арка в строении на Старокирочном переулке поведет к палатам XVII века, т. н. дому Анны Монс. Сказочные узоры в русском стиле преобразят пятиэтажные дома на углу Старокирочного, создав атмосферу XVII века. Далее, через памятный знак у места «баумановской» церкви, маршрут поведет в XVIII век – к Лефортовскому и Слободскому дворцам. Как самый короткий, этот путь вскоре станет привычным маршрутом бауманцев от метро «Бауманская» к главным корпусам МГТУ.

Возрождение парка перед Лефортовским дворцом возвратит его жителям Москвы. Для кампуса МГТУ это создаст зеленую ось север – юг и сократит время перемещений между корпусами. Пешеходный мост напротив дворца воссоединит разделенный «Версаль на Яузе» и подчеркнет ось запад – восток от места «баумановской» церкви Петра и Павла к православному храму Петра и Павла в Солдатской слободе. Также эта ось станет коротким маршрутом к метро «Лефортово». Центральная площадь нового кампуса избежит сравнений с Sony-центром, если ее перекрытие обопрется на проект выдающегося выпускника Владимира Шухова. И главное – объектом сноса должны быть не исторические дома, а безликие стилобаты и типовые панельно-каркасные здания 1960–1970-х годов. Например, место рождения Александра Пушкина явно не красит занимающее его ныне строение.

Восстановление общественной памяти о знаковых событиях и деятелях русской истории требует комплексного подхода. Во-первых, это разработка программы сохранения и восстановления исторической атмосферы первого наукограда России; реставрация и воссоздание исторического облика объектов

Немецкая слобода – это наукоград времен Алексея Михайловича, ставший «Версалем на Яузе» при Петре, затем вновь обратившийся в наукоград

наследия; проектирование пешеходного пространства и возвращение целостности ансамблю «Версаля на Яузе» (Лефортовский парк, палаты XVII века, Лефортовский, Екатерининский, Бутурлинский, Слободской, Сенатский и другие дворцы).

Во-вторых, это научные исследования деятельности первого наукограда, российских инженеров, изобретателей и новаторов первого кластера высоких технологий и оборонных производств, на месте которого историческую традицию продолжают МГТУ и другие ведущие технические вузы и предприятия оборонно-промышленного комплекса.

В-третьих, это разработка образовательно-патриотической программы «Первый наукоград» на базе исследований, с ее внедрением в московских школах и вузах, прежде всего для Басманного, Лефортовского и Преображенского районов, а также в городских музейных и экскурсионных программах.

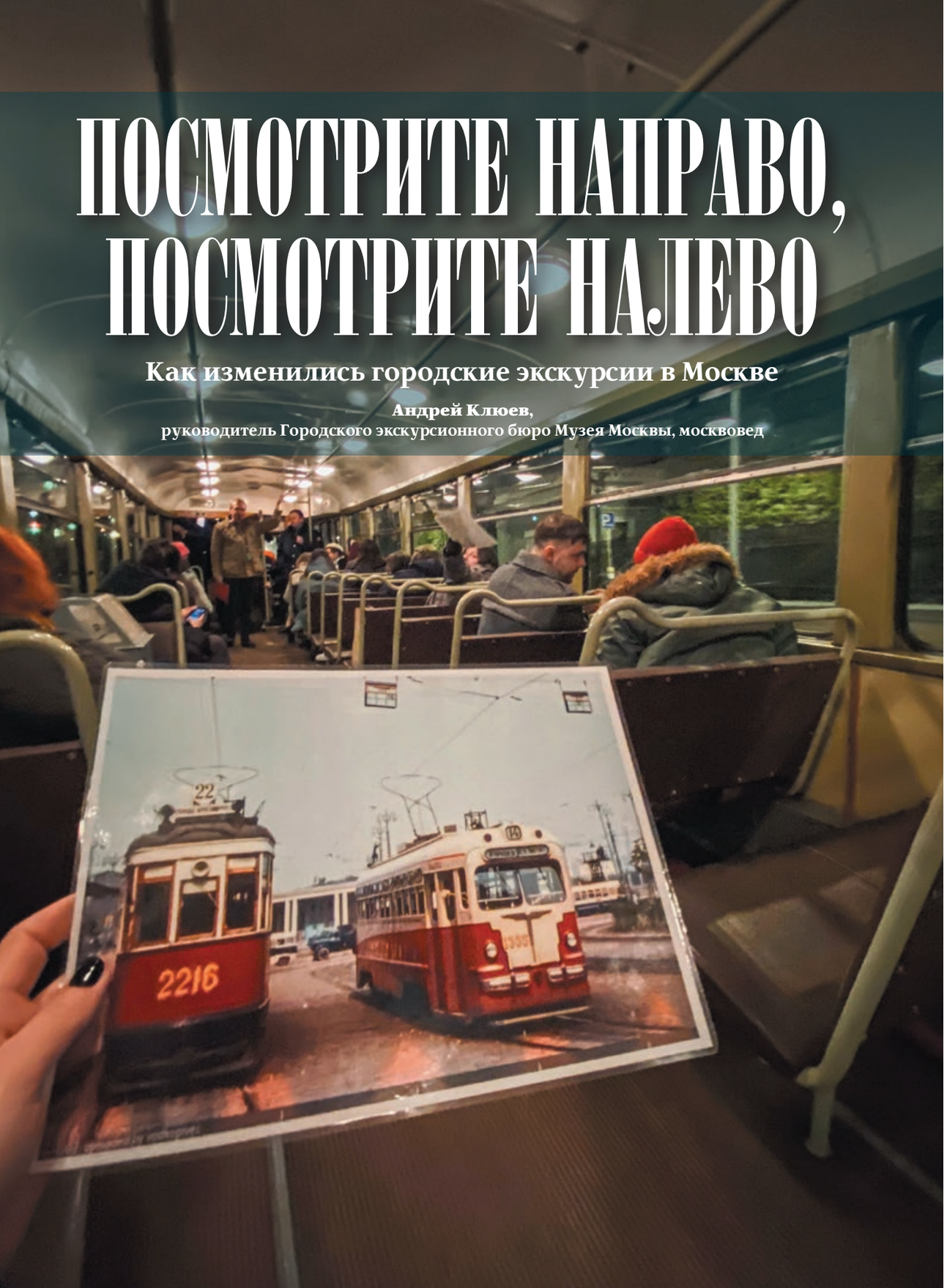
В-четвертых, это напоминание об истории места через установку памятных знаков и скульптур на привычных маршрутах горожан. Место рождения Пушкина наконец-то должно удостоиться особого знака и внимания. Так маршрут от метро «Бауманская» к северным корпусам и Дому культуры МГТУ станет пушкинской тропой. На этой тропе может встать Иоганн Грегори, представляющий царю первый русский театр. Наконец, угол Бауманской улицы и Старокирочного переулка может украсить инженер Николай Бауман, демонстрирующий Алексею Михайловичу новые передовые орудия для его полевой артиллерии. Полагаем, описанный выше замысел будет угоден «гению места». Напоминание о первом наукограде России и славных событиях петровской эпохи поможет формированию идентичности будущих конструкторов и инженеров.

В окрестностях Лефортовой слободы в Москве 11 октября 1812 года. Рисунок Х. Фабера дю Фора

ПОСМОТРИТЕ НАПРАВО, ПОСМОТРИТЕ НАЛЕВО

Как изменились городские экскурсии в Москве

Андрей Клюев,
руководитель Городского экскурсионного бюро Музея Москвы, москвовед



За последние 10–15 лет стиль городских экскурсий в России достаточно сильно изменился. Особенно это касается крупнейших городов страны – Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода. Новые веяния постепенно распространяются за пределы мегаполисов. Сегодня очень интересные подходы к проведению экскурсий можно встретить в не самых крупных областных центрах, старинных промышленных городках и даже отдельных дворянских усадьбах.

Что же изменилось в мире городских экскурсий? Постараемся разобраться, используя Москву в качестве примера. Сразу оговорюсь, что написанное ниже – не только результат теоретических рассуждений. Автор этих строк имеет довольно богатый опыт работы в различных экскурсионных бюро и в роли частного гида.

Время технологий

Важнейшей задачей экскурсии середины XX века было предоставить туристам в насколько возможно увлекательной форме информацию об объектах показа, краткую историческую справку о биографиях деятелей прошлого. Какая точная высота Останкинской телебашни? Кто был первым удельным московским князем? В каком году состоялось венчание Пушкина и Гончаровой в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот? Наследие этой эпохи заметно до сих пор – когда прилежные туристы старшего поколения кратко конспектируют рассказ гида в блокнот.

Нельзя сказать, что экскурсионный рассказ был единственным источником знаний о высотах, датах и названиях. Справочники и энциклопедии были доступны всем желающим. Но лишь немногие экскурсанты были готовы потратить время на изучение дополнительных материалов. К тому же практика показала, что конкретные фамилии, названия и даты очень легко пропадают из памяти после последних слов экскурсовода, а большое их количество в рассказе гида утомляет, иногда даже путает экскурсанта. Но тем не менее информационная составляющая экскурсии была на почетном первом месте.

Сегодня в кармане почти каждого экскурсанта от 5 до 65 лет лежит смартфон, позволяющий за считанные секунды узнать годы постройки здания и фамилию архитектора. В открытом и бесплатном доступе есть разнообразные сервисы, рассказывающие про московские парки, доходные дома и храмы. Телевидение и видеосервисы в Интернете заполняют циклы передач об историческом и культурном наследии столицы. Информации стало на порядок больше, доступ к ней не требует времени, денег и усилий.

В этих новых условиях может показаться, что судьба экскурсий предрешена. Но это не так. Просто меняется дискурс. И главной ценностью экскурсии

Главной ценностью современной экскурсии становятся не знания, а впечатления и эмоции

становятся не знания, а впечатления и эмоции. Люди хотят на пару часов погрузиться в атмосферу купеческого Замоскворечья или поразиться смелости архитекторов эпохи авангарда. Экскурсия может стать своеобразным городским расследованием или приятным отдыхом на свежем воздухе летним вечером. Для экскурсионного маршрута все важнее драматургическая составляющая, с увлекательной завязкой и поразительной кульминацией. К тому же, в противовес технократическому миру, все важнее харизма и знания конкретного экскурсовода. Очень часто можно услышать фразу экскурсантов: «Мы гуляем только с N. Другие нам не нравятся».

Но не стоит думать, что технологии – это враг краеведа и гида. Повсеместное распространение получили громкоговорители для рассказа на шумных улицах. А в последние годы все чаще гиды предпочитают систему аудиогидов: передатчик с микрофоном и индивидуальные приемники с наушниками. Это влияет на образ экскурсионной группы на улице: можно отойти на 20 метров в сторону, сфотографировать здание и продолжать все идеально слышать.

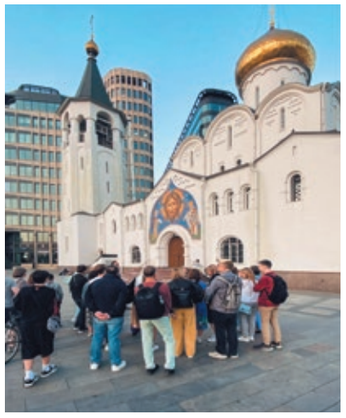
С каждым годом популярнее становятся и другие аудиогиды – записанный рассказ об объектах показа с картой маршрута. Телефоны с индивидуальными наушниками и спутниковой навигацией делают такой продукт крайне востребованным. С ним нет нужды бороться городским экскурсоводам – лучше включиться в процесс, самим участвовать в разработке подобных маршрутов. Живая экскурсия все так же востребована, а в период коронавирусных ограничений умение работать с другими форматами оказалось крайне полезным для экскурсоводов.

Есть и другие новые технологии в экскурсионной сфере. Наличие планшета помогает гиду показывать любое количество иллюстраций, а также включить в «портфель экскурсовода» кинохронику и подобные вещи. Новым словом последних лет стали нейросети. Пока их использование крайне ограничено, но потенциал представляется крайне широким. Можно за считанные минуты создать изображение Льва Толстого, гуляющего по современной Москве, или представить облик города с сохранившейся Сухаревой башней – теперь это доступно любому желающему.

Время местных

Еще одна важнейшая трансформация, случившаяся с городскими экскурсиями в Москве, – это изменение портрета среднего экскурсанта. В советские годы гид чаще всего рассказывал что-то познавательное школьникам, трудовым коллективам и гостям из других городов и стран. Главным образом, организованным группам. Сложился стереотип, что посещать экскурсии стоит только во время отпуска и в месте его проведения.

Но в конце 2000-х годов ситуация резко изменилась. Москвичи стали активно приходить на экскурсии по своему же городу. Точные причины этого явления пока никто детально не исследовал, но здравый смысл подсказывает несколько основных. Развитие информационных технологий и повсеместное распространение Интернета сделали информацию и рекламу экскурсий более доступными. Рост благосостояния среднего горожанина обеспечил большему числу людей возможности для платного досуга по выходным. Произошло некоторое пресыщение потребительскими привычками – популярность досуга в кинотеатрах и торговых центрах перестала расти. Большое число жителей Москвы недостаточно хорошо знают историю и достопримечательности своего города.



Все больше столичных экскурсий отклоняются от стандартного набора достопримечательностей и устремляются к промышленным комплексам, памятникам модернизма, объектам за Садовым кольцом

Одним словом, москвичи стали ходить на экскурсии в выходные дни и по вечерам в будни. Это, в свою очередь, изменило запрос аудитории на экскурсионные маршруты, ведь горожанам не особенно интересна автобусная «обзорка» по городу или осмотр Красной площади с Александровским садом. Стало появляться все больше экскурсий, отклоняющихся от стандартного набора достопримечательностей. Все чаще стали встречаться группы за пределами Бульварного, а потом и Садового кольца. Оказалось, что можно найти аудиторию, которой будет интересен 9-й квартал Новых Черемушек, в котором зародилось явление хрущевок. Люди готовы платить за возможность прогуляться и послушать рассказ в Тимирязевской сельхозакадемии, поискать бывшие дачи в Сокольниках и так далее.

Время недоступного

Еще одна мода и страсть современного этапа экскурсий – попасть с экскурсией туда, куда просто так не попадешь. Экскурсии оперируют теперь не только городским пространством, монастырями и музеефицированными зданиями. Оказалось, что культурное наследие может быть скрыто за дверями посольств, университетов и обычных жилых домов.

Ярчайший пример этого интереса – огромный спрос на бесплатные экскурсии, приуроченные к Дням исторического и культурного наследия. Например, доступные билеты на экскурсии нашего музея по зданию городской мэрии (бывший дворец генерал-губернатора, XVIII век) заканчиваются в течение 10–20 минут. Ежегодно мы получаем огромное число возмущенных звонков и писем от людей, не добывших желанной регистрации на редкую экскурсию.

Дело здесь, конечно, не в бесплатности. Еще лет двадцать назад невозможно было представить регулярные (зачастую довольно дорогие) экскурсии в научные институты (где можно и осмотреть интерьеры интересного здания, и узнать что-то о деятельности того или иного НИИ). Теперь это реальность.

К тому же резко расширились типологические и хронологические рамки того, что обычный московский экскурсант воспринимает как культурное наследие, достойное внимания. Например, неподдельный интерес вызывают краснокирпичные фабрики XIX – начала XX веков, их история, бывшие владельцы, особенности промышленной архитектуры. Невероятным успехом в нашем музее пользуются экскурсии по служебным объектам Московского метрополитена. Только так сторонний человек может попасть в действующее электродепо или трамвайный парк.

Хронологическое расширение рамок все заметнее и очевиднее. Архитектурное наследие 1920-х годов за последнее десятилетие стало одной из самых популярных экскурсионных тем. И даже маршрут, посвященный постройкам в стилистике модернизма второй половины XX столетия, находит спрос.

Источник данных:
Городское экскурсионное бюро Музея Москвы

Время нового

Запросы экскурсантов становятся все более разнообразными и требовательными к новым впечатлениям. Одним из главных ответов становится создание более сложных, необычных форматов, где экскурсия является лишь составной частью программы досуга.

Любители спорта и целые беговые клубы время от времени заказывают экскурсии, совмещенные с пробежкой. У нас в музее пользуется большой популярностью экскурсия с посещением закулисья одного из московских театров, продолжением которой служит посещение вечернего спектакля. На экскурсиях со скетчингом помимо показа и рассказа участники могут зарисовать красивый архитектурный элемент под руководством специально приглашенного педагога-художника. Театрализованные экскурсии разыгрывают этюды из жизни исторических персонажей.

Конечно, такое буйство красок и форматов кому-то может показаться несерьезным и отвечающим капризам взыскательной публики. Но мне здесь видится, скорее, синтез форматов и жанров, который позволяет предложить каждому человеку, стремящемуся к интеллектуальному отдыху, что-то интересное и нешаблонное.

«НИЧЕГО НЕ БОЯТЬСЯ И ДЕЛАТЬ СВОЕ ДЕЛО»

Владелец усадьбы «Золотой Лев» Сергей Пупынин – о спасении старинных парков, медоварении, родной Лебедяни и поддержке культурных проектов

Предприниматель Сергей Пупынин в числе первых восстановил старинный барский парк в России. В годы, когда меценаты, которые восстанавливали усадебные комплексы, считались сумасшедшими романтиками, он пошел по особому пути. Разглядев в заросшем и заваленном мусором парке жемчужину, он спас его и превратил в популярное культурно-рекреационное место. Ставка была сделана на сохранение уникальных старинных деревьев и рельефов, архитектурные же формы были воссозданы в духе ушедших эпох. Сейчас Сергей Пупынин не только является главой своего деятельного рода и владельцем усадьбы «Золотой Лев», но и хозяином собственной марки медовых и плодовых вин. Решив открыть магазин для продажи своей продукции, он восстановил еще одно старинное здание в Коломне.

– Сергей Львович, расскажите историю знакомства Вашей семьи с «Золотым Львом». Ведь к сохранению этого места причастно уже несколько поколений Вашей династии...

– В далеком 1988 году наш дорогой отец Лев Михайлович Пупынин привез нас в Богом забытый угол села Сапроново. И вдруг сказал, что здесь будет наша усадьба, точнее, дача. Он много путешествовал по Московской области, присматривая будущее место для «родового гнезда». И вот он настолько влюбился в это место, что встреча с усадьбой стала одной из важных жизненных вех отца – ключевым событием в жизни взрослого человека, которых на самом деле бывает немного.

Мы приняли решение и стали осваивать территорию. Начиналась эта история как у всех – с маленьких шагов, с первого колышка. Но постепенно, год за годом, метр за метром, мы продвигались на пути к мечте. В усадьбе выросли и возмужали наши дети. Мы своими глазами видели, как нам удалось остановить процесс разрушения и превратить его в процесс возрождения. Это чудо, таинство! И с этим очень важно соприкоснуться всем, кто интересуется усадьбами!

По нелегкому пути нас вела особая атмосфера усадьбы, которая явно считывалась здесь, даже несмотря на «мерзость запустения»: горы мусора, заржавевшие детали сельхозтехники, абсолютную запущенность в бытовом плане. Несмотря ни на что, мы видели особую красоту места, общий замысел усадьбы, понимали, что перед нами стоит задача раскрыть ее потенциал! Сейчас же сама земля будто бы «вибрирует» в тон твоим начинаниям и фактически помогает в созидательном процессе.

– Как Вам удалось сохранить старинные деревья и ландшафт?

– В этом мне было несколько проще, чем другим владельцам усадеб. Ландшафтный дизайн был моей профессией – я руководил одной из первых в Москве компаний в данной сфере. И мне как специалисту было особенно ценно осознавать, что мы ухаживаем за роскошными старыми деревьями, которым уже по 100–200 лет! Они буквально окружают нашу усадьбу, создавая некое «ожерелье», внутри которого мы летом наблюдаем эффект оранжереи: защищенная от ветра и немного наклоненная на юг территория нагревается на 2–3 градуса больше, чем соседняя местность. Главной задачей было сохранение этого уникального «обрамления».

Второй важной задачей было сохранение барского сада, который уникален подбором сортов плодовых. Здесь представлены исторические сорта яблонь и груш, все вкуснейшее и экологически чистое! Нами была проведена санационная и омолаживающая обрезка в несколько этапов. И сад отвечает нам взаимностью – он дает нам несколько тонн яблок, которые мы используем в производстве вина и заготовках. Что касается дикорастущих деревьев, то тут задача была открыть дубы, потому что много лет они были задушены «советской» порослью: березками, рябинками, липками, орешником. Дубы практически прекратили дышать и начали стагнировать, сохнуть. Мы проделали большую работу, чтобы дать дубам вторую жизнь. Сейчас мы довольны результатами

своего труда и очень рады наблюдать за тем, как дубы хорошеют и наращивают кроны.

– Сохранение и освоение старинных усадебных парков в наши дни, увы, не является актуальной сферой инвестирования. С какими рисками и преимуществами связан этот процесс? Почему стоит обратить внимание на старинные парки? Что нужно для того, чтобы бизнес, общественные организации и меценаты активнее включались в их спасение?

– Практически в каждом русском селе есть территория бывшей барской усадьбы, в которой от архитектуры, как говорится, камня на камне не осталось, но сохранилась шикарная парковая среда. Неискушенному человеку может показаться, что это не парк, а какие-то безликие заросли. Но если немного изучить информацию об усадебных парках, мы обязательно найдем в неказистой местности красивые аллеи, обваловку, заросшие пруды, остатки построек. Все это является бесценным и в части атмосферы, и в части ауры, и в части энергетики!

Поэтому наш пример и примеры других энтузиастов говорят о том, что не нужно бояться покупать усадебные парки – их надо брать и возделывать. Другое дело, конечно, что владельцу очень важно иметь поддержку со стороны властей. Это касается и непосредственной продажи или аренды объекта, кадастрирования – чтобы это был уже готовый объект с прописанными сервитутами. Здесь нет ничего сложного. Возьми это старое намоленное место, но пожалуйста – не строй там шале и замки Луары, а сделай так, чтобы все, что ты возведешь, было гармонично вписано в местность и не резало глаз.

– Как создавался облик «Золотого Льва»? По каким принципам Вы подбирали архитектурный стиль?

– Стиль подбирался так, чтобы он был органичен в существующем ландшафте, богатом зеленью, не плоском, а с пересеченной местностью. Не ослабить эффект прелести русского парка, среднерусской природы, но подчеркнуть достоинства! Я много занимаюсь ландшафтом, видел много нагромождений на подмосковной земле. Лишь русская усадебная архитектура органично вписывается в эти территории. Поэтому стиль выбран такой. Усадьба – это государство в государстве, живой организм со всеми функциями. В ней есть и садовая, и хозяйственная части, и присутственная – все это в сумме составляет ансамбль.

– Получился старый парк с постройками в духе усадьбы? Или усадьба, получившая новую жизнь?

– Я склоняюсь к тому, что все-таки это возрожденная русская усадьба на старинных корнях и в старинном пространстве. Ну и конечно – это проект по спасению самой усадьбы. Этап забвения прошел, и она зажила.

– Представим, что некий предприниматель захочет пойти по Вашему пути и возродить парк. Но здания захочет построить не в классическом, а, скажем, в современном стиле. Стоит ли этому препятствовать, если парк не является памятником?

– Наверное, сильно «ортодоксальничать» тут не стоит. Думаю, более логично и гармонично в старый парк будет вписана историческая архитектура. Но вариант с современным обликом тоже вполне допустим.

– Что сегодня составляет основные статьи дохода «Золотого Льва»? Можно ли говорить об окупаемости проекта?

– Усадебное хозяйство – это большой организм, ежедневно и ежемесячно требующий больших вложений. Причем не только для роста, а просто для поддержания статус-кво. Поэтому, естественно, усадьба должна работать и окупать себя сама. Надо находить деньги на ее существование и развитие внутри нее самой.

Есть моменты внешнего инвестирования – то есть человек превращает усадьбу чисто в свою «игрушку», но имеет ограниченное количество средств при необходимости постоянно тратить на усадьбу много денег. В такой ситуации деньги быстро кончаются, нередко и сам человек «перегорает». Гораздо лучше, если, «наигравшись», владелец всерьез задумается об обеспечении прибыли и самоокупаемости.

Я считаю, что каждый владелец должен найти какой-то уникальный продукт или пакет продуктов, которые представят его усадьбу на рынке. Соответственно, этот продукт будет продвигать усадьбу, брендировать ее и обеспечивать дополнительную прибыль. Но здесь, конечно, нужно индивидуально подходить к каждой конкретной усадьбе. В нашем случае ставка была сделана на плодоводство и выращивание растений. В сфере услуг – на проведение атмосферных мероприятий, сервис и комфортное уединенное проживание людей на территории усадьбы.

– Легко ли ухаживать за историческим парком, вековыми деревьями? Как у Вас организована эта работа?

– Уход, конечно, требуется, потому что возрастные деревья имеют свои болезни. Однако данный процесс нельзя назвать какой-то существенной статьей расхода. Здесь как раз очень важен момент первой генеральной санации «на входе». Если вы не пожалели сил, ресурсов и умений на начальном этапе, то потом уход за старинным парком в основном сводится к поддерживающим регулярным мероприятиям. Кстати, мы разводим птиц. В парке есть синичники. Пернатые – не только милые и желанные жители усадьбы. Они еще и помогают нам поддерживать здоровье деревьев. Никто так не поработает над вредителями и гусеницами, как прекрасные птички.

– В усадьбе Вы собрали коллекцию цветов, особенно славится сирень.

– Наша усадьба – маленький рай не только для любителей цветов, но и для ценителей парфюмерии. Ведь каждую неделю у нас в парке витают

«Родовое гнездо» – своими руками: заброшенный парк превращен в усадьбу с садами и развлечениями

разные ароматы. Конечно же, пик благоухания приходится на весну. Сначала это просто особый, ни на что не похожий запах земли после схода снега. Роскошный свежий запах! Затем цветут яблони, радуя тонким ароматом весны. Дальше начинается цветение сирени. Мы собрали внушительную коллекцию – почти 100 сортов Колесникова, а также Вехова и других авторитетов в данной области. Это молодой сад, он только сейчас набирает мощь. Следующий «ароматический сезон» – жасминовый. Усадьба погружается в сладкий, густой, тягучий аромат – благо, жасмин мы тоже коллекционируем. Летом в усадьбе цветут гортензии – они, конечно, не пахнут, но радуют глаз красотой и разнообразием оттенков. Ну а завершается сезон особым ароматом октябрьского листопада!

– После усадьбы Вы освоили историческое здание в Коломне, где сейчас находится магазин при Вашей медоварне. Расскажите про этот проект.

– Медоварня – плод нашей с отцом многолетней практики по изготовлению домашних природных вин. Эта семейная традиция берет начало от предков, из Лебедяни. Особенно нам удавалось медовое вино. У нас есть пасека, которая была основана еще помещиком и была сохранена в советский период. Уникальность хмельного меда в том, что это настоящее культурное и гастрономическое наследие нашей страны. Вопреки предубеждениям, это не алкоголь в прямом смысле слова – это дар земли, прекраснейший напиток. Мы делаем «Медъ» без консервантов, только из экологически чистого меда, чистейшей воды и трав. Все ингредиенты производим и собираем сами. Неполезное вино в старину не давали бы молодоженам в медовый месяц, и, конечно, оно не сопровождало бы самые высокие пиры. Всегда на почетном месте стояла «братина», из которой все собравшиеся черпали мед. «Медъ» – это философская вещь!

– Как Вы подбирали здание в Коломне?

– Хороший друг порекомендовал мне познакомиться с человеком, который купил исторический фабричный квартал «Патефонка» в Коломне. Там был старый патефонный завод, разные корпуса, в том числе и советской постройки. Узнав про мои пристрастия ко всему старинному, знакомый буквально

Мед – фирменный специалитет «Золотого Льва»

Усадебная жизнь 2020-х годов

за руку притащил меня в здание, которое было построено в середине XIX века. Выяснилось, что оно принадлежало купцу Бабаеву, который был одним из самых крупных пчеловодов Коломны. Вот такое чудесное совпадение произошло в моей жизни, и теперь у нас есть магазин, который словно соединил наше время и позапрошлый век. Будто бы сама судьба распорядилась так, чтобы я занимался этим зданием! Ведь история с лавкой купца-пчеловода – это удивительно, таких совпадений просто не бывает. Я чувствую свою огромную ответственность перед предками и вместе с тем ощущаю их поддержку. Непередаваемое чувство!

– Какими Вы видите будущее и перспективы медоварения в России?

– Считаю, что, несмотря на все тенденции к глобализации и автоматизации, с каждым годом все больше и больше будет цениться натуральная, авторская продукция. Такие производители несут персональную ответственность перед покупателем. Представьте: на каждой бутылке написано мое имя! Я не имею права опозорить его и сделать плохой продукт! Кстати, этот ход – чистая психология. Думаю, если бы современные производители товаров чаще решались бы подписывать свое детище собственным именем, то продукция делалась бы, как говорится, на совесть!

– Ваша семья имеет лебедянские корни. Чем для Вас ценна Лебедянь, исторический город на липецкой земле?

– Лебедянь для меня – уникальный город. Этот ландшафт, тепло, старинные домики, Дон... Они для меня являются своеобразной «точкой сборки», местом, куда хочется приезжать, чтобы «зарядиться». Но не могу не обратить внимание на проблемы своего любимого города. В первую очередь я говорю о грубом советском стиле, который не щадил исторические здания, не было никакой деликатности. А сейчас активно начинают «украшать» Лебедянь малыми архитектурными формами вроде сердечек с надписью: «Я люблю Лебедянь». Возможно, когда такие «достопримечательности» только стали появляться в наших городах, это было оригинально. Но сейчас это выглядит провинциально. Этот город для меня – буквально часть сердца, там похоронены мой отец и мои предки. И я очень не хочу, чтобы из моей малой родины вытравили исторический дух!

– Лебедянский фонд культуры и известный местный краевед Валерий Акимов продвигают инициативы по возрождению исторических вывесок, популяризации уникальных «лебедянских балконов». Вы поддерживаете их?

– Если бы в каждом городе были такие замечательные люди, как Валерий Акимов в Лебедяни, как Елена Дмитриева в Сенницах, то у нас была бы другая страна, самая мощная и развитая в мире! Это не чиновники, работающие за зарплату, а обычные люди, которые хотят делать свой город лучше и реализуют такие проекты, которые иные структуры не могут осилить даже при наличии огромного штата сотрудников и соответствующем финансировании. Я считаю, что власти и горожане должны носить таких людей на руках и всячески их поддерживать. Очень важно также равняться на этих активистов.

Я стараюсь ездить в Лебедянь хотя бы раз в квартал. Как-то весной я решил заехать в реликтовый Монастырский лес, который буквально утопает в первоцветах. Красота – неописуемая. Но сколько же мусора! Вместо прогулки и созерцания красот пришлось взять мусорные мешки и идти на субботник. Мы пытались подключить к этому действу других отдыхающих, но они как-то отнекивались. Дескать, мы сюда отдыхать приехали, а не в мусоре копаться. Понимаете, в XXI веке людям кажется зазорным убрать за кем-то мусор, чтобы помочь окружающей среде, а вот мусорить при этом – не стыдно! Надо прилагать максимум усилий, чтобы наглядным примером бороться с этой ужасной особенностью нашего менталитета.

– Что бы Вы посоветовали тем, кто хочет заняться восстановлением парков, усадеб, старинных зданий?

– Ничего не бояться и делать свое дело с полной отдачей. Будьте уверены: вам воздастся, у вас будет перед глазами источник огромной радости и смысл жить до самой старости.

– Что нужно делать государству, бизнесу и людям, чтобы в нашей стране было как можно больше таких увлеченных романтиков?

– Первое – не мешать. Второе – помогать. Например, если бы тому же проекту Валерия Акимова с балконами в Лебедяни обеспечить достаточную финансовую поддержку и хороший пиар, то туристы ехали бы туда вагонами! Не мешать, не лезть со своими сомнениями, с некомпетентными рекомендациями, помогать – вот что нужно.

Беседовал Вадим Разумов

«Лебедянь – уникальный город: ландшафт, тепло, старинные домики...»

РАССКАЗ О ЗАТЕРЯННОМ ФОТОАЛЬБОМЕ

Уникальный документ эпохи 1930-х годов – публикуется впервые, хранить вечно

Константин Михайлов

В далекой юности, в первой половине 1980-х годов, я прочитал небольшую книжку поэта Константина Ваншенкина «Рассказ о потерянном фотоальбоме». В ней были отнюдь не стихи. Это была книга, составленная из кратких подписей (как называл их автор, литературных миниатюр), которые Ваншенкин сочинял в 1972–1973 годах для двухтомного фотоальбома о Великой Отечественной войне. Его хотели выпустить к 30-летию Победы. Снимки (собственные и коллег) подбирал известный в свое время фронтовой фотокорреспондент Михаил Трахман, а автором вступительных исторических статей к разделам был не забытый, надеюсь, и в наши дни писатель Сергей Смирнов, автор «Брестской крепости».

Ваншенкин, занятый собственными литературными трудами, поначалу колебался, отказывался от предложения участвовать в этой большой работе, но посмотрев фотографии – согласился. Он ведь сам был фронтовик, гвардеец, воевал на 2-м и 3-м Белорусском, демобилизовался в 1946-м. «Я развязал тесемки первой папки, взятой наугад, и меня окатило войной, я задохнулся и тут же захлопнул папку, чтобы сохранить свое волнение», – вспоминал Ваншенкин.

Издание не состоялось: к юбилейному сроку книгу подготовить не успели, потом заболел и умер Сергей Смирнов, потом и Михаил Трахман. Через какое-то время Константин Ваншенкин поинтересовался в издательстве судьбой рукописи – и оказалось, что она пропала, потерялась. Еще через несколько лет Ваншенкину попались в собственном архиве черновики его подписей (их было около двухсот) к фотографиям исчезнувшего альбома. «Я стал читать их – заново, как не свое – и, к удивлению, обнаружил, что они могут существовать и отдельно, без фотографий», – вспоминал поэт.

Так родилась книжка Ваншенкина «Рассказ о потерянном фотоальбоме». Это была удивительная книжка. Действительно, ни одной фотографии, только короткие, сюжетно не связанные между собою тексты – то лирические, то публицистические, то описательно-мемуарные, – но все вместе они создавали впечатляющий, запоминающийся, за душу берущий образ. Многоликий, многомерный, величественный образ большой и страшной войны, образ большой и великой страны, образ великой и трудной Победы...

Примерно в то же время, когда я читал книжку Ваншенкина, весной 1983 года, я познакомился в фототеке Музея архитектуры, располагавшейся еще в Донском монастыре, с Марией Георгиевной Рогозиной, ее легендарной «хозяйкой». Я тогда еще учился в школе, а к Марии Георгиевне пришел, чтобы написать в «Комсомольскую правду» заметку о выставке старинного фотографа Ивана Барщевского, которой она была куратором. И она, оставив дела, рассказывала мне и рассказывала – о Барщевском, его фотоэкспедициях, технике съемки, ракурсах и сюжетах. Так она стала соавтором моей первой журналистской публикации.

> ***Если этот альбом показать неподготовленному читателю, он рискует вообще не понять, в каком городе все эти снимки сделаны и зачем было такую красоту ломать***

Шли годы и даже десятилетия, фототека переехала на Воздвиженку, а я все приходил с разными архитектурными делами и сюжетами к Марии Георгиевне, знавшей свое хозяйство наизусть, до каждого негатива и каждой каталожной карточки. Слушал ее рассказы и всегдашние шутливые пикировки с коллегами, готовил новые публикации и даже целые выставки. В конце весны 2018 года я вновь посетил фототеку по очередному делу, и все было как всегда, и невозможно было предположить, что в следующий раз мы встретимся с Марией Рогозиной на ее похоронах, в первые дни осени...

Впрочем, не все было как всегда. Когда мы закончили отбирать снимки (они увидели свет в № 6 журнала «Охраняется государством» за 2018 год) и я уже собирался распрощаться, Мария Георгиевна вдруг задумчиво посмотрела на меня и произнесла: «Хотите, покажу вам одну штуку?» «Конечно», – ответил я. Она скрылась на несколько минут в лабиринте каталожных шкафов, а потом вынесла из глубин фототеки и положила передо мною на стол толстый альбом в коричневом коленкоровом переплете. На обложке не было никакого названия.

Это был тот самый альбом, который мы предлагаем сегодня вниманию читателей.

Самодельный, в единственном экземпляре изготовленный альбом фотографий. На картонные страницы они были наклеены то по две, то по три, то по четыре. Краткие подписи – тушью, красивым почерком художника, с изящными росчерками и завитушками букв и цифр. Даты – 1932-й, 1933-й, 1934-й, 1935-й.

1932

Лист 1

Церковь Николы Стрелецкого на углу Волхонки и Знаменки. 1680–1682. Храм стрелецкого Стремянного полка. Снесен летом 1932 года. В начале XXI в. существовал проект воссоздания, но дело ограничилось часовней

1932

Лист 1
(оборот)

Вверху слева: церковь Николы Стрелецкого. Справа: кордегардия (помещение для караула) Дорогомиловской заставы (у выхода Большой Дорогомиловской ул. к Кутузовскому проспекту). XVIII в. Снесена в 1932 году. Внизу слева: церковь св. Климента на Пятницкой ул. Снос храма планировался в 1931–1932 годах, но не состоялся. Справа: Святые ворота в ограде храма. 1756–1758. Отмечали место острожка, где казаки и ополченцы бились с поляками в 1612 году. Снесены в 1932 году. Воссозданы в 2008–2013 гг.

1932

Лист 2

Слева: Святые ворота церкви св. Климента. 4 июня 1932 года. Справа: снос кордегардии Дорогомиловской заставы. 10 июня 1932 года

1932

Лист 2
(оборот)

Снос кордегардий Дорогомиловской заставы. 10 июня 1932 года

1932

Лист 3

Приговоренная к сносу застройка XIX в. на Смоленской площади. Снесена летом 1932 г. ради расширения Садового кольца

1932

Лист 3
(оборот)

Дом № 1-2 по Смоленской площади: накануне (2 июля 1932 года) и в процессе сноса (27 июля 1932 года)

1932

Лист 4

Вверху: церковь Смоленской иконы Божией Матери на Плющихе (1689–1691): начало сноса 2 июля 1932 года и его финал 15 июля 1932 года. Внизу: угол Лебяжьего пер. и пр. Александровского Сада. Застройка XIX в., предназначенная к сносу в связи со строительством нового Большого Каменного моста. 30 июня 1932 года

1932

Лист 4
(оборот)

Вверху: панорама Кремлевской набережной от угла с Неглинной (ныне Манежной) улицей. 30 июня 1932 года. Сейчас здесь въезд на Большой Каменный мост. Усадьба Алябьева XVIII–XIX вв. (в центре кадра) при его строительстве отделалась сносом дворовых построек.
Внизу слева: церковь Николы Стрелецкого. Справа: площадь Арбатских Ворот. В центре кадра – обезглавленная церковь Тихона Амафунтского (1689–1690), которую снесут в 1933–1934 годах. 16 августа 1932 года

1933

Лист 5

Церковь Смоленской иконы Божией Матери на Плющихе накануне и в начале сноса. 1–2 июля 1932 года

1933

Лист 5
(оборот)

Вверху справа: застройка Васильевской площади у Кремля. Сентябрь 1933 года. Квартал между кремлевской стеной и Москворецкой улицей будет снесен в середине 1930-х гг.
Вверху слева и внизу: собор Рождества Богородицы (1805–1807) и колокольня (1800) Зачатьевского монастыря близ Остоженки. Построены по проекту М.Ф. Казакова. Начало сноса летом 1933 года, доломают в 1934-м.
При восстановлении собора в 2000-е гг. «готический» стиль был признан неуместным, и новый храм стилизует допетровскую Русь. В его подклете экспонированы фундаменты не только снесенного храма, но и его предшественника XVI в.

1933

Лист 6

Вверху: снос церкви Иоанна Предтечи в Староконюшенной (Староконюшенный пер., 19–21). 1653. 17 мая – 4 июля 1933 года.
Внизу: снос собора Зачатьевского монастыря. 1 июля 1933 года

1933

Лист 6
(оборот)

Вверху: снос церкви Троицы в Зубове (Пречистенка, 31). 1653–1657. 2 июля 1933 года.
Внизу: дома №№ 19 и 21 (угловой с Москворецкой наб.) на Васильевской площади. 2 июля и 1 октября 1933 года

1933

Лист 7

Снос церкви Иоанна Предтечи в Староконюшенной. Лето 1933 года

1933

Лист 7 (оборот)

1933 год. Снос церкви Георгия на Всполье (Малая Никитская ул., 24). 1777–1788. Проект приписывался В.И. Баженову. В этом храме в 1877 году П.И. Чайковский обвенчался с А.И. Милюковой, бывшей своей ученицей

1932

Лист 8

Вверху: квартал XVIII–XIX вв. по правой стороне Моховой улицы, вид в сторону Кремля. 29 июня 1932 года. Будет снесен в 1932–1934 гг., ныне на его месте торговый комплекс на Манежной площади.
Внизу: тот же квартал с юга, видна исчезнувшая застройка Неглинной (Манежной) улицы. 29 июня 1932 года

1932

Лист 8 (оборот)

Снос квартала между Моховой и Неглинной улицами. 15–29 октября 1932 года

1932

Лист 9

Слева: церковь Тихона Амафунтского на площади Арбатских Ворот. 6 августа 1932 года.
Справа: снос колокольни (1834) церкви Николы в Толмачах (угол Большого и Малого Толмачевских переулков). 28 августа – 3 сентября 1932 года. Храм уцелел и ныне является домовым при Третьяковской галерее. Колокольня восстановлена в 1997 году

1932

Лист 9
(оборот)

Вверху слева: собор Богоявленского монастыря (1624; 1692–1696) в Богоявленском пер. В 1930-е годы предназначался к сносу, но уцелел. 19–20 октября 1932 года.
Вверху справа: церковь Косьмы и Дамиана в Шубине (Столешников пер., 2). 19 декабря 1932 – 2 марта 1933 года. Храм и ныне цел, а вот его колокольня (1857–1858) разрушена в 1933 году.
Внизу: Никольские ворота и Наугольная башня Китай-города (1535–1538). Вид с Лубянской площади (справа) и с Никольской улицы (слева). 17 ноября – 7 декабря 1933 года. Обе башни будут снесены в 1934 году. Уже начата разборка участка стены с аркой между ними

1933

Лист 10

Вверху слева: Никольские ворота Китай-города. 17 ноября – 7 декабря 1933 года.
Вверху справа и внизу: Ильинские ворота Китай-города. 3 – 21 января 1933 года. Башня будет снесена в этом же году

1933

Лист 10
(оборот)

Вверху слева: 1933 год. Снос колокольни (1853–1855) Казанской церкви у Калужских ворот (Большая Якиманка, 51). Колокольню доломали в 1935-м, а сам храм (1876–1886), переделанный в кинотеатр, достоял до апреля 1972 года, когда его взорвали, чтобы он не испортил вид президенту США Р. Никсону, кортеж которого должен был здесь проехать.
Внизу слева: снос церкви Георгия на Всполье на Малой Никитской. 26 мая – 5 июля 1933 года.
Справа: церковь Сошествия Святого Духа (1699) на Грязях (Гоголевский бульвар, 2). 15 марта – 11 апреля 1933 года. Храм снесут в том же году

1933

Лист 11

Дом № 21 по Москворецкой набережной, на углу Васильевской площади. Фотохроника уничтожения между 2 августа и 1 сентября 1933 года

1933

Лист 11
(оборот)

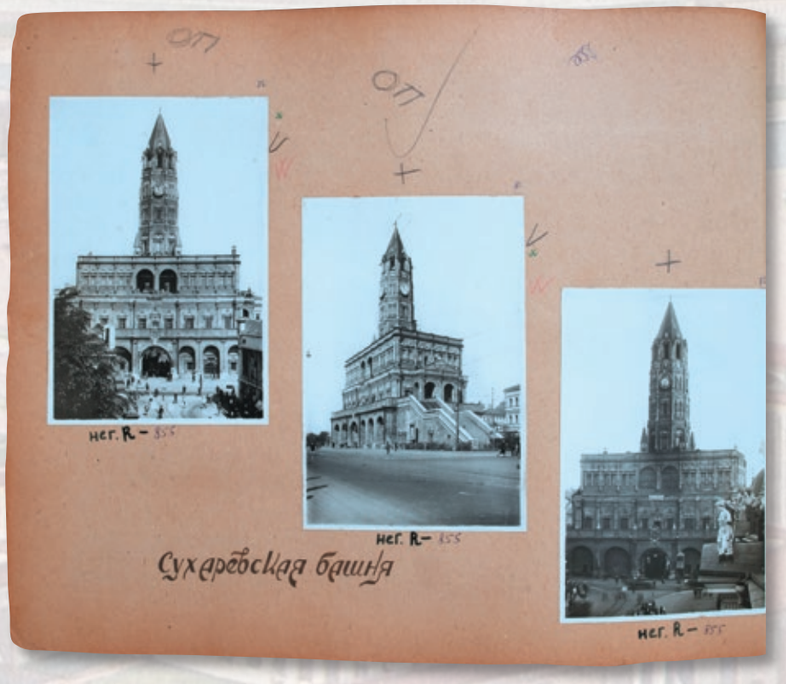
Вверху слева: Васильевская площадь после сноса южной части квартала. 3 сентября 1933 года.
Вверху справа: церковь Николы Большой Крест на Ильинке, 17. 1680–1688; один из шедевров «московского барокко».
Снесена летом 1933 года.
Внизу: башню Варварских ворот Китай-города (1535–1538) готовят к сносу. 2 сентября – 4 ноября 1933 года

1934

Лист 12

Разборка стен, Варварских ворот, Многогранной башни Китай-города идет ударными темпами. 29 марта 1934 года

1934



Лист 12
(оборот)

Москвичи в последний раз любуются Сухаревой башней (1692–1695; 1698–1701) на Большой Сухаревской площади. Апрель 1934 года

1933–1934

Лист 13

Вверху слева: Варварские ворота Китай-города перед сносом. 2 сентября – 4 ноября 1933 года. Внизу слева: начало сноса колокольни (1876–1878) церкви Ильи Пророка на Воронцовом поле. 13 января – 22 марта 1934 года. Храм уцелел (ул. Воронцово поле, 16). Справа: снос замечательного барочного храма (1739) Параскевы Пятницы на Пятницкой улице (№ 23). 11 января и 3 апреля 1934 года

1934

Лист 13
(оборот)

Слева: собор Крестовоздвиженского монастыря (1701–1726) на Воздвиженке. В 1856 году здесь обвенчались М.Е. Салтыков-Щедрин и Е.А. Болтина. 21 января 1934 года. Собор и колокольню снесут осенью 1934-го. В центре: церковь Сергия Радонежского (1698–1700) на Большой Дмитровке, угол Козицкого переулка. 29 января 1934 года. Храм снесен в 1934 году. Справа: церковь Кира и Иоанна (1764–1768) на Солянке, 6. 12 февраля – 28 марта 1934 года. Храм построен по проекту К. Бланка в память восшествия Екатерины II на престол. Снесен в 1934 году

1934

Лист 14

Вверху: церковь Покрова в Кудрине (1713–1714), на месте нынешнего высотного здания на Кудринской площади. 15 декабря 1934 года. Храм снесен в 1937 году. Внизу слева: церковь Троицы в Сыромятниках (1682; 1786) на Верхней Сыромятнической ул., 13. 23 марта 1934 года. Снесена в 1934 году. В центре: снос церкви Харитония в Огородниках (1652–1661) на углу Большого и Малого Харитоньевских переулков. 23 марта 1934 года. Справа: церковь Николы в Кошелях (1692–1706) на Яузской ул., 2. 17 февраля – 19 марта 1934 года. Храм снесен в 1937 году

1934

Лист 14
(оборот)

Разрушение стен и Многогранной башни Китай-города (1535–1538). 29 марта 1934 года

1934

Лист 15

Разрушение Сухаревой башни.
Апрель 1934 года

1934

Лист 15
(оборот)

Разрушение Сухаревой башни.
14 апреля – 10 июня 1934 года

Никаких подробностей. Ни заглавия, ни адресата. И, главное, никакого имени – ни автора фотографий, ни составителя альбома.

Все снимки – без малого 120 – были про одно и то же: про уничтожение исторических и архитектурных памятников Москвы в ходе ее т. н. «социалистической реконструкции» 1930-х годов. Зримая летопись горьких, невосполнимых утрат – причем запечатленных по этапам, от года к году, от месяца к месяцу.

Я даже не подозревал, что от 1930-х годов, когда (как, впрочем, и ныне) реконструкцией Москвы полагалось восхищаться, а о ее жертвах вспоминать как можно реже, уцелели такие свидетельства. Об этом альбоме, хранившемся в Музее архитектуры, не было упоминаний ни в исторических книгах, ни даже в многочисленных газетных и журнальных публикациях конца 1980-х – начала 1990-х, когда тема утрат культурного наследия России в XX веке перестала быть полузапретной. Разве что отдельные фотографии из него попадались в книгах и журналах. В отличие от ваншенкинского, этот альбом оказался не потерянным, а, скорее, затерянным.

Есть и другое, гораздо более важное отличие. В «Потерянном фотоальбоме» Константина Ваншенкина пропали, исчезли фотографии. В альбоме из Музея архитектуры все фотографии на месте, но исчезла натура. Это фотопортрет уничтоженного великого города, с любовью и верой возводившегося и отстраивавшегося столетиями – настоящей Москвы, которой нам уже не дано почувствовать и ощутить. Никогда.

Мы живем сегодня в другой Москве, которая, конечно, не менее настоящая, только – не та. А образ исчезнувшего города, увы, неразрывно связанный с образами его погрома, встает с картонных альбомных листов.

Реконструкция Москвы и немыслимое, не повторившееся в истории никакой другой страны сознательное уничтожение ее архитектурного наследия в XX веке – это огромная тема, я в свое время написал об этом несколько книг – и не уверен, что нашел разгадку. Здесь нет места их пересказывать. Скажу только одно: если кто-либо когда-либо, письменно или устно, станет вас уверять, что это были необходимые и неизбежные жертвы по принципу «лес рубят – щепки летят», что создание современной столицы великой страны не могло без них обойтись, – не верьте. Для каждого погибшего шедевра, будь то Сухарева башня, крепость Китай-города, Красные ворота, Симонов монастырь или церковь Успения на Покровке, специалисты и защитники старины предлагали властям разнообразные компромиссные варианты, позволявшие и сохранить памятник архитектуры, и удовлетворить очередные нужды социалистического хозяйства, транспорта, дорожного движения и т. п. Было бы желание сохранить – сохранили бы. Но не было желания, вернее, желание было противоположное: любой ценой, под любым предлогом от них избавиться. Перечитайте опубликованную еще 30 с лишним лет назад переписку Сталина с Кагановичем 1933–1934 годов о сносе Сухаревой башни – сами в том убедитесь. Кстати, на месте некоторых погибших шедевров до сих пор пустыри. Так мешали эти памятники «проклятого прошлого» развитию города, так остро их участки нужны были новой Москве XX века, что и спустя 90 лет не придумали, что с ними делать.

Но вернемся к нашему альбому, перелистаем страницы. Здесь есть и знаменитые погибшие памятники – Сухарева башня, Китайгородская стена, храм Николы Большого Креста. Церковь Георгия на Всполье, которую приписывали Баженову. Церковь Троицы в Зубове с ее неподражаемой шатровой колокольней, храм Иоанна Предтечи в Староконюшенной, шедевры русского узорочья. Есть здания, известные только искусствоведам, историкам и краеведам, но совершенно не знакомые нынешним горожанам. Да что там здания – целые улицы. Тверская и Моховая, Манежная площадь, Васильевская площадь у Кремля (кто, спрашивается, и зачем переименовал ее в «спуск»?), Москворецкая набережная... Есть и совершенно редкостные, в современном городе не встречающиеся архитектурные жанры, например, кордегардии Дорогомиловской заставы. В Париже, между прочим, десятки застав XVIII века до сих пор целы, исправно служат горожанам и туризму, и ведь не скажешь, что тамошняя столица в XX веке не развивалась и от сохранения всякой старины стала ни на что не годна.

В общем, если этот альбом показывать неподготовленному читателю, то он рискует вообще не понять, в каком городе все эти снимки сделаны. Не говоря уж о том, зачем было всю эту красоту ломать.

И только благодаря безвестным авторам этого «самиздата» 1932–1935 годов мы можем увидеть не только как этот город выглядел, но и как он уходил в прошлое. Свидетельство эпохи о самой себе, весьма откровенное и наглядное.

Здесь нужно отметить, что на альбоме нет не только имен авторов – нет вообще никаких надписей или печатей, способных пролить свет хотя бы на его происхождение. Сотрудники музея по моей просьбе даже проверили старые инвентарные книги – нашли только запись, сделанную в 1980 году рукой все той же Марии Георгиевны Рогозиной: альбом, коленкоровый переплет, страниц столько-то, снимков столько-то, тематика такая-то. И все.

1934

Лист 16

**Вверху: снос Сухаревой башни закончен. Июнь 1934 года.
Внизу: снос квартала по правой стороне Моховой улицы (дома №№ 24, 26, 28). 15 июня – 3 ноября 1934 года. На левом снимке виден пустырь на месте снесенной в 1932 году церкви Георгия на Красной Горке (1652–1657)**

1933

**Лист 16
(оборот)**

**Вверху слева: церковь Воскресения на Остоженке (1683). Храм, стоявший на углу 1-го Зачатьевского переулка, снесен весной 1935 года.
Вверху справа: церковь Сошествия Святого Духа на Грязех перед сносом. Весна 1933 года.
Внизу слева: церковь Успения на Остоженке (1670) перед сносом в 1933 году.
Внизу справа: снос колокольни церкви Троицы в Зубове на Пречистенке. 1933 год**

Поэтому нам приходится прибегнуть к гипотезам. А чтобы строить гипотезы, нужно исходить из фактов.

Факт первый. Авторы альбома явно вели свою работу регулярно и весьма системно. Снимки делались как минимум на протяжении четырех лет «социалистической реконструкции» Москвы, с 1932 по 1935 год.

Факт второй. Авторы деловито и профессионально занимались фотофиксацией сносов памятников архитектуры и исторической застройки Москвы. Они не отвлекались на «открыточные» виды, снимали только то, что ломают, или то, чему снос угрожал в ближайшем будущем.

Факт третий. Авторы придавали своей работе большое значение и намерены были сохранить ее результаты для потомков. Отсюда и увесистый альбом, и хронологический порядок расположения в нем фотографий, и подписи от руки к каждому снимку, с адресами и датами съемки. Но имена свои авторы предпочли не указывать.

Исходя из таких предпосылок, мы можем, во-первых, предположить, что четырехлетняя работа фотографа по одной и той же теме, причем небезопасной (об этом чуть ниже), в Москве 1930-х годов могла быть связана только с каким-нибудь учреждением, которое могло обеспечить своего сотрудника мандатом, снимающим лишние вопросы горожан и представителей власти. Любительская съемка в данном случае исключена. Особенно если вспомнить, что даже тридцать лет спустя, в Москве 1960-х, краевед с фотоаппаратом, снимавший какие-нибудь пилястры или волюты на фасадах старинных домов, часто заканчивал свою общественно-трудовую вахту в отделении милиции, куда его доставляли бдительные горожане (об этом есть, например, воспоминания основателя и первого директора Института наследия Юрия Александровича Веденина).

Что же касается сокрытия имен и опасности темы, то с этим как раз все понятно. Защитники и даже исследователи культурного наследия, что штатные, что общественные, в России конца 1920-х – начала 1930-х годов, что называется, ходили по краю. Они жили и работали у опасной черты, рискуя, в отличие от наших дней, не неудовольствием начальства, а в буквальном смысле слова жизнью и судьбой. Они постоянно находились на грани предъявления политических обвинений – в желании сохранить и реставрировать не только памятники старины, но и саму старину, какой она была до 1917 года, в пропаганде религии, в саботаже социалистических преобразований города, наконец, в том, что они берегут старые дома и вещи, потому что ждут, что вернутся их старые хозяева. Ну и, само собой, любая критика «градостроительной политики» властей приравнивалась к покушению на сами власти, на Советскую власть.

Вот что такое была охрана памятников истории и культуры в нашей стране 95 лет назад.

В это трудно поверить, но ни малейшего преувеличения здесь нет. В советских газетах защитники старины могли, например, прочесть о себе вот такое: «Тайные и явные белогвардейцы жалеют камни прошлых лет. Им дороги эти камни, потому что на храмы, синагоги, церкви они возлагают немало надежд как на орудие восстановления их былого могущества, власти и богатства».

А вот что говорил в 1933 году Лазарь Каганович на совещании московских архитекторов-коммунистов: «В архитектуре у нас продолжается ожесточенная классовая борьба... Характерно, что не обходится дело ни с одной завалящей церквушкой, чтобы не был написан протест по этому поводу. Ясно, что эти протесты вызваны не заботой об охране памятников старины, а политическими мотивами – в попытках упрекнуть Советскую власть в вандализме».

Поэтому, увы, многие из тех, кто ходил у опасной черты, у грани политических обвинений в антисоветской деятельности под прикрытием заботы о памятниках старины, переступили в 1930-е годы эту черту и эту грань. И не вернулись. Но это тоже отдельная большая тема.

Итак, какое же учреждение могло в первой половине 1930-х годов организовать фотофиксацию уничтожаемых памятников архитектуры? Общественные организации или профессиональные объединения специалистов для этой роли не подходят. Центральное бюро краеведения при Наркомпросе формально просуществовало до 1937 года, но в конце 1920-х – начале 1930-х фактически было разгромлено вместе со всей своей всероссийской сетью музеев и местных краеведческих организаций. В полном соответствии с генеральной линией, лидеры краеведческого движения были арестованы и осуждены по обвинению в создании «монархической контрреволюционной организации» и «контрреволюционной группировки в экскурсионной базе».

Общество изучения русской усадьбы было ликвидировано властями в 1930 году. Комиссия «Старая Москва» перестала существовать в том же 1930-м.

Единственным осколком системы охраны памятников старины, создававшейся в первые пять лет Советской власти, в начале 1930-х годов оставались основанные в 1918 году Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ). Собственно, они и были тогда единственным реально действующим

1935

Лист 17

Вверху: дом Комиссарова (гостиница «Париж») на углу Тверской улицы и Охотного ряда. Перед сносом и после него. 19 сентября и 5 ноября 1935 года.
Внизу: на месте старинных домов начального участка четной стороны Тверской улицы (№№ 2, 4, 6) уже выстроена гостиница «Москва». Напротив еще стоят остатки квартала на месте Манежной площади.
5 ноября 1935 года

органом охраны памятников, объединявшим и теоретиков, и практиков отечественной реставрации. Именно на ЦГРМ в это время оказались возложены функции и учета памятников, и контроля за их состоянием и использованием, и надзора за реставрационными работами. До 1933 года формально существовал формальный госорган – Главнаука Наркомпроса, но штаты ее были уже урезаны, а полномочия отняты. Летом 1932 года был создан Комитет по охране исторических памятников при Президиуме ВЦИК РСФСР, но и он не имел никакого постоянного штата специалистов.

Периодические отказы ЦГРМ в снятии памятников архитектуры с учета и выдаче заключений о возможности их сноса серьезно нервировали власти. В конце концов, в Мастерских сначала укрепили партийное руководство, чтобы сделать корифеев более сговорчивыми, а затем, в 1934 году, параллельно со сносом Сухаревой башни и Китай-города снесли и сами ЦГРМ. Мастерские расформировали, а наиболее строптивые специалисты отправились в лагеря и ссылки.

Однако пока ЦГРМ действовали, никто другой не мог вести работу по учету и фиксации – как самих памятников архитектуры, так и их сносов. Круг «подозреваемых» организаций здесь невелик.

Архивные материалы подтверждают это. В делах ЦГРМ сохранились документы о том, что за 15 лет своего существования архитектурно-реставрационная секция Мастерских провела более 700 заседаний, на которых постоянно рассматривались в том числе и вопросы производства обмеров, исследований и фотофиксаций приговоренных к сносу памятников архитектуры от Москвы до самых до окраин.

Помимо специалистов ЦГРМ, подобной работой занимались в те годы сотрудники ленинградской Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), но, понятное дело, не в Москве, которая была «вотчиной» ЦГРМ.

В статье, давно ставшей библиографической редкостью («Сумерки Златоглавой», «Московский журнал», № 12 за 1991 год), историк В.Ф. Козлов, глубоко исследовавший тему уничтожения памятников архитектуры в послереволюционной Москве, приводит выдержки из документа, сохранившегося в архивах ЦГРМ – «Дневника работ архитектурной секции за 1931–1935 годы». Эти записи – как раз 1932 года, которым начинается наш альбом. За бесстрастными строчками – настоящая трагедия погибающего города. Хроника вторжения, которое уже невозможно было отразить, оставалось только фиксировать.

«**14 февраля.** Сектор науки Наркомпроса просит дать заключение о возможности сноса церквей: Старого Пимена, Успения в Путинках и Духосошественской на Лазаревском кладбище.

25 марта. Барановский сообщает, что начали ломать церковь Стефана за Яузой.

2 апреля. Первый таксомоторный парк просит разрешения снять чугунные двери бывшей Казанской церкви бывшего Георгиевского монастыря для сдачи в металлолом.

3 апреля. Кулагин сообщил о начавшейся разборке церкви Троицы в Зубове.

8 апреля. Червяков сообщил о начавшейся разборке Николы Покровского и церкви Рождества на Стрелке.

11 апреля. Телефонограмма из Фрунзенского райсовета: церковь Троицы на Кропоткинской улице передана Управлению милиции СССР, Спас на Песках – заводу «Электросвет».

15 апреля. Новиков звонил Померанцеву по поводу сноса церкви Николы в Плотниках.

7 мая. Ведутся переговоры о разборке храма Флора и Лавра на Мясницкой улице.

11 мая. Колокольня церкви Покрова в Кудрине – на снос.

13 мая. Дано разрешение на разборку церкви Покрова на Баррикадной.

14 мая. Сообщение Мосстроя о разборке церкви Георгия на Красной горке и Николы в Плотниках.

9 июня. Приступили к разборке апсид церкви Николы в Воробине.

28 июня. Пимена ломает строительный трест Октябрьского района (Селезневка, 15).

10 июля. Научная фиксация храма Спаса на Болвановке.

14 июля. Лазаревское кладбище. Правительственная комиссия по вопросу о сносе.

5 августа. Поповым сделаны обмеры Воскресенской церкви в Гончарах.

27 августа. Звонил председатель строительства – идет ликвидация церкви Георгия на Всполье. На днях будут взрывать.

27 августа. Телефонограмма из сектора науки по вопросу о возможности сноса церкви Рождества в Палашах и Сухаревой башни.

13 сентября. О разборке здания аптеки на Воздвиженке.

15 ноября. Церковь Софии на Пушечной сносится. ОГПУ разобрал колоннаду и верхушку колокольни».

Из этого документа мы узнаем, во-первых, что многие значительные архитектурные памятники, которыми ныне гордится Москва, – храмы Успения в Путинках, св. Духа на Лазаревском кладбище, Николы в Покровском, Рождества на Солянке, Пимена в Новых Воротниках, Спаса на Болвановке, Софии на Пушечной – в начале 1930-х годов находились под угрозой сноса. Но, к счастью, уцелели.

А во-вторых – и это важно для нашего небольшого «расследования», – документ свидетельствует: сотрудники ЦГРМ в 1932 году занимались судьбами как раз тех памятников, снос которых зафиксирован в фотоальбоме из Музея архитектуры. В «Дневнике работ...» упоминаются, в частности, церкви Троицы в Зубове, Георгия на Всполье, Покрова в Кудрине, Сухарева башня.

Именно ЦГРМ, как следует из документа, давали экспертные заключения и разрешения на снос, участвовали в комиссиях, вели «переговоры», проводили научную фиксацию уничтожаемых памятников архитектуры. Научную фиксацию в те годы непременно сопровождали фотографии. Так что, сопоставляя архивный документ ЦГРМ и наш альбом, мы можем сделать осторожный вывод, что он содержит избранные материалы таких фиксаций. А в Музей архитектуры альбом попал, скорее всего, после ликвидации ЦГРМ в 1934 году. Последние снимки сделаны и в альбом вклеены уже в 1935-м – это, видимо, означает, что авторы посчитали необходимым закончить свою миссию, невзирая на административную турбулентность вокруг. Кстати, вероятно, именно поэтому на альбоме нет никаких указаний на принадлежность к ЦГРМ – к моменту его завершения это была уже опальная, чуть ли не контрреволюционная организация.

Теперь попытаемся высказать еще более осторожную гипотезу об авторстве публикуемых фотографий.

Владимир Фотиевич Козлов, изучивший в отечественных архивах сотни документов, связанных с работой ЦГРМ в 1920–1930-е годы, в беседе со мною не только подтвердил, что специалисты ЦГРМ постоянно занимались фотофиксацией приговоренных к сносу памятников, но и назвал два имени тех, кто осуществлял тогда эти фотосъемки: Александр Лебедев и Николай Епанечников. Однако Лебедев, по словам В.Ф. Козлова, в основном фотографировал уничтожаемые московские некрополи.

Как сообщил мне В.Ф. Козлов, в архивных протоколах ЦГРМ 1929–1934 гг. (наиболее «урожайных» на сносы) множество записей о фотофиксации уничтожаемых памятников архитектуры, но лишь несколько раз указаны имена фотографов, которым поручалась эта фиксация. Их только двое: А.В. Лядов (Воскресенские ворота, 1931 г.; храм Спиридония на Спиридоньевке, 1930 г.) и Н.Я. Епанечников (церковь Мартина Исповедника, 1933 г.; ограда Андроникова монастыря, 1933 г.; храм Косьмы и Дамиана, 1932 г.;

1935

Лист 18

Рождественский монастырь на Рождественке, 20. 6 марта 1935 года. От разрушительного XX века монастырь «откупился» участками утраченных стен, ныне восстановленных

1935

Лист 18 (оборот)

Смоленская площадь после реконструкции. 24 апреля 1935 года

храмы Златоустовского монастыря, 1933 г.). Судя по датам, в 1932–1933 гг. эту скорбную миссию исполнял в ЦГРМ Епанечников. Так что вероятным автором нашего фотоальбома, скорее всего, является Николай Яковлевич Епанечников.

Косвенное подтверждение этого мы можем найти опять-таки в фондах Музея архитектуры. В них есть атрибутированные фотоснимки церкви Воскресения на Остоженке, сделанные в 1935 году во время ее разборки. (Этот же храм присутствует и в нашем фотоальбоме, только еще в целом, хотя уже и разоренном виде, – вероятно, в процессе подготовки к сносу в январе 1933 года.) Так вот, эти снимки также находятся на листе из альбома, поступившего в музей в 1940 году. Происходят они, согласно регистрационным данным музея, из Центральных государственных реставрационных мастерских, а имя фотографа обозначено – Н.Я. Епанечников.

Это уже тройное совпадение с нашими гипотезами: конкретного адреса, времени съемки, происхождения снимков. Доказательство косвенное, но доказательство.

Общедоступные биографические данные о Николае Епанечникове очень скудны. Но даже пунктирно прослеженная его биография явно была богата яркими событиями и впечатлениями – увы, чем дальше, тем, видимо, все более горькими.

Епанечниковы – почтенный род московских иконописцев и реставраторов второй половины XIX – середины XX столетия. Отец нашего героя, Яков Ефимович, происходил из купеческого сословия, владел художественной мастерской в Москве на 1-й Мещанской улице, имел звание «поставщик двора Его Императорского Величества». Он был известным мастером, расписывал церкви в Москве и Подмосковье, писал иконы для храмов не только России, но даже и Палестины (там они до сих пор сохранены).

Николай Яковлевич Епанечников, унаследовавший отцовскую мастерскую в начале XX века, также получил звание «поставщика двора» (оно не передавалось по наследству). И не уронил отцовской репутации: был автором росписей и икон для храмов в Тамбове и Курске, украшал Феодоровский собор в Царском Селе, построенный к 300-летию Дома Романовых.

Как реставратор он работал до революции в Успенском соборе Московского Кремля, в храме Христа Спасителя, в церкви Спаса на Нередице в Новгороде, укреплял фрески Дионисия в Ферапонтовом монастыре.

В советское время, когда заказы на росписи и иконы прекратились, Н.Я. Епанечников занимался преимущественно реставрацией и связанной с ней фотографией. Сотрудничал с ЦГРМ, в 1930-е годы выезжал в командировки в Новгород, Псков, Тверь, Ярославль, где занимался укреплением древних фресок.

На этом все мои гипотезы заканчиваются и начинается чистая правда факта.

Мы публикуем этот альбом не только как фотопутеводитель по исчезнувшей Москве и бесценное документальное свидетельство далекой эпохи.

Эта публикация – дань благодарной памяти его авторам, не побоявшимся такое свидетельство составить и завершить. И целым поколениям музейных работников, хранившим его все эти годы.

Но что, собственно, говорит это свидетельство былой эпохи – эпохе нынешней?

На мой взгляд, только одно: тот, кто покушается в наши дни на любое историческое здание, продолжает черное дело, запечатленное в 1932–1935-х авторами нашего затерянного фотоальбома.

Так что этот альбом кому – окно в прошлое, а кому – зеркало.

Автор приносит искреннюю благодарность директору Государственного музея архитектуры имени А.В. Щусева Наталье Шашковой, заведующей отделом по работе с посетителями фондов Ольге Баевой, хранителю музейных предметов I категории Вячеславу Нечаеву за содействие в подготовке этой публикации.

Светлой памяти Марии Георгиевны Рогозиной

Фотофиксация сноса церкви Воскресения на Остоженке весной 1935 года. Из фондов Музея архитектуры имени А.В. Щусева. Эти снимки поступили в музей из ЦГРМ и атрибутированы Н.Я. Епанечникову

СКАЗАНО

Максим Егоров,
губернатор Тамбовской области:

«Провел выездное совещание по вопросам капитального ремонта многоквартирных домов в Тамбове. Что касается домов 22 и 24 по ул. Коммунальной, то это объект культурного наследия, построен в 1917 году... Дом отремонтирован по программе "Наследие Тамбовщины": в нее в 2023 году вошли десять домов из города Тамбова, три дома из города Мичуринска и два дома из города Моршанска. Всего в регионе зарегистрировано 97 объектов культурного наследия, которые также требуют капитального ремонта. Программа стартовала совсем недавно, но уже есть реальный результат. Будем работать дальше!»

Дмитрий Андреев,
собственник частного дома-памятника (ОКН) в городе Данилове Ярославской области:

«Наследие спасает меня, а я – наследие. Через работу с памятниками архитектуры ты получаешь столько вызовов, что это позволяет узнать себя, измениться, стать лучше. Это созидательная деятельность, оправдывающая твое существование. Это важный опыт соприкосновения с прошлым, прививка для уважительного отношения к старине. Не через музей, а через реальную жизнь. Многие горожане удивляются, что так можно поступить с полом, старинными дверями, стенами, прочими элементами. Это наша миссия просвещения. И это работает. Почему люди заказывают фотосессии в интерьерах? Они понимают ценность».

СДЕЛАНО

Астрономическая обсерватория Казанского университета включена в Список Всемирного наследия

Такое решение принято 18 сентября 2023 года на расширенной 45-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО в Эр-Рияде (Саудовская Аравия). Объект состоит из двух частей: одна – в историческом центре Казани, другая – в лесистой пригородной зоне к западу от города. Обсерватории сохранились в полном объеме вместе с астрономическими приборами и в настоящее время выполняют в основном образовательные функции. «Астрономические обсерватории Казанского федерального университета» стали 21-м российским объектом в Списке Всемирного культурного наследия (не считая 11 природных). И – четвертым, расположенным на территории Республики Татарстан.

В Якутии упразднен специализированный госорган охраны культурного наследия

Глава республики Айсен Николаев издал указ, которым присоединил Департамент охраны объектов культурного наследия к Министерству культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия). Самостоятельный охранный департамент работал с 2016 года. Причины такой реформы вопреки ст. 10 № 73-ФЗ неизвестны и непонятны, тем более на фоне системной поддержки руководством республики деятельности по сохранению и реставрации наследия, а также недавно проведенного в Якутске форума общественности Сибири и Дальнего Востока «Лидеры ВООПИК – Восточный вектор».

СКАЗАНО

Роман Лузинов,
заместитель губернатора Краснодарского края:

«Очень важно сохранить храмы и культовые сооружения кубанской архитектуры. Так как, пережив тяжелые времена, они вновь являются центрами духовной жизни, возрождения нравственных, православных ценностей, укрепления культуры и традиций казачества».

Марита Мугадова,
заместитель министра культуры Республики Дагестан:

«Нами сформирована предварительная таблица Реестра из 56 объектов нематериального культурного наследия, среди которых двадцать объектов вошли в региональный реестр и четыре объекта – во всероссийский. Это обряд первой борозды в селах Дагестана, праздник середины зимы Игби в селе Шаитли Цунтинского района, праздник поливного канала в населенном пункте Чирката Гумбетовского района, праздник Новруз в селе Сабнова Дербентского района. Работа по выявлению, описанию и продвижению объектов нематериального культурного достояния РД будет продолжена.

Совместно с ГРДНТ им. В.Д. Поленова планируется проведение экспедиций. Наша совместная деятельность с клубными учреждениями муниципальных образований республики нацелена на воспитание патриотизма и гражданской идентичности, межнационального согласия и творческого развития личности».

СДЕЛАНО

Реестр объектов советского искусства создан в Нижегородской области

В нем содержится информация о 128 мозаиках, сграффито и витражах, отобранных экспертами. Задача реестра не только в инвентаризации советского наследия, но и в том, чтобы определить, над сохранением и восстановлением каких объектов необходимо работать в первую очередь. Следующим шагом станет разработка нормативной базы в отношении объектов монументального искусства, а также популяризация наследия.

Дом Маштакова в Самаре получил «Золотой Трезини»

Восстановленный Самарским областным отделением ВООПИК деревянный исторический дом получил «Золотой диплом» архитектурно-дизайнерской премии «Золотой Трезини». На суд жюри было представлено более 1 000 проектов из 72 стран. Для дома Маштакова выбрали номинацию «Реставрация и современное приспособление».

В Госдуме предложили запретить рекламу алкоголя на фоне ОКН

По словам авторов инициативы, на бутылках часто изображают памятники и значимые места Москвы, Петербурга и других городов. А это формирует позитивное отношение к алкоголю, так как культурные сооружения вызывают у россиян гордость. Исключения возможны, если алкоголь составляет историческую суть изображенного места – например, исторического винокуренного завода...

Козлов В.Ф. Православные монастыри Москвы и их культурное наследие. М.: Институт Наследия, 2022. – 600 с.

Эта прекрасно изданная книга – самое объемное на сегодня научно-справочное, основанное на первоисточниках издание, содержащее материал о всех существовавших к началу XX века православных монастырях Москвы.

Ее основу составляют написанные на базе архивных и опубликованных материалов 28 очерков по истории обителей, где приводятся общие сведения об их возникновении, развитии и судьбе в XX веке (причем особое внимание уделено периоду гонений 1920–1930-х гг., обстоятельствам закрытия монастырей и сноса ансамблей или отдельных памятников). Также приводятся исторические описания монастырских храмов, часовен, наиболее значимых монастырских некрополей и существовавших в ряде монастырей в советский период музеев.

Очерки об обителях предваряет раздел «Православные монастыри в истории и культуре Москвы», где изложены основные этапы исторического развития монастырей со времени их возникновения до сегодняшнего дня.

Научно-справочный аппарат издания составляют списки источников и литературы, алфавитный и хронологический перечни, планы-схемы крупнейших московских обителей и др.

На территории сохранившихся 16 московских монастырей (в 13 из них возрождена монашеская жизнь) в наши дни развернулись ремонтно-реставрационные работы, восстанавливаются храмы и другие постройки. Монастыри вновь стали центрами духовной жизни, местами притяжения для православных паломников и одновременно – важнейшими экскурсионными объектами для москвичей и гостей столицы.

Книга обобщает более ранние работы автора, известного ученого и краеведа, кропотливо по крупицам собирающего факты, разбросанные по архивам и другим источникам. Ранее выходила работа В.Ф. Козлова, посвященная московскому старообрядчеству.

Овсянникова Е., Васильев Н. Деревянная Москва эпохи ампира. По материалам архитектора Н.Д. Виноградова. М.: Кучково поле Музеон, 2023. – 328 с.

Издание посвящено массовой деревянной застройке Москвы после пожара 1812 года. Основу книги составляют материалы архива архитектора, реставратора, коллекционера и деятеля охраны наследия Н.Д. Виноградова, большая часть которых ранее не публиковалась. Под его руководством силами сотрудников архитектурного отдела Комиссии по охране памятников Моссовета в 1919–1921 годах были обследованы многие городские районы. Почти пятьсот деревянных объектов (дома, ворота, сараи, заборы и беседки в садах), позднее разобранных на дрова, были тогда сфотографированы, отчасти обмерены и зарисованы.

Книгу открывает статья Е.Б. Овсянниковой (внучки Н.Д. Виноградова) и Н. Васильева «Архитектура классицизма XVIII–XIX веков». Читатель узнает, как античные правила архитектуры были сведены воедино Витрувием и как его трактат повлиял на Леона-Батиста Альберти, Андреа Палладио и главного художника римских развалин Джованни Баттиста Пиранези. Обогащенный египетскими впечатлениями наполеоновских походов, ампир («стиль двух императоров») привнес в декор домов и интерьеров «арматуры» – щиты, мечи, лавровые венки и пр. В России распространена была безордерная классика, причем в Москве активнее применялось дерево, нежели кирпич или камень. Московский ампир богаче орнаментирован, более произволен в массах и в целом более свободен, чем его петербургские и европейские аналоги. Несмотря на массовый интерес к классической архитектуре в 1900–1910-е годы, деревянный ампир Москвы не привлекал внимания исследователей и зодчих-практиков вплоть до 1919–1921 годов.

Частные музеи России. Хранители памяти и пространства. М.: АНО Центр «Никея», 2022. – 616 с.

Книга о частных музейных собраниях страны – увлекательный справочник, в котором собрана актуальная информация по 90 музеям в 29 регионах России – от Калининграда до Камчатки, от Архангельской области до Краснодарского края. Акцент сделан на Москве и Петербурге, городах Золотого кольца и крупных туристических регионах (Рязань, Тверь, Калужская область и проч.).

Это собрания и коллекции от московского «Гаража» и питерской «Эрарты» до Музея автоугона имени Юрия Деточкина, музеев наперстков, чак-чака и трактора, «Коня в пальто», «Старух о любви» и еще многих-многих – оригинальных, живых, разных.

Книга рассказывает о неисправимых мечтателях и деятельных энтузиастах, которые есть в каждом уголке нашей страны. Это не просто путеводитель – это девять десятков сюжетов о том, как замыслы рождаются в головах и материализуются в руках обычных, но очень увлеченных людей – и на туристической карте появляется еще один атмосферный музей. Новая точка притяжения, которая преображает все на километры вокруг. Это заповедники истории и той жизни, которая незаметно ускользает от нас.

С таким изданием можно изучать страну дома на диване, а можно отправиться путешествовать по России, чтобы открывать новые удивительные места, а заодно и в себе находить то прекрасное, что дают нам подобные музеи и люди, их создающие.

Такие музеи обогащают жизнь и открывают местным жителям и гостям неожиданные ракурсы знакомых мест и привычных историй. И ведь многие знаменитые и большие музеи тоже начинали как маленькие частные коллекции.

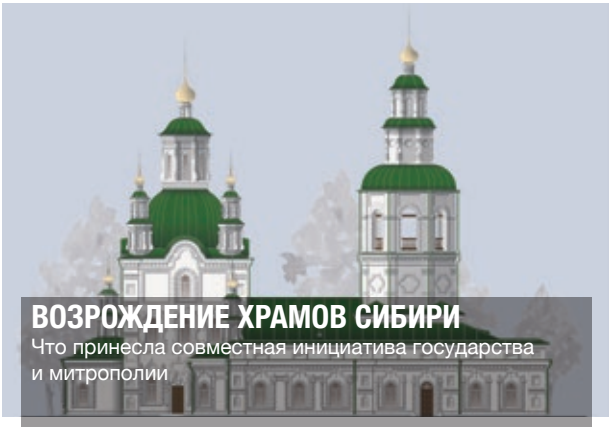
Дружинин П. Силуэт в России в XVIII веке. М.: Кучково поле Музеон, 2023. – 496 с.

Книга историка, старшего научного сотрудника Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН Петра Дружинина посвящена портретному силуэту – уникальной иконографической технике, получившей невиданное распространение в Европе в последней трети XVIII века. Россия была не просто подражателем общеевропейской моде, но стала центром притяжения лучших художников жанра. Именно Россия в XVIII веке пережила подлинный расцвет силуэтного портрета – выразительного, схожего, доступного, но вместе с тем крайне уязвимого для времени и ныне совершенно забытого. Собранный автором комплекс ранее неизвестных документов по истории русского силуэтного искусства уникален и многократно превышает все когда-либо опубликованное по этой теме. Русский силуэт XVIII века олицетворяют два чрезвычайно одаренных и в высшей степени плодовитых классика жанра – Георг Фридрих Сидо и Иоганн Фридрих Антинг, главные герои капитальной монографии историка Дружинина. Практически все мастера искусства силуэта были странствующими артистами: «они приезжали в город, давали объявления, исполняли заказы и двигались дальше, путешествуя по городам и странам».

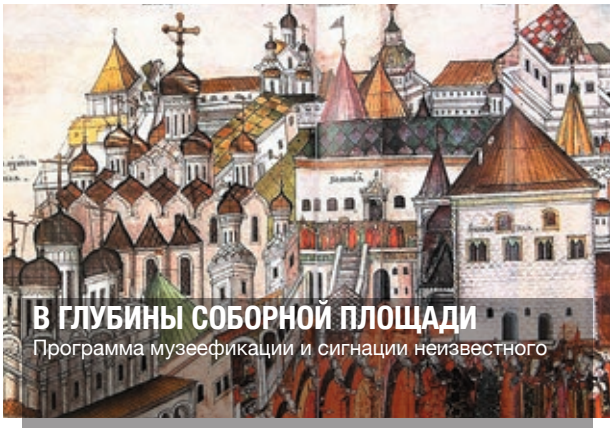
Изменчивость моды вынудила Сидо сначала переехать в Москву, а когда его надежды на высокие заработки в Первопрестольной потерпели крах, странствующий силуэтер был вынужден вернуться в столицу и понизить расценки. В новом коммерческом объявлении он предлагал «в знак своей признательности» петербургской публике изготовить «для каждого желающего по шесть портретов в парижских паспарту – за 1 рубль».

Иллюстрации, которые дают возможность проследить эволюцию силуэта не только в России, но и в Европе, собраны с исключительной полнотой из 69 хранилищ России и мира, от Эрмитажа до Метрополитен-музея.

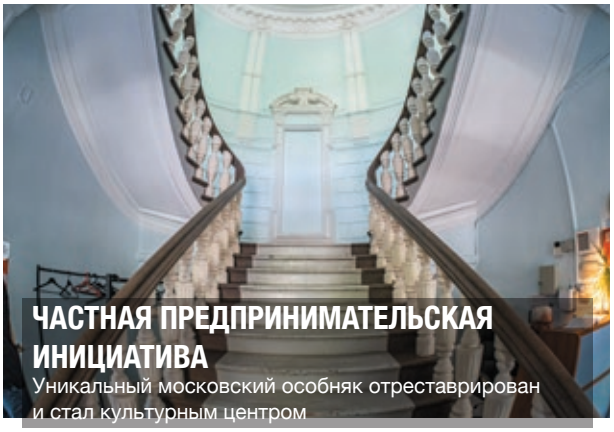
ЧИТАЙТЕ В ЖУРНАЛЕ «ОХРАНЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВОМ» В 2024 ГОДУ:



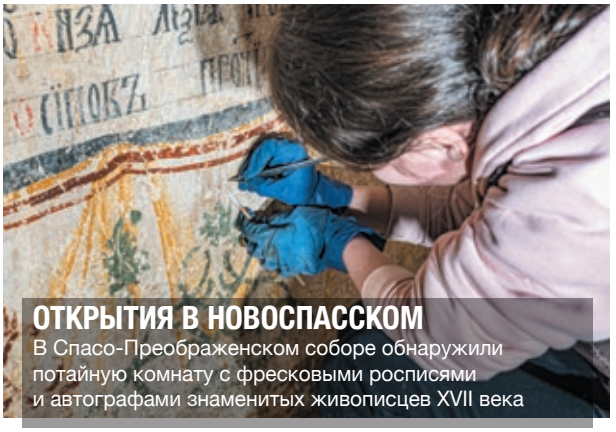
ВОЗРОЖДЕНИЕ ХРАМОВ СИБИРИ
Что принесла совместная инициатива государства и митрополии



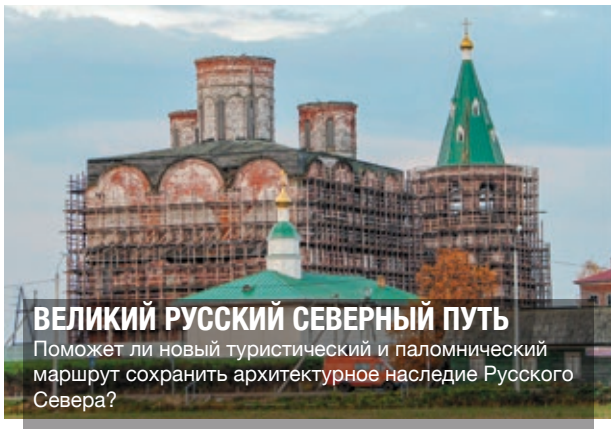
В ГЛУБИНЫ СОБОРНОЙ ПЛОЩАДИ
Программа музеефикации и сигнации неизвестного



ЧАСТНАЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ИНИЦИАТИВА
Уникальный московский особняк отреставрирован и стал культурным центром



ОТКРЫТИЯ В НОВОСПАССКОМ
В Спасо-Преображенском соборе обнаружили потайную комнату с фресковыми росписями и автографами знаменитых живописцев XVII века



ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ СЕВЕРНЫЙ ПУТЬ
Поможет ли новый туристический и паломнический маршрут сохранить архитектурное наследие Русского Севера?

ДОМ АННЫ МОНС ВЕРНУЛСЯ В МОСКВУ
Как выполнено президентское поручение об обеспечении доступа к легендарному памятнику Немецкой слободы